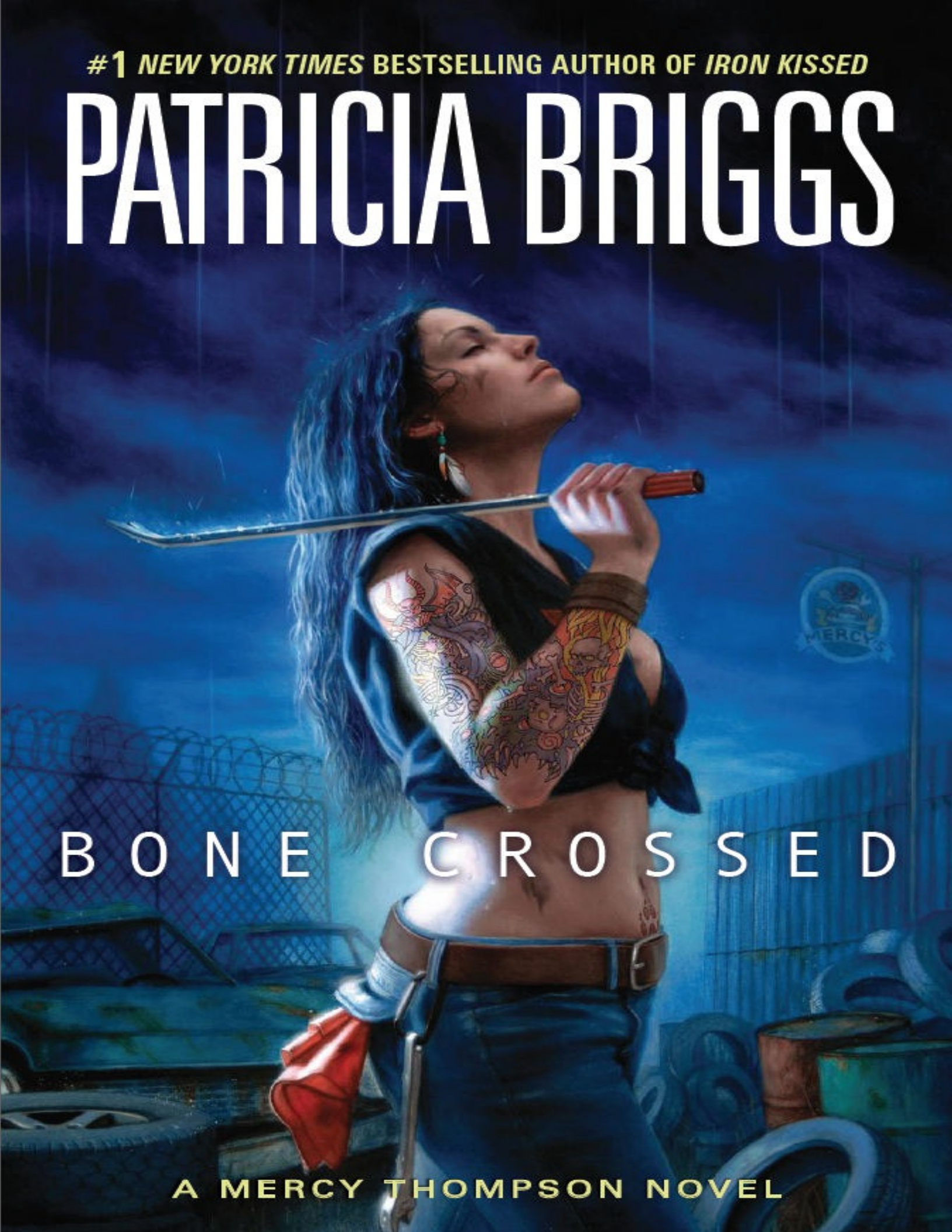
#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLING AUTHOR OF *IRON KISSED*

PATRICIA BRIGGS



BONE CROSSED

A MERCY THOMPSON NOVEL

Annotation

Днем Мерси автомеханик в крупном Три-Сити Восточного Вашингтона. Ночью она исследует свою сверхъестественную сторону. Как перевертышу с кое-какими уникальными талантами, Мерси частенько приходится поддерживать хлипкую гармонию между людьми и не совсем людьми. На этот раз может потребоваться нечто большее, чем она рассчитывала.

Марсилия, местная Королева Вампиров, узнала, что Мерси предала ее, убив члена ее клана — и она жаждет крови. Но поскольку от прямых ответных мер Мерси защищает стая оборотней (и ее близкие отношения с сексуальным Альфой), Марсилия нацелиться не на Мерси.

Это будут ее друзья.

Патриция Бриггз
Скрещенные костями

Глава 1

Я смотрела на свое отражение в зеркале. Я не была симпатичной, но у меня были густые, доходящие до плеч, волосы. Кожа на руках и лице была темнее, чем тело. Это благодаря моему отцу, индейцу из племени Черноногих, я никогда не буду бледной.

На моём подбородке было два шва, наложенные Сэмюэлем на порезы, а на плече — синяк (не слишком серьёзные повреждения, учитывая то, что я боролась с существом, которое любит есть детей и вырубило вервольфа). Тёмная нить с некоторых сторон кажется лапками блестящего чёрного паука. За исключением этого незначительного ущерба, с моим телом всё в порядке. Карате и работа механика держат меня в хорошей форме.

Моя душа была изранена куда сильнее, чем мое тело, но я не могла увидеть этого в зеркале. И, надеюсь, никто не мог. Этот невидимый ущерб заставил меня бояться покинуть ванную и встретиться лицом к лицу с Адамом, ожидающим в моей спальне. Хотя я могла с абсолютной уверенностью утверждать, что Адам не сделает ничего такого, чего я не хочу, и в тоже время хочу уже так давно.

Я могу попросить его уйти. Дать мне больше времени. Я пристально смотрела на женщину в зеркале, а она так же вглядывалась в меня.

Я убила человека, изнасиловавшего меня. Неужели я позволю ему одержать эту последнюю победу? Позволю ему уничтожить меня, как он и намеревался?

— Мэрси? — Адам не повышал голоса, он знал, что я услышу.

Осторожней, — ответила я, перестав вглядываться в зеркало и надевая чистое белье и старую футболку.

— у меня есть древний дорожный посох, и я знаю как им пользоваться.

— Он лежит на твоей кровати, — ответил он.

Когда я вышла из ванной, Адам тоже лежал на моей кровати.

Он не был высоким, но ему это и не требовалось, чтобы производить нужное впечатление. Широкие скулы и полные, мягкие губы в сочетании с волевым подбородком придавали ему вид кинозвезды. Его глаза, цвета темного шоколада, были лишь на тон светлее моих собственных. его тело было таким же прекрасным, как и его лицо, хотя я точно знаю, что сам он так не думает. Он держал себя в форме, потому что был Альфой, и его тело служило инструментом для защиты своей стаи. До Перемены он был солдатом, и это до сих пор проявлялось в его манере двигаться и умении управлять.

— Когда Сэмюэль вернется из больницы, он проведет остаток ночи в моём доме, — сказал Адам, не открывая глаз. Сэмюэль мой сосед, врач и одинокий волк. Дом Адама находится как раз за моим, их разделяет примерно десять акров — три принадлежат мне, а остальные — Адаму.

— У нас есть время поговорить.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала я не вполне искренне. Он выглядел уставшим с тёмными кругами под глазами, но ничто, кроме увечья, не может заставить его выглядеть ужасно.

— У них в округе Колумбия нет кроватей?

Он должен был поехать в Вашингтон (в столицу — мы были в штате) в этот уикенд, чтобы разобраться с небольшой заварушкой, в которой отчасти была повинна я. Конечно, если бы Адам перед камерой не разорвал труп Тима на куски и если бы в результате DVD с

записью не попал бы на стол к сенатору, то проблемы бы не было. Так что в какой-то мере это была и вина Адама.

Главным же образом это была вина Тима и того, кто сделал копию DVD и отослал её. Я позаботилась о Тиме. Бран, вервольф, главенствующий над всеми остальными главенствующими вервольфами, несомненно, занялся другим виновником. В прошлом году я бы ожидала услышать о похоронах. В этом году, когда вервольфы едва открыли тайну своего существования миру, Бран, вероятно, будет более осмотрительным. Что бы это ни значило.

Адам открыл глаза и посмотрел на меня. В полумраке комнаты (он включил только небольшую лампу на прикроватном столике) его глаза казались чёрными. На его лице появилось мрачное выражение, которого не было раньше, и я знала, что это из-за меня. Из-за того, что он не смог уберечь меня, — а такие люди, как Адам, воспринимают это довольно серьезно.

Лично я полагала, что моя сохранность зависела от меня. Иногда это может означать позвать на помощь друзей, но это была моя ответственность. Тем не менее, он видел в этом свой провал.

— Так ты приняла решение? — спросил он.

Адам имел в виду, приму ли я его как свою пару. Вопрос висел в воздухе слишком долго и влиял на его способность удерживать стаю под контролем. По иронии судьбы, то, что случилось с Тимом, разрешило вопрос, который месяцами удерживал меня от того, чтобы принять Адама. Я полагала, что если смогла сопротивляться действию магического зелья малого народа, которым опоил меня Тим, то незначительное заклятие Альфы тоже не сможет превратить меня в покорную рабыню. Возможно, мне стоило поблагодарить его перед тем, как ударить ломом.

Адам не Тим, сказала я себе. Я вспомнила, с какой яростью Адам сорвал дверь моего гаража, как отчаянно уговаривал меня ещё раз выпить из этой проклятой чаши. Кроме власти лишить меня воли, чаша также обладала силой исцелять, а мне в тот момент требовалось серьёзное исцеление. Это сработало, но Адам чувствовал себя так, словно предавал меня, и думал, что я возненавижу его за это. Но он все равно это сделал. Я полагаю, это потому, что он не лгал, когда сказал, что любит меня. Когда я спряталась от стыда — я приписала это действию волшебного напитка, потому что я знала… Я знала, что мне нечего стыдиться — он вытащил меня в форме койота из-под своей кровати, укусил за нос за глупость и обнимал меня всю ночь. Потом он окружил меня своей стаей и безопасностью, нуждалась я в этом или нет.

Тим мертв. И он всегда был неудачником. Будь я проклята, если стану жертвой неудачника или кого бы то ни было.

— Мерси? — Адам оставался лежать на спине на моей кровати, выражая своей позой уязвимость.

Вместо ответа я сняла футболку через голову и бросила её на пол.

Адам сорвался с кровати с такой стремительностью, какой я никогда не видела, захватив с собой стёганое ватное одеяло. Я моргнуть не успела, а он уже закутал меня в него… и крепко прижал к себе так, что моя обнаженная грудь касалась его груди. Он склонил голову на бок, так что моё лицо прижалось к его щеке и подбородку.

— Я говорил о том, чтобы уничтожить преграду между нами, — сдержанно сказал он. Его сердце неистово билось рядом с моим, его руки сильно дрожали.

— Я не имел в виду, что ты должна спать со мной прямо сейчас, простого «да» было бы

достаточно.

Я знала, что он возбуждён, даже обычный человек, не обладающий обонянием койота, знал бы это. Мои руки скользнули вверх от его бёдер к твёрдому животу, а затем к рёбрам; я услышала, как его сердце стало биться ещё чаще, а на подбородке выступила лёгкая испарина от моей неторопливой ласки. Я почувствовала, как двигаются мускулы на его щеке, когда он стиснул зубы, почувствовала жар его кожи. Я подула ему в ухо, и он отскочил от меня так, словно я оттолкнула его с силой быка.

Его глаза загорелись янтарём, а губы стали ещё более полными и алыми. Я уронила одеяло поверх моей футболки.

— Чёрт возьми, Мерси.

Он не любил ругаться в присутствии женщин. Всегда, когда я доводила его до этого, то считала это личной победой.

— Недели не прошло с тех пор, как тебя изнасиловали. Я не буду спать с тобой, пока ты не поговоришь с кем-нибудь, с консультантом или психологом.

— Я в порядке, — сказала я, хотя на самом деле как только расстояние лишило меня чувства безопасности, принесенного им, Я осознала, как все болезненно переворачивается у меня в желудке.

Адам отвернулся от меня и встал лицом к окну.

— Нет, не в порядке. Помни, ты не можешь солгать волку, любимая.

Он выдохнул слишком сильно, чтобы это могло быть просто вздохом. Он взъерошил волосы, пытаясь избавиться от лишней энергии. Они услужливо встали торчком, превратившись в мелкие кудри, которые он обычно стриг очень коротко, чтобы они выглядели аккуратными и ухоженными.

— С кем я разговариваю? — спросил он, хотя я не думаю, что вопрос был обращен ко мне. — Это же Мерси. Заставить тебя поговорить о чем-то личном — это как выдирать зуб, когда он абсолютно здоров. А заставить тебя поговорить с незнакомцем…

Я никогда не считала себя очень уж молчаливой. На самом деле, меня упрекали в том, что я слишком остра на язык.

Сэмюэль не раз говорил мне, что я, вероятно, проживу дольше, если научусь время от времени прикусывать язык.

Так что я молча ждала, пока Адам решит, что же он хочет сделать.

В комнате было не холодно, но меня все равно немного знобило, должно быть из-за нервов. Если Адам не поторопится и не сделает хоть что-то — я брошусь в ванную комнату. Я провела слишком много времени поклоняясь богине фарфора после того как Тим заставили меня выпить слишком много нектара феи, чтобы чувствовать себя невозмутимо.

Он не смотрел на меня, но ему это и не нужно. У эмоций есть запах. Он обернулся и хмуро на меня посмотрел. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, в каком я состоянии.

Он выругался и шагнул обратно ко мне, обнимая. Адам теснее притянул меня к себе, издавая низкие, успокаивающие звуки. Он нежно укачивал меня.

Я глубоко вдохнула воздух, насыщенный запахом Адама и попыталась думать. Обычно, это не представляет для меня проблемы.

Но обычно я и не нахожусь обнажённая в объятиях самого волнующего мужчины из всех, кого я знаю.

Я неправильно поняла, чего он хочет.

Чтобы убедиться, я откашлялась.

— Когда ты сказал, что сегодня тебе необходим мой ответ на твоё требование, ты на самом деле не имел в виду секс?

Его тело невольно дёрнулось, когда он засмеялся; его подбородок потёрся об моё лицо. «Так значит, ты думаешь, что я из тех людей, которые способны на подобное? После того, что случилось на прошлой неделе?»

— Я думала, что так принято, — пробормотала я, чувствуя что мои щеки начинают пылать.

— Сколько времени ты провела в стае Маррока?

Он знал, сколько. Он просто заставлял меня почувствовать себя глупо.

— Создание пары — это не то, о чем любой готов был мне рассказать, — ответила я, защищаясь. — Только Сэмюэль…

Адам снова засмеялся. Одна его рука лежала на моём плече, а другая, легонько лаская, двигалась по моим ягодицам. Должно было быть щекотно, но не было.

— Я просто уверен, что тогда он говорил тебе правду, всю правду, и ничего, кроме правды.

Я сжала его сильнее. Каким-то образом мои руки оказались на его пояснице.

— Возможно, нет. Так все, что тебе нужно, это мое согласие?

— Это не поможет со стаей до тех пор, пока связь не будет реальна. Но я подумал, что, если Сэмюэль не будет стоять между нами, то ты сможешь решить, заинтересована ты или нет. Если бы ты была незаинтересована, то я мог бы перегруппироваться. Если бы ты согласилась быть моей, то ради тебя я мог бы ждать до тех пор, пока Ад не замерзнет.

Его слова звучали разумно, но его запах говорил мне о другом. Он говорил мне, что мои спокойные интонации уняли его тревоги, и думает он далеко не о нашем разговоре.

Достаточно честно. Быть так близко к нему, ощущать жар его тела рядом с моим, чувствовать, как учащается его пульс, потому что он хочет меня… кто-то однажды сказал мне, что сильнейший афродизиак — это осознание того, что ты желанна. Для меня это безусловная правда.

— Конечно, — произнес он все тем же на удивление спокойным голосом, — сказать гораздо легче, чем сделать. Так что мне нужно, чтобы ты меня останавливала, хорошо?

— Хммм, — протянула я. Он принёс с собой ощущение чистоты, которое лучше, чем душ, смывало с моей кожи прикосновения Тима, но только когда Адам дотрагивался до меня.

— Мерси.

Я опустила руки ниже, скользя ими под поясом его джинс и легонько царапая кожу ногтями.

Он прорычал что-то ещё, но никто из нас не слушал. Он повернул голову и наклонил её. Я ожидала чего-то серьёзного, но он был игрив, когда укусил меня за нижнюю губу. Ощущение жёсткости его зубов родило покалывание на кончиках моих пальцев, пронеслось дрожью мимо моих коленей до самых мысков. Мощная вещь — зубы Адама.

Я обняла его, чтобы дотянуться до кнопки на его джинсах, и Адам вскинул голову и положил ладонь поверх моей.

Потом я тоже услышала это.

— Немецкая машина, — сказал Адам.

Я вздохнула, тяжело прислоняясь к нему.

— Шведская, — поправила я. — Четырёхлетний Вольво с кузовом «универсал». Серый.

Он посмотрел на меня с удивлением, быстро сменившимся пониманием.

— Ты знаешь эту машину.

Я застонала и попыталась спрятать лицо на его плече.

— Проклятье. Это всё газеты.

— Кто это, Мерси?

Зашуршал гравий, и свет фар отразился в моих окнах, когда машина повернула на подъездную дорожку.

— Моя мама, — ответила я Адаму. — Она нереально точно выбирает время. Я должна была понимать, что она прочитает о… об этом.

Мне не хотелось говорить вслух, что произошло со мной, что я сделала с Тимом. Во всяком случае не тогда, когда я, почти обнаженная, стояла рядом с Адамом.

— Ты не позвонила ей.

Я отрицательно покачала головой. Я знала, что должна была. Но это была одна из тех вещей, с которыми я просто не могла встретиться лицом к лицу.

Теперь Адам улыбался.

— Одевайся. Я задержу её до тех пор, пока ты не будешь готова выйти.

— Я никогда не буду готова к этому, — сказала я.

Он спокойно наклонился ко мне, и уперся лбом возле меня: — Мерси. Все будет хорошо.

Затем он вышел, закрыв за собой дверь в мою спальню, когда дверной звонок прозвонил в первый раз. Он прозвонил ещё дважды перед тем, как Адам открыл входную дверь, хотя он совсем не был медлительным.

Я схватила одежду и отчаянно попыталась вспомнить, вымыта ли посуда после ужина. Была моя очередь. Если бы была очередь Сэмюэля, то беспокоиться было бы не о чем. Это было глупо. Я знала, что посуда беспокоит её меньше всего, но эти мысли позволяли мне не паниковать.

У меня не было мысли даже позвонить ей. Может, лет через десять я была бы готова.

Я натянула штаны и, оставаясь босиком, занялась неистовыми поисками бюстгальтера.

— Она знает, что ты здесь, — сказал Адам по другую сторону двери, словно он жался к ней.

— Она выйдет через минуту.

— Я не знаю, кем ты себя возомнил, — голос моей матери был низким и опасным, — но если ты сейчас же не уберешься с дороги, то это будет не важно.

Адам был Альфой местной стаи вервольфов. Он обладал крутым нравом. Он мог быть очень упрямым, когда необходимо, но он не имел ни шанса против моей мамы.

— Бюстгальтер, бюстгальтер, бюстгальтер, — возликовала я, когда вытащила его из корзины грязного белья и тут же натянула. Я крутилась волчком в поиске вещей по комнате так быстро, что не удивилась бы, если бы ковер задымился. — Футболка. Футболка, — я выворачивала содержимое своих ящиков, найдя и отбросив две футболки. — Чистая футболка, чистая футболка.

— Мерси? — позвал Адам с ноткой отчаяния в голосе — как хорошо мне известно это чувство.

— Мам, оставь его в покое! — крикнула я. — Я сейчас выйду.

Недовольная, я пристально осмотрела комнату. Где-то у меня должна быть чистая футболка. На мне как раз была одна, но она куда-то исчезла, пока я искала бюстгальтер.

Наконец я надела футболку с надписью «1984: Правительство для дураков» на спине. Она была чистой, или по крайней мере пахла не слишком сильно. Масляное пятно на плече выглядело неотстирываемым.

Я глубоко вдохнула и открыла дверь. Мне пришлось обойти Адама, который стоял, прислонившись к двери.

— Привет, мам, — беззаботно сказала я. — Я вижу ты познакомилась с моим…

Моим кем? Моей парой? Я не думала, что моей матери нужно было это знать.

— Я вижу, ты познакомилась с Адамом.

— Мерседес Афина Томпсон, — отрывисто сказала моя мать. — Объясни мне, почему о том, что произошло с тобой, я должна узнавать из газет?

Я избегала её взгляда, но как только она назвала меня полным именем, у меня не осталось выбора.

В моей матери всего пять футов роста. Она лишь на семнадцать лет старше меня, и это значит, что ей ещё нет пятидесяти, а выглядит она и вовсе на тридцать. Она до сих пор могла носить пряжки — призы за победы в скачках вокруг бочек (одна из дисциплин родео — прим. переводчика) — на их оригинальных поясах. Она блондинка — я уверена, что это её натуральный цвет, — но оттенок меняется каждый год. В этом году он был рыжевато-золотистым. У неё большие невинные голубые глаза, чуть вздёрнутый нос и полные, округлые губы.

С посторонними она иногда играет в глупую блондинку, хлопая ресницами и добавляя в голос хрипотцы, которую узнает любой, кто смотрел старые фильмы вроде «В джазе только девушки» или «Автобусная остановка». Насколько я знаю, моя мать ни разу в жизни сама не меняла сдувшуюся шину.

Если бы резкий нотки гнева в ее голосе не дополнялись бы темными кругами под ее глазами, я бы могла ответить тем же. Вместо этого, я просто пожала плечами.

— Я не знаю, мам. После того, как это произошло… Я несколько дней оставалась койотом.

Я представила полу-истеричный образ того, как звоню ей и говорю: «Кстати, мам, угадай, что случилось со мной сегодня…»

Она посмотрела мне в глаза и, я думаю, увидела больше, чем мне бы хотелось.

— Ты в порядке?

Я уже собиралась сказать «да», но время, прожитое с существами, умеющими чуять ложь, подарило мне привычку отвечать честно.

— По большей части да, — сказала я, идя на компромисс. — Помогает то, что он мёртв.

Было унизительно, что опять появилась тяжесть в груди. Я дала себе столько времени пожалеть себя, сколько могла позволить.

Мама могла обнимать своих детей, как любой из самых лучших родителей, но я должна была больше ей доверять. Она знала, насколько важно крепко стоять на своих двоих. Кисть её правой руки была сжата в напряжённый кулак, но когда она заговорила, её голос был оживлённым.

— Хорошо, — сказала она, словно мы уже обговорили всё, что она хотела узнать. Я была не настолько глупой, чтобы поверить в это, но я также знала, что время расспросов настанет позже, когда мы останемся наедине.

Она посмотрела своими ангельскими голубыми глазами на Адама.

— Кто вы, и что вы делаете в доме моей дочери в одиннадцать вечера?

— Мне не 16, - возмутилась я, — я могу оставаться с мужчиной хоть всю ночь, если захочу.

Мама и Адам оба проигнорировали меня.

Адам оставался напротив двери в мою спальню и держался более непринужденно, чем обычно. Я думаю, он пытался создать у моей матери впечатление, что он здесь дома, что он тот, кто имеет право не пускать её в мою комнату. Он приподнял бровь и не выказывал и тени той паники, которая слышалась раньше в его голосе.

— Я Адам Хауптман. Я живу по другую сторону забора за её домом.

Она бросила на него сердитый взгляд.

— Альфа? Разведённый мужчина с дочерью-подростком?

Он подарил ей одну из своих внезапных улыбок, и я знала, что моя мама уже одержала очередную победу: она весьма притягательна, когда сердится, а Адам знает не так много людей, достаточно отчаянных, чтобы сердится на него. Внезапно на меня нашло озарение. На протяжении последних нескольких лет я совершала тактическую ошибку, если действительно хотела, чтобы он перестал заигрывать со мной. Мне нужно было глупо улыбаться и хлопать ресницами перед ним. Очевидно, он наслаждался компанией огрызающейся на него женщины. Он был слишком занят тем, что смотрел на сердитое лицо моей матери, чтобы увидеть моё.

— Именно так, мадам, — Адам перестал прислоняться к двери и сделал несколько шагов в комнату.

— Приятно наконец-то с тобой встретиться, Марджи. Мерси часто говорит о тебе.

Не знаю, что ответила бы на это моя мама, бесспорно, что-нибудь вежливое. Но с хлопающим звуком, словно яйцо разбилось о цементный пол, нечто появилось между мамой и Адамом, в футе или около того над ковром. Это было нечто размером с человека, чёрное и переломанное. Оно упало на пол, издавая неприятные запахи магии, старой крови и гнилых трупов.

Я смотрела на это очень долго, но мои глаза не сумели подобрать шаблон, который бы совпал с тем, что мне рассказал мой нос. Даже знания о том, что существует всего несколько вещей, которые могли бы просто появиться в моей гостиной, без использования двери, не смогли заставить меня опознать это. Это была зеленая рубашка, порванная и крашенная, на которой фирменный знак известной дизайнерской марки

Датский дог до сих пор был виден, и это заставило меня признать, что нечто чёрное и съёжившееся было Стефаном.

Я опустилась на колени рядом с ним и протянула к нему руку, прежде чем отдернуть ее, боясь повредить ему больше. Он явно был мертв, но так как он был вампиром, это было не так уж и плохо, как могло было бы быть.

— Стефан? — позвала я.

Я была не единственной, кто вздрогнул, когда он схватил меня на запястье. Кожа на его руке была сухой и хрустела рядом с моей кожей, сбивая с толку.

Стефан был моим другом с самого первого дня я переехал сюда из Три-Сити. Он обаятельный, смешной, и щедрый, если забыть о том, скольких ни в чем неповинных людей он убил, пытаясь защитить меня.

Это было все, что я могла сделать, чтобы не отдёрнуть руку и не начать стирать ощущение его хрупкой кожи на моей руке.

И меня терзало жуткое чувство, что ему больно держаться за меня, что в любой момент

его кожа расколется и отпадёт.

Его глаза открылись до щелок, радужные оболочки были тёмно-красными, а не коричневыми. Он дважды открыл и закрыл рот, не издав при этом ни звука. Затем он сжал хватку на моей руке, так, что я не могла бы освободиться, если бы захотела.

Он вдохнул немного воздуха, чтобы иметь возможность говорить, но не мог делать этого правильно, и я слышала, как воздух с шипением просачивается в районе его рёбер, откуда он не имел никакого права выходить.

— Она знает.

Его голос совсем не звучал как его. Он был грубым и сухим. Когда он начал медленно приближать мою руку к своему лицу, то, используя последний оставшийся в лёгких воздух, сосредоточенно сказал: «Беги». С этими словами тот, кто был моим другом, исчез, поглощённый лютым голодом.

Глядя в его безумные глаза, я подумала, что его совет стоит того, чтобы ему последовать, — очень жаль, что я не смогу освободиться, чтобы сделать это. Он был медлителен, но я была в его власти и не являлась вервольфом или вампиром, обладающим сверхъестественной силой, чтобы помочь себе.

Я услышала характерный щелчок взводимого курка и бросила быстрый взгляд на мою мать, державшую в руках угрожающе выглядящий Глок, дуло которого было направлено на Стефана. Он был чёрно-розовым — всегда была уверена, что у моей матери пистолет, как у Барби, — прелестный, но смертоносный.

— Всё в порядке, — поспешно сказала я ей — моя мать, не колеблясь, выстрелит, если подумает, что он собирается навредить мне. В обычной ситуации я не стала бы особенно волноваться, если бы кому-то пришло в голову выстрелить в Стефана, вампиры не настолько уязвимы для пуль, но он был в плохой форме.

— Он на нашей стороне, — трудно было заставить голос звучать убедительно, когда он притягивал меня к себе, но я приложила максимум усилий.

Адам схватил запястье Стефана и удерживая его так, что теперь Стефан тянулся ко мне, вампир медленно оторвал свою голову от пола. Приблизившись к моей руке, Стефан открыл рот и обгорелые обрывки кожи упали на черный ковер. Его клыки были белыми и предвещающими смерть, а также намного больше, чем мне запомнилось.

Мое дыхание ускорилось, но я не отдернулась от него и не заскулила: — Уберите его! Уберите его! — указывая на него.

Вместо этого, я отклонилась от Стефана и положила голову на плечо Адама. Это делало мою шею уязвимой, но запах оборотня и Адама помог замаскировать зловоние, которое распространял Стефан. Если Стефану необходима кровь, чтобы выжить, я готова была пожертвовать ее для него.

— Всё в порядке, Адам, отпусти его.

— Не опускай пистолет, — сказал Адам моей матери. — Мерси, если ничего не получится, позвони ко мне домой и скажи Даррилу, чтобы собрал всех, кто находится там, и привёл их сюда.

И, в знак доброй воли, который полностью был в его духе, Адам положил свое запястье перед лицом Стефана.

Создавалось впечатление, что вампир ничего не замечает и его продолжает притягивать моя рука. Он не дышал, поэтому не мог почувствовать Адама, сомневаюсь, что он игнорировать его намеренно.

Я бы попыталась остановить Адама — поскольку я кормила Стефана ранее без каких-либо побочных эффектов и была уверена, что Стефану небезразлично буду ли я жить или умру. Я не думаю, что он чувствовал нечто подобное в отношении Адама. Но я вспомнила, что Стефан говорил мне о том, что «не должно» возникнуть никаких проблем, поскольку был лишь один случай, и я знала нескольких овец Стефана, которые служили ему завтраком. обедом и ужином. Все они полностью доверяли ему. Не поймите меня неправильно, он отличный парень для вампира, но я как-то сомневаюсь, что все те люди, в основном женщины, могли бы жить вместе принадлежа одному человеку без воздействия какого-то вампирского гипноза. И я вроде бы дозу воздействия на меня магического принуждения выбрала на год вперед.

Любая попытка остановить Адама в любом случае была бы бесполезна. Поскольку в этот момент он чувствовал особую ответственность за меня, и все мои действия могли лишь больше распалить вспыльчивый нрав его, мой и моей матери.

Адам прижал запястье ко рту Стефана, и вампир приостановил свои попытки сократить расстояние между моей рукой и его клыками. Он, казалось, растерялся в тот самый момент, когда сделал вдох.

Зубы Стефана погрузились в запястье Адама, а свободная рука тут же взметнулась, зафиксировав руку Адама, и все это не открывая глаз, так молниеносно, все движения, словно кадры из какого-то дешевого мультфильма.

Адам шумно дышал носом, но я не могла понять — это потому что ему больно или потому что ему было хорошо. Когда Стефан питался от меня, я была не в лучшей форме. Я не запомнила.

Это было необыкновенно интимно, Стефан держался за меня, пока пил из запястья Адама, а Адам прижимался ко мне все сильнее и сильнее, пока Стефан кормился. Интим с аудиторией. Я повернула голову, чтобы увидеть, что моя мать все еще держала свое оружие крепко двумя руками, нацелившись в голову Стефану. Выражение ее лица было совершенно спокойным, как если бы она видела обгоревшие тела, появляющиеся из ниоткуда, или воскресших мертвецов, вонзивших клыки в кого-то, кто был только что рядом с ней, хотя я знала, что это не так. Я не была уверена, что она когда-либо видела хоть одного из оборотней в животной форме волка.

— Мам, — обратилась я. — Этот вампир — Стефан, он мой друг.

— Мне убрать пистолет? Ты уверена? Он не похож на друга.

Я посмотрела на Стефана, который выглядел уже лучше, хотя я до сих пор не узнала бы его без помощи моего носа.

— Честно говоря, я не уверена что это хорошая идея. Пули, если они серебряные, могут остановить оборотней, но я не думаю, что какие-нибудь пули сильно навредят вампиру.

Она спрятала Глок во внутреннюю кобуру, прикрепленную к задней части ее джинс. — «Так что же вы делаете с вампирами?»

Кто-то постучал в дверь. Я не слышала, чтобы кто подъезжал, но я была немного увлечена.

— Не позволяй им проникнуть во внутрь, — предложил Адам.

Мама, которая была на пути к двери, остановилась. — Это, вероятно, за вампиром?

— Лучше пусть получат меня, чем его, — сказал я. Я пошевелила рукой, и Стефан отпустил меня, крепче ухватившись за Адама.

— Ты там в порядке, Адам?

— Он слишком слаб, чтобы кормиться быстро, — прокомментировал Адам. — Я еще справлюсь какое-то время. Если вы найдете мой телефон и нажмете кнопку быстрого вызова, то я найду еще нескольких волков. Я сомневаюсь, что одного кормления будет достаточно.

Мы с мамой переглянулись, и я взяла все на себя, и вытащила телефон из держателя на поясе. Вместо того чтобы терять время на поиски в своих контактах, я просто набрала его домашний номер и вручила ему трубку. У того кто был снаружи росло нетерпение.

Я поправила футболку и окинула себя быстрым взглядом, чтобы убедиться, что не было ничего, что бы говорило: — Эй, у меня в доме вампир.

У меня на предплечье наверняка будет синяк, но это было еще не слишком заметно. Я проскользнула мимо мамы и приоткрыла дверь на расстояние около шести дюймов.

Женщина, стоявшая на крыльце, была мне незнакома. Она была моего роста и возраста. Ее темные волосы были подчеркнуты более светлым оттенком (или ее русые волосы были оттенены более темным цветом).

На ней было столько тонального крема, который я почувствовал сквозь сильных аромат ее духов, что чисто человеческий нос вполне мог счесть его легким и привлекательным. Ее ухоженный вид был безупречным, как у чистокровной собаки, подготовленной к показу или очень дорогой девочки по вызову.

Не такого человека ты ожидаешь обнаружить на крыльце старого трейлера в глубинке Восточной Вашингтона в ночное время.

— Мерси?

Если бы она не заговорила, я бы никогда не узнала ее, потому что мой нос был полон духов, и она не была ничем похожа на девушку, с которой я ходила в колледж. — Эмбер?

Эмбер была моей соседкой по комнате, когда я училась в колледже. Она училась на ветеринара, но она бросила учёбу на первом курсе в ветеринарной школе. Я не видела её с тех пор как закончила колледж.

Когда я видела её последний раз, она носила ирокез и кольцо в носу, которое было достаточно большим, и у неё была маленькая татуировка около уголка глаза.

Она и Клара были лучшими друзьями в высшей школе. Несмотря на это Клара решила, что у них не может быть совместной комнаты, и Эмбер всегда осуждала это решение. Мы были больше, чем друзья.

Эмбер засмеялись, без сомнения, в недоумении глядя на мое лицо. Было что-то надломленное в этом звуке, не то чтобы я была в том состоянии, чтобы разбираться в этом. Моя манера тоже была жестче, чем обычно. Позади меня вампир питается от оборотня, и мне стало интересно, что же она скрывает.

— Прошло много времени, — сказала она, после неловкой паузы.

Я обняла её на крыльце и закрыла дверь позади себя, стараясь что бы это не выглядело, словно я хочу её выпроводить.

— Чем я могу тебе помочь?

Она сложила руки на груди и развернулась, чтобы посмотреть на мою неряшливую лужайку, где ржавый Кролик VW держался на трех колесах. Оттуда, где мы стояли, граффити, отсутствующую дверь, и трещины на лобовом стекле не были видны, но это выглядело в любом случае бесполезным. Этот древний металлолом — был шуткой между Адамом и мною, и я не собираюсь за это извиняться.

— Я прочитала о тебе в газете, — сказала Эмбер.

— Ты живёшь в Тройном городе?

Она покачала головой. — Спокан. Это тоже CNN, ты не знала? Феи, оборотни мертвецы … как тут можно устоять? — Какое-то мгновение в голосе промелькнул юмор, хотя ее лицо оставалось пустым.

Восхитительно. Весь мир знает, что я была изнасилована. Да, это, возможно, показалось бы мне забавным, если бы я была Лукреция Борджиа. Было много причин, по которым я бы никогда не удосужилась поддерживать связь с Эмбер.

Она не поехала бы из Спокана разыскать меня после десяти лет и сказать, что она прочитала о нападении на меня в газете.

— И так, ты прочитала обо мне в газете и решила, что это здорово приехать и сообщить мне, о том как я любила моего насильника и о том что это это известно всей стране? И ты проехала 115 миль что это мне сказать.

— Очевидно, что нет, — Она повернулась ко мне лицом, и неловкая незнакомку тут же сменил профессионал, который был еще более чужой мене. — Слушай. Помнишь, когда мы были в однодневной поездке в Портленде, чтобы увидеть игру? Мы пошли в бар после этого, и ты рассказала нам о призраке в дамской комнате.

— Я была пьяна, — сказала я ей, что было отчасти правдой.

— Я думаю, что я тебе говорила, что меня тоже воспитывали оборотни.

— Да, — сказала она с внезапной серьезностью. — Я думала, что ты просто рассказывала небылицу, но теперь мы все знаем, что оборотни реальны, как и феи. И ты встречаешься с одним из них.

Это должно быть появится в газетной статье, подумал я. Дважды ура. Был момент, когда я пыталась держаться подальше от внимания, поскольку так было безопаснее. Это было все еще более безопасным, но я не преуспела в сокрытие своей жизни в прошлом году.

Независимо от моего внутреннего диалога, Эмбер продолжила говорить. — Поэтому я подумала, раз ты знакома с ними сейчас, то, вероятно, ты и тогда говорила правду. А если ты сказала правду об оборотнях, то ты, наверное, говорила правду о наблюдении за призраком, тоже.

Другой бы забыл об этом, но у Эмбер был ум, как стальной капкан. Она помнила все. Именно после этой поездки я бросила пить алкоголь. Люди, которые знают секреты других людей, не могут позволить себе делать вещи, которые снижают их способность контролировать свой рот.

— В моём доме есть привидения, — сказа она.

Я заметила что-то краешком глаза. Я сделала шаг к Эмбер и чуть повернулась. Я до сих пор ничего не видела, но Эмбер была теперь лишь чуть-чуть по ветру так, что ее духи не лишали меня нюха, я почувствовала запах — вампир.

— И ты хочешь, чтобы я что-то с этим сделала? — спросила я, — тебе нужно вызвать священника.

Эмбер была католичкой.

— Никто не верит мне, — сказала она резко. — Мой муж думает, что я сумасшедшая. — Свет на крыльце упал на ее глаза, только на миг, и я смогла заметить, что ее зрачки были расширены. Я задавалась вопросом, было ли это реакцией на ночную темноту или она под воздействием чего-либо.

От нее мне стало не по себе, но я была уверена, что это была просто ненормально увидеть Эмбер, королеву нетрадиционности, одетой, как любовница богатого человека. В

ней сейчас было что-то мягкое и беспомощное, что заставило меня думать, о добыче, в то время как Эмбер, которую я знала, припасла бы бейсбольную биту для всех, кто ее раздражает. Она бы не побоялась призрака.

Конечно, мое беспокойство может быть вызвано вампиром, скрывающимся в тени или в моем доме.

— Видишь ли, — сказала я. Стефан и помощь ему были для меня важнее, чем то, что случилось с Эмбер, или что-нибудь что она, возможно, хочет от меня. — Я не могу уйти прямо сейчас, у меня тут компания.

Почему бы тебе не оставить мне свой номер телефона, и я тебе позвоню, как только все уляжется.

Она порылась в открытой сумочке и вручила мне визитку. Она была напечатана на дорогой хлопковой бумаге, но все, что было на ней это ее имя и номер телефона.

— Спасибо, — в ее голосе прозвучало облегчение, и плечи опустились, сбросив напряжение. Она подарила мне небольшую улыбку.

— Мне жаль, что ты подверглась нападению, но я не удивлена, что никто не прикрывал твою спину. Ты всегда была такой. — Не дожидаясь моего ответа, она спустилась вниз по лестнице и села в свою машину, новую Miata кабриолет с мягким верхом. Она выехала на дорогу, не оглянувшись, и умчалась в ночь.

Я хотела, чтобы она не пользовалась духами. Она была расстроена чем-то — она всегда была страшным лжецом. Но время было неподходящее: Стефан приезжает, говорит мне, чтобы я бежала, и Эмбер приезжает, предлагая мне место, куда можно было бы сбежать.

Я знала, что Стефан говорил мне бежать от кого-то, и это был не он. «Она знает» — сказал он.

«Она» была Марсилия, Хозяйка вампиров Три — Ситиз. Она послала меня на охоту на вампира, который безумно развлекался, чтобы не рисковать своим рассудком. Она полагала, что я была ее лучший шанс, чтобы найти его, потому что я чувствую призраков, которых другие люди не видят, а логово вампиров, как правило, привлекают привидения.

Она не думала, что я действительно смогу его убить. Когда я это сделала, это сделало ее очень несчастной. Вамп, которого я убила, был особенный, более мощный, чем другие, потому что он был одержим демоном. Этот демон сводил его с ума, и он убивал людей налево и направо, не задумываясь о том, что это, возможно, вредит взаимоотношениям вампиров и человеческого мира. Он вышел из-под контроля, когда стал более сильным, чем его создатель, но Марсилика считала, что она могла бы это исправить, взяв его под свой контроль. Она использовала меня, чтобы найти его, она была уверена, что он меня убьет.

И она оказалась бы права, если бы у меня не было друзей.

Так как она послала меня за ним, она не могла добиваться возмездия, не рискуя потерять контроль над ее рассудком.

Вампиры принимать подобные вещи очень серьезно.

Я была в безопасности, пока это не касалось второго вампира.

Андре был левой рукой Марселии, а Стефан был ее правой. Он также отвечал за создание демона-вампира, который убил больше людей, чем я могла посчитать на обеих руках. И Андре и Марселиа намеревались сделать больше таких. Одного этого было достаточно для меня. Так что я бы убила Андре, даже зная, что это означало бы для меня смерть.

Но Стефан замаскировал мое преступление. Скрыв это гибелью двух невинных людей,

чье единственное преступление было то, что они были жертвами Андре. Он спас меня, но цена была слишком высока. Их смерти купили мне два месяца жизни.

Марселия знала. Она бы никогда не навредила Стефану так сильно без причины.

Она пытала и морила его голодом, а потом позволила свободно прийти ко мне. Я посмотрела на красные отметины, которые Стефан оставил на моей руке, если бы он убил меня, на нее вина бы не упала.

Послышался шум, и я поднял глаза. Дэррил и Питер шли мимо разбитых останков Кролика. Дэррил был высоким, спортивным, и вторым после Адама. Он унаследовал свою темную кожу от африканского отца и его глаза от своей китайской матери. Его совершенной черты были результатом удачного сочетания очень разных генов, но благодать за все ему стоит аварию, в результате которой он превратился в оборотня. Он любил красивую одежду, и носил строгие хлопковые рубашки, вероятно, стоявшие больше, чем я зарабатываю в неделю.

Я не знала сколько ему лет, но была вполне уверена, он не был значительно старше, чем выглядел. Есть что-то в более старых волках, воздух, который они несут, будучи не совсем этого времени автомобилей, сотовых телефонов, и телевизоров, чего в Дэрриле не было.

Петр был достаточно стар, чтобы были в кавалерии, но здесь и сейчас он работал сантехником. Он был хорош в своей работе, и ему подчинялось полдюжины человек (людей), которым он платил заработную плату. Но он шел справа и сзади Дэррила, потому что Дэррил был очень доминирующим, а Питер был одним из немногих покорных в стае Адама.

Дэррил остановился у подножия крыльца. Он не любил меня давно. Я, наконец, решила, что это снобизм, он был волком, и я — койот. Он был доктор философии работающим в дорогом интеллектуальном центре, и я была механиком с грязью под ногтями.

И что хуже всего, если бы я была помощником Адама, он должен был следовать моим приказам. Иногда шовинизм, который пронизывает правила, по которым живут оборотни, работает в обратном направлении. Неважно, насколько мягкотелая помощница Альфы, ее приказы уступают только его.

Когда он ничего не сказал, я просто открыла дверь и провела двух волков Адама в мой дом.

Глава 2

Стефан не хотел менять доноров, поэтому Питер и Дэррил опустились на колени, по разные стороны от него, и начали подсовываться под его нос. Когда я подошла, чтобы помочь, Адам зарычал на меня.

Если бы он не рычал, я бы, наверное, позволила волкам позаботиться о нем. В конце концов, все они имеют удивительную супер силу оборотня. Но если у Адама со мной будут отношения, то, поскольку он уже вызывал у меня ощущение порхания бабочек, то он должен относится ко мне как к равной. Я не смогла себе позволить отступить, когда Адам зарычал.

Кроме того, я презирала ту трусливую часть меня, которая дрожала от гнева. Даже если бы я была уверена, что это была умная часть меня.

Питер и Дэррил работали с руками Стефана, так что я направилась к его голове. Я просунула пальцы с одной стороны рта, надеясь, что у вампиров была такая же реакция на болевые точки, как и у остальных из нас. Но мне не нужно было защемлять нервы, поскольку как только мои пальцы коснулись его рота, он вздрогнул и отпустил Адама, его руки выпустили из захвата одновременно с клыками.

— Не буду, — сказал Стефан, когда я вытащила пальцы изо рта. — Не буду, — шепот получился такой устрашающий, как будто у него закончился воздух.

Его голова, пока он отдыхал, перекочевала к моему плечу, глаза были закрыты. Его лицо почти выглядело, как надо, восстановленное и исцеленное. Поврежденные места на его коже, руках и губах выглядели сейчас как раны. Это кое-что говорило о том, как плохо ему было, что раны сочилась исцеляясь.

Если его тело перестанет противиться мне, как будто у него эпилептический припадок, то я буду просто счастлива.

Ты знаешь, что с ним не так? — беспомощно спросила я Адама.

Я знаю, — сказал Питер. — Он небрежным движением вытащил огромный складной нож из ножен на поясе и сделал маленький надрез на своем запястье.

Он вытыщил меня из-под Стефана и перемещал его пока Стефан не оказался лежащим головой на коленях Питера, поддерживаемый не раненой рукой оборотня. Питер поводил своим окровавленным запястьем перед вампиром, который сжал губы и отвернулся.

Адам, зажимавший рукой собственное запястье, чтобы остановить кровотечение, наклонился вперед.

— Стефан. Все в порядке. Это не Мерси. Это не Мерси.

Красные щели глаз открылись, и вампир издал звук, который я никогда не слышала прежде… и я пожалела, что он все еще не мог сказать это. Этот звук приподнял каждый волосок у меня на затылке, высокий и тонкий как свист собаки, но более резкий тем не менее. Он ударил и Питер рванулся, стиснув зубы и зашипев.

Я не заметила, когда моя мать покинула нас, но у нее должно было быть время, потому что она разложила на диване большую аптечку Самуила из главной ванной. Она опустилась на колени возле Адама, но он поднялся на ноги.

Альфа оборотней никогда не допустят демонстрацию любой боли в общественных местах, и редко в кругу своих. Его запястья могут выглядеть так, чтобы она подвергла их резкой критике, но он никогда не позволит моей маме ничего с этим сделать. Я встала, тоже.

— Здесь, — сказала я, прежде, чем он мог сказать что-то, чтобы оскорбить ее или наоборот. — Дай мне посмотреть.

Я потащила и тянула, до тех пор пока не смогла увидеть раны. — Он будет в порядке, — сказала я маме с удовлетворением. — Его восстановление уже почти закончено. Через полчаса это будет просто несколько красных пятен.

Это было хорошо.

Моя мать приподняла бровь, и пробормотала:

— Подумать только, я всегда беспокоилась, что у тебя нет друзей. Надо полагать я должна была считать это благословением.

Я одарила ее акульим взглядом, и она улыбнулась несмотря на беспокойство в глазах.

— Вампиры, Мерси? Я думала они вымысел.

Она всегда обладала способностью заставлять меня чувствовать себя виноватой, которая была больше, чем та, которой Брану когда-либо удавалось достичь. — Я не могла сказать тебе, — сказала я. — Им не нравится, когда люди знают о них. Это подвергло бы тебя опасности. Она прищурилась на меня. — Кроме того, мама, я фактически никогда не видела никого в Портленде. И была очень осторожна, чтобы не посмотреть, когда я чуяла их. Вампиры как портлендские партии дождливых дней..

— Любой из них может войти без разрешения куда захочет?

Я покачала головой, затем ответила. — Я знаю только о двух, и Стефан один из них.

Адам наблюдал, как Стефан питался; он выглядел взволнованным. Я не учла, что он и Стефан были больше чем случайные знакомые.

— Он будет в порядке? — спросила мама.

Адам был бледен, но заживлял рану просто отлично. Другим волкам потребовалось бы больше времени, но Адам был Альфой, и его статус давал ему больше силы, чем имелось у других волков. Но если Стефан обглодает Питера также как Адама, то у Питера уйдет немного больше времени на то, чтобы залечиться.

Она посмотрела на меня, и показались ее ямочки.

— Я говорила о вампире. Ты действительно считаешь что все плохо, не так ли?

Я пыталась не концентрироваться на состоянии Стефана и на том, почему это было настолько плохо — и каким образом это была моя ошибка.

— Я не знаю, мама, — я прислонилась к ней, совсем ненадолго, прежде, чем выпрямиться, чтобы стоять самостоятельно.

— Я не знаю так много о вампирах. Их трудно убить, но я никогда не видела чтобы кто-то в таком плохом состоянии выжил.

Даниэль, … Стефана, что? «Друг» не вполне отражало суть их отношений. Возможно просто Стефана. Даниэль оставил кормление, потому что он верил, что сошел с ума и убил целую группу людей. Он выглядел плохо, но не так плохо как Стефан.

Ты заботишься о нем, тоже.

Она не звучала удивленной, но она была бы, если бы знала о вампирах так много, как я.

Я знала, что Стефан содержал группу людей действительными заключенными, чтобы питаться от них — хотя ни один из них, казалось, не возражал. С меня сорвало мои розовые очки, когда он убил двух беспомощных человек, людей, которых я спасла, чтобы защитить меня. Это, возможно, был загадочный вампир Вульфи, который скрутил им шеи, но Стефан был руководителем того жуткого небольшого заговора.

Но это было больно — видеть его таким.

— Да, — сказала я маме.

— Теперь можешь отпустить его, — сказал Адам Дэррилу. — Он питается.

Дэррил отбросил руку Стефана и отстранился как будто боялся испачкаться. Слева в моей гостиной не много места, но он прислонился спиной к стойке, которая отделяла комнату большего размера от кухни и скривил губы. Адам пристально взглянул на него прежде, чем обратить свое внимание на другого волка.

— С тобой все в порядке, Питер? — спросил Адам.

Я посмотрела на оборотня и увидела, что у него на лбу собрался пот, и что он закрыл глаза и отвел их от вампира, который растянулся на его коленях и прижался к его руке.

Судя по различию между его реакцией и реакцией Адама, возможно, было лучше найти более доминирующего волка, чтобы накормить Стефана.

Питер не ответил, и Адам подошел к нему сзади, так он мог положить руку на кожу его шеи.

Почти сразу же я смогла увидеть воздействие этого прикосновения, так как Питер, расслабился напротив своего Альфы со облегченным вздохом.

— Я сожалею, — сказал Адам. — Если бы был кто-то еще… Бен скоро будет здесь.

Был Дэррил, который уставился на свои ботинки. В замечании Адама это не уточнялось, но Дэррил выглядел так будто получил пощечину.

Питер покачал головой.

— Нет проблем. Хотя в течении минуты это было плохо. Я подумал, что это должно быть миф, что вампиры могут завладеть твоим разумом.

Это была одна из проблем с вампами. Как и с малым народом, там было так много выдумок, что трудно было отличить правду от фактов.

— Он сам не свой, — заговорила я. — Он не сделал бы этого нарочно.

Я не была полностью уверена, что это было правдиво, но звучало хорошо. Он пил из меня однажды. Все сработало просто отлично, но я предпочла бы, чтобы этого не случилось снова.

Мама посмотрела на меня: «У тебя нет апельсинового сока или чего-нибудь еще с содержанием сахара для доноров крови?»

Я должна была подумать об этом. Перескочив через ноги Стефана, я пошла на кухню чтобы посмотреть. Как только мой сосед по комнате объявил что я абсолютно не смыслю в выборе продуктов, он принял посещение магазинов на себя.

Я понятию не имею, чем ему удалось заполнить холодильник.

Я нашла полупустую бутылку апельсинового сока с низким количеством мякоти и налила два стакана. Один я вручила Адаму, а второй держала перед Питером.

— Тебе нужна помощь?

Питер полуулыбнулся мне, покачал головой, взяв стакан, быстро его опустошил, и отдал мне обратно.

— Ещё?

— Не сейчас, — сказал он. — Может, когда это закончится.

Мама и я сидели на кушетке, Адам Взял стул, а Дэррил остался, где он был, пытаясь не смотреть на вампира.

Громко ударили по двери, и Деррил сказал, — Бен.

Он не сделал движения, чтобы ответить на это, но дверь затрещала и открылась так или иначе, и Бен заглянул внутрь. Его светлые волосы выглядели почти белыми освещенные

светом подъезда. Он посмотрел на Стефана и сказал со своим изящным британским акцентом, — Кровавый ад. Он в плохой форме.

Но все его внимание было сосредоточено на моей матери.

— Она замужем, — предупредила я его. — И если ты назовешь ее грубым именем, то она будет стрелять в тебя из своего симпатичного розового пистолета, и я буду плевать на твою могилу.

Он смотрел на меня мгновение и уже начал открывать свой рот.

Адам сказал:- Бен. Познакомься это мама Мерси, Марджи.

Бен побледнел, закрывал и открыл свой рот снова. Но ничто не происходило. Я не думаю, что Бен привык встречать матерей.

— Я знаю. — Я вздохнула. — Она похожа на мою младшую, лучше выглядящую сестру. Мама, это — Бен. Бен — оборотень из Англии, и у него грязный рот когда Адам нет рядом, чтобы контролировать его. Он спас мою жизнь пару раз. Возле стены Деррил, оборотень, гений, доктор философии, и второй Адама.

— Питер, также оборотень, тот хороший человек, кормящий Стефана.

И после этого, произошла неловкость. Деррил не говорил. У Бен, после того, как он бросил еще один ошеломленный взгляд на маму, рот закрылся. Питер был, очевидно, отвлечен питающимся вампиром.

Адам уставился на Стефана со взволнованным хмурым взглядом.

Он тоже знал, что означают первые слова Стефана. Но не смог заговорить об этом при маме, до тех пор, пока я не начну первой. И я не собиралась позволять ей знать, что Марсилия и ее вампиры охотились на меня. Не собиралась, пока это не было бы крайне необходимо.

Мама хотела спросить меня о … об инциденте на прошлой неделе. О Тиме и как он умер. Но она не спросила бы меня о чем-либо, пока все остальные не ушли.

А я? Я не стала бы говорить ни о чем из этого. Я задавалась вопросом как долго смогу удерживать их всех здесь, неловкость значительно предпочтительнее того тошнотворного чувства паники, которое пробуждал во мне предстоящий разговор с Адамом или с моей мамой.

— Я закончил, — сказал Питер.

За это время Стефан не стал счастливее от смены донора. Но наличие еще одного волка сделало свое дело лишь с небольшим ущербом для моего столика, вскоре он питался от Бена. Но спустя несколько минут, Стефан поник, его рот оторвался.

— Он мертв? — спросил Питер делая глоток его второго стакана апельсинового сока.

— Он? — спросил Бен, извлекая его запястье. — Он был мертв в течение многих лет.

Питер проворчал. — Ты знаешь, что я имею в виду.

Если честно, трудно было сказать. Он не дышал, но вампиры и так не дышат, по крайней мере, если им не надо было говорить или притворится человеком. Его сердце не билось, но, опять же, это ничего не значило.

«Хорошо, отведите его ко мне домой», сказал Адам. «И…» Он бросил взгляд на мою маму. " В моем подвале есть комната без окон, и где он будет в безопасности». Он имел ввиду тюрьму, где запирают вервольфов, потерявших над собой контроль. Он нахмурил брови. «Не то, чтобы это остановило того, кто бросил его в твоей гостиной, Мерси». Он знал, что «тот, кто его бросил» в полном порядке.

Марсилия, подумала я, хотя, возможно это был и Стефан. Или, возможно, какой-то

другой вампир. Тем, кто объяснил, что Марсилия и Стефан были единственными вампирами, которые могут телепортироваться, был Андрэ, тот, кого я должна была убить. Трудно доверять его информации.

«Я буду осторожна», обратилась я к Адаму. «Но и ты также должен быть осторожен. Позади дома был наблюдатель-вампир, когда я снаружи разговаривала с Амбер.

— Какая Амбер? — Вопрос Адама был только на секунду быстрее, чем моей матери. — Амбер друг Чарли из колледжа?

Я кивнула маме. «Она читала о… Видимо, я — звезда национальных новостей. Она решила, что должна найти меня, чтобы я проверила ее дом с привидениями.»

«Это похоже на Эмбер,» сказала мама. Чар и Эмбер провели пару выходных в доме моих родителей в Портленде, когда я была в колледже. «Она всегда была эгоцентричной, и я не думаю, что это изменится. Но с чего бы ей думать, что ты можешь ей помочь с домом с привидениями?»

Я никогда не рассказывал маме о том, что вижу приведений. На самом деле до недавнего времени я не думала, что это что-то необычное. Я имею в виду, люди видят призраков все время, не так ли? Они просто много об этом не распространяются. Иметь дочь, которая превращается в койота достаточно плохо, так что я промолчала обо всем остальном, о чем я могла промолчать.

Данный момент тоже не выглядел подходящим, чтобы рассказать ей об этом. Я не рассказала ей о прошлой недели. Я не рассказала ей о вампирах. У меня не было намерения информировать ее о любых других секретах, которые я хранила.

Так что я пожала плечами. «Может потому, что я ассоциируюсь с вервольфами и малым народом.»

Что она ожидала, что ты сделаешь насчет этого? — спросил Адам. Он слышал весь диалог с Эмбер; у вервольфов очень хороший слух.

— Убейте меня! — сказала я им. — Я что, выгляжу как специалист по укрощению призраков? — я поняла, что таким путем сбить их с толку будет сложно. Я даже не была уверена, что это вообще возможно. Я подумала о том, что сказала Амбер: — Возможно она просто хотела, чтобы я сказала ей, что ее дом действительно не в порядке. Возможно, она всего лишь нуждается в ком-то, кто бы ей поверил.

Адам опустился на колени на пол и поднял Стефана. «Я заберу его домой.» Хотя Стефан был явно выше, чем он, сверхъестественная сила Адама не была очевидной, он просто выглядел как человек, который мог без усилий нести большой вес.

Тем, кто поднимал Стефана, должен был быть Дэррил, не Адам. Альфа не должен выполнять тяжелую работу, когда ее могли бы сделать подчиненные. Бэн и Питер оба кормили вампира, но Дэррил даже не попытался оправдаться. Должно быть, у него пунктик по поводу вампиров.

Не было похоже, чтобы Адам заметил что-нибудь нехорошее в состоянии Деррила. «Я пошлю кого-нибудь присмотреть за твоим домом сегодня ночью» — он посмотрел на мою маму. «Вам нужно место где остановиться? Мерси, — он огляделся — немного стеснена в пространстве.»

«Я остановилась в Золотом Льве, в Паско», — ответила Мама Адаму. Мне она сказала: «Мы уезжали в спешке и я не смогла никого найти, кто бы присмотрел за Хотепом. Он в машине.» Хотеп был ее доберманом пинчером, которому я нравилась не больше, чем он мне.

Адам кивнул, хотя я не помнила, чтоб говорила ему о том, что собака моей мамы

ненавидит меня.

— Адам, — сказала я. — Спасибо. За спасение Стефана.

— Не стоит благодарить. Мы спасали его не для тебя.

Бен изобразил что-то, что возможно было бы улыбкой, если бы его лицо не было так напряжено. «Ты не была там, в подвале с этим». Он имел в виду одержимого демоном вампира Андре — первого вампира, которого я убила. Он захватил несколько волков и Стефана и… играл с ними. Демоны любят причинять боль.

— Если бы это не было для Стефана …

Бен пожал плечами, как бы давая памяти забыть невысказанное.

— Мы в долгу перед ним.

Адам бросил взгляд на Деррела, и тот открыл дверь. Я подумала кое о чем.

— Подожди.

Адам остановился.

«Если я поговорю с Мамой… Это будет считаться?» Он велел мне поговорить с кем-нибудь, а моя мама не уедет до тех пор, пока я ей не расскажу все полностью. Похоже было, что я смогу убить двух зайцев одним выстрелом.

Он передал Стефана Бену и подошел ко мне. Он коснулся моей челюсти, чуть ниже уха, и, как будто за нами не наблюдали наши зачарованные зрители, поцеловал меня, касаясь меня только кончиками пальцев и ртом.

Вначале по мне прошла волна тепла… за ней последовал ужасный удушающий страх. Я не могла дышать, не могла двигаться…

Когда я пришла в себя, я сидела на диване с головой между коленями, Адам напевал мне. Но он не касался меня, как и никто другой.

Я села и оказалась лицом к лицу с Адамом. Его лицо было спокойно, но я видела волка в его глазах и чувствовала запах дикого животного на его коже.

— Паническая атака, — без необходимости сказала я. — Они у меня нечасто. — Я лгала, и судя по выражению его лица, он это знал. Это случилось четырежды сегодня. Вчера мне было лучше.

«Разговор с твоей матерью считается», сказал он. «Мы будем продвигаться медленно … посмотрим, как идет. Ты поговоришь со своей матерью или кем-то еще, с кем бы тебе хотелось. Но это будет продолжаться, пока поцелуи со мной не будут вызывать панических атак, хорошо?»

Он не стал дожидаться ответа, просто вышел из дома с его свитой следующей за ним. Даррел подождал, пока Бен и Питер оба будут за дверью, прежде чем мягко закрыть ее позади их всех.

«Мерси», сказала мама задумчиво: «Ты никогда не говорила мне, что твой сосед вервольф настолько горяч».

«Ммм,» сказал я. Я оценила ее усилия, но теперь, когда время подошло, я просто хотела покончить с этим. «И тебе не довелось видеть как он разорвал труп Тима на кускочки».

Я услышала, как мама с силой втянула воздух. «Я бы хотела бы. Расскажи мне о Тиме».

Так я и сделала. И она не сказала ни слова, пока я не закончила. Я не хотела говорить ей все. Но она ничего не говорила, не двигалась, не смотрела на меня. А я говорила. я сохранила имя Бена в тайне, его тайны были его, но все остальное ревело в зубчатых битах или задохнулось примерно из чего то темного и мерзкого. Потребовалось время, чтобы все это сказать.

«Тим напомнил тебе Самуэля», сказала она, когда я закончила.

Я положила мою голову ей на колени.

«Нет, я не сумасшедшая». Она протянула мне пачку бумажных салфеток из коробки, которая находилась на подлокотнике дивана.

— Вот почему ты не увидела что происходит. Вот почему ты не увидела кем он был. Самюэль всегда был немного изгоем, и это сделало тебя уязвимой для изгоев.

Самюэль? Веселый, с мягким характером (для вервольфа) Самюэль изгой?

— Он не был, — я схватила кучку ткани и вытерла сопли и соленую воду с лица. Пока я плакала, у меня текло из носа.

Она кивнула. — Конечно был. Он любит людей, Мерси, а большинство верфольфов нет, — она вздрогнула, то ли что-то вспомнив, то ли еще почему-то. — Он слушал хэви метал и смотрел повторы Star Trek.

— Он был вторым после Маррока, пока не пришел сюда и не стал одиноким волком. Он не был изгоем.

Она только посмотрела на меня.

— Одинокий волк не значит изгой, — я упрямо выпятила челюсть.

Хлопнула дверь, и Самюэль, который сидел на крыльце до этого момента, вошел. — Да, значит. Эй, Марджи, зачем ты привезла с собой этого пса? Он выглядит жутко.

Хотеп был черным с красноватыми глазами. Он походил на Анубиса. Самюэль был прав, он

выглядел жутко. — Я не смогла найти с кем его оставить, — сказала она, вставая чтобы принять объятия. — Как вы?

Сначала он начал говорить, что хорошо… затем на меня посмотрел. — Мы предъявили друг другу претензии — Мерси и я. Но все еще не пришли в себя.

— Это все, что вы можете сделать, — сказала мама. — Я должна идти. Хотеп сейчас взорвется, и я должна немного поспать. — Она посмотрела на меня. — Я могу остаться на несколько дней — и Курт хотел сказать тебе, что ты можешь на некоторое время вернуться домой. — Курт был моим отчимом, он дантист.

— Спасибо, мам, — произнесла я, и я действительно имела это ввиду. Как бы это ни было ужасно, я думала, что мои излияния могли бы помочь. Но я должна была выпроводить ее из города прежде, чем Марислия сделает следующий шаг. — Это в точности то, что мне было нужно, — я сделала глубой вдох. — Мама, мне нужно, чтобы ты вернулась в Портланд. Я сегодня работала. Будет лучше делать то, что я всегда делаю. Я думаю, если я просто буду придерживаться моей нормальной жизни, то смогу оставить все в прошлом.

Моя мама сузила глаза, глядя на меня, и начала что-то говорить, но Самюэль засунул руку в карман и достал оттуда визитную карточку.

— Вот, — сказал он. — Позвони, я расскажу как она.

Мама вздернула подбородок. — Как она?

— Так себе, — сказал он ей. — Что-то действует, что-то нет. У нее хорошие гены. Она будет в порядке, но я думаю, что она права. Ей станет лучше, когда люди перестанут бегать вокруг с сочувствием и жалостью и обращать внимание на нее. Лучший способ этого добиться — вернуться к работе, к нормальной жизни, пока люди не забудут об этом.

Благословил Самуэль.

— Хорошо, — сказала мама. Она подарила Самуэлю суровый взгляд. — Я не знаю, что происходит между тобой, моей дочерью и Адамом Хауптманом…

— Мы тоже, — пробормотала я.

Сэмюэл усмехнулся. — У нас это очень хорошо разработано, поскольку секс получает-Адам, а не я. Но остальные условия мы все еще обсуждаем.

— Самюэль Корник, — зашипела я, не веря своим ушам. — Это моя мама!

Мама вернула ему усмешку и потянула его вниз, чтобы поцеловать в щеку. — Точно так я и поняла. Просто хотела удостовериться. — Она посерьезнела и, взглянув на меня, сказала Самюэлю. — Позботься о ней для меня.

Он торжественно кивнул. — Обещаю. И у Адама тоже полный комплект для этого. Позволь проводить тебя до машины.

Он вернулся в дом, и я услышала, как отъезжает машина моей мамы. Он выглядел таким же уставшим, какой себя чувствовала я.

— Пара волков Адама следят за Красным Львом, дожидаются когда твоя мама окажется там. С ней будет все в порядке.

— Как авария? — спросила я.

Он засветился. — Один бедный дурак взял свою беременную жену через всю страну, чтобы посетить ее мать за две недели до родов. Я оказался там как раз вовремя, чтобы сыграть в ловца.

Сэмюэль любит детей. — Мальчик или девочка?

— Мальчик. Джейкоб Дэниэль Арлингтон, шесть фунтов, четыре унции.

— Ты заходил к Адаму, видел Стефана? — спросила я.

Он кивнул. — Я остановился у его дома когда возвращался. Хорошо, что так сделал. По большей части я помогаю людям до того как они умирают. Я не так уж полезен после.

— Так, что ты думаешь?

Он пожал плечами. — Он делает то же, что вампиры в течении дня. Не спит, но что-то близкое к тому. Я думаю он будет отдыхать ночь и следующий день. Это то, что скажет любой в здравом уме, и так сказал Адам. Он заявил, что я уставший и бесполезный, а затем отослал меня сюда, чтобы я не спускал с тебя глаз на случай, если Марсилия решит еще что-то предпринять.

— Уставший и бесполезный, — сказала я с притворным сочувствием. — И даже это не заставило тебя отказаться от ответственности.

Он усмехнулся. — Адам, кажется, думает, что ты объявил себя его. Но, учитывая его послужной список, он мог сделать это без твоего согласия, я решил спросить у тебя сам.

Я подняла свои руки, капитулируя. — Что я могу сказать. Моя мама считает его горячим. У меня нет выбора, кроме как принять его. Кроме кого, ужасно видеть мужчину ползающим… умоляющим.

Он засмеялся. — Готов поспорить. Иди спать, Мерси. Скоро утро. — Он пошел по коридору в свою комнату, затем развернулся и пошел обратно. — Я собираюсь сообщить Адаму, что ты сказала будто он тебя умолял.

Я подняла бровь. — Затем я скажу ему, что ты обвинил его по лжи.

Он засмеялся. — Спокойной ночи, Мерси.

Я выбрала для себя Адама, выбрала с открытыми глазами и сердцем. Но смех Самуэля все еще заставлял меня улыбаться. Я любила и Самуэля тоже.

Он волновался обо мне. Иногда он походил на прежнего Самуэля, забавного и беспечного. Но я была более чем уверена, что большую часть времени это всего лишь игра, подобно предписаниям актера: — Выйти на сцену и счастливо улыбаться.

Он пришел сюда, остался со мной чтобы попытаться стать лучше — что было хорошим знаком, как первый визит больного в общество анонимных алкоголиков. Но я не была уверена помогло ли ему это. Он был стар. Страше, чем я его знала, когда росла в стае его отца. И хотя вервольфы не умирали от старости, как обычные люди, убивала она их не менее эффективно.

.

Возможно, если бы я по-другому любила Самуэля. Возможно, если бы здесь не было Адама. Если бы я принимала Самуэля как моего мужчину, и он хотел бы меня, в тот момент, когда пришел в мой дом, возможно, это могло бы его изменить.

Он неодобрительно на меня посмотрел: — Что не так?

Но ты не можешь выйти за кого-то замуж в надежде чего исправить, даже если любишь. Я и не любила Самуэля как женщина должна любить мужчину, так я любила Адама. И Самуэль тоже не любил меня так. Близко, но не совсем. И кроме случаев с подковами и ручными гранатами, близко не счет.

— Я люблю тебя, ты знаешь, — сказала я ему.

Его лицо в момент прояснилось. Он сказал: — Да. Я знаю. — Его зрачки сузились, и серые глаза засветились ледяным. Затем он улыбнулся словно чему-то приятному и теплому. — И я тебя люблю.

Я легла спать с отличным чувством, что, на этот раз, могла быть действительно близка к тому, чтобы добиться цели.

Самуэль был прав — утро настало слишком быстро. Я зевнула, повервнув фургончик на улицу, где находился мой магазин — и остановилась как вкопанная посреди дороги, весь сон пропал.

Кто-то нарисовал граффити и повеселился прошлой ночью на всей территории моего рабочего места.

Я все осмотрела, затем медленно заехала на стоянку и припарковалась за старым грузовиком Зи. Он вышел из офиса и подошел ко мне как только я вышла из машины и захлопнула дверь, высокий, худощавый, седой мужчина. Он выглядел лет на пятьдесят или чуть за шестьдесят, но был значительно старше: никогда не судите о представителях малого народа по внешнему виду.

— Вау! — сказала я. — Нам стоит восхищаться их преданностью делу. Они должны были потратить на это несколько часов.

— И никто не проехал мимо? — огрызнулся Зи. — Никто не вызвал полицию?

— Мм, возможно нет. Здесь ночью не слишком оживленное движение, — чтение граффити заставило меня осознать, что здесь есть темы и идеи, которые попытались донести, сделав из моего гаража полотно.

Зеленая Краска, я была почти уверена, был молодым парнем, чей образ мышления напоминал мне о Бене, если используемые им слова были какими-либо указаниями.

— Смотри, он неправильно написал слово «шлюха». Думаешь он это сделал специально? Он написал это же слово правильно на лобовом стекле. Интересно, которое из них было первым?

— Я уже позвонил твоему другу полицейскому, Тони, — Зи говорил так зло, что его зубы клацали друг о друга. — Он спал, но будет здесь уже через полчаса. — Зи мог быть расстроен из-за состояния моего счета, но вероятнее, это было из-за гаража, который был его задолго до того, как я выкупила дело. На прошлой неделе я бы была тоже зла. Но столько

всего случилось с тех пор, что происшествие заняло довольно низкий приоритет в списке моих забот.

Красная Краска оставлял более угнетающие послания, чем Зеленая Краска. Красная вычерчивал только два слова: лгунья и убийца, снова и снова. Адам установил охранные камеры, так что мы точно будем знать кто они, но я готова была поспорить, что Красная Краска — кузина Тома — Кортни. Тим убил своего лучшего друга перед тем как переключиться на меня, и было не так уж много людей, кто стал бы сделать эту работу после его смерти.

Я услышала шум приближающейся машины. Часом позже, когда движение бы возросло за счет потока спешащих на работу людей, я бы не заметила. Но ранним утром было так тихо, что я различила приближение моей мамы.

— Зи, — сказала я настойчиво. — Если ли какой-нибудь способ спрятать это, — я махнула рукой на магазин. — За несколько минут?

Я не знала что он может и что не может, кроме как чинить машины и работать с металлом, он не часто пользовался магией при мне. Но однажды я видела его лицо, а потому знала, что его персональный гламор хорош. Если он мог скрывать свое лицо, конечно, он сможет спрятать и кучку зелено-красных рисунков.

Зи посмотрел на меня хмуро, с глубоким неодобрением. Не просите одолжений у малого народа — они не только опасны, они еще и обидчивы. Зи может меня любить, может быть мне должен за освобождение их тюрьмы, но это работает только пока я не лезу в его дела.

— Едет моя мама, — сказала я ему. — У меня на хвосте вампиры, и я должна заставить ее уехать. Она не уйдет, если будет знать, что я в опасности, — А затем, поскольку я была в отчаянии, решилась на грязную игру: — Не после того, что случилось с Тимом.

Его лицо было спокойно. Затем он схватил меня за запястье и потянул за собой, в результате мы оба оказались стоящими рядом с гаражом.

Он положил руку на стену рядом с дверью. — Если это сработает, я не смогу убрать руку, не нарушив заклятие.

Когда моя мама вывернула из-за угла, граффити пропали.

— Ты лучший, — сказала я ему.

— Выпроводи ее поскорее, — сказал он с гримасой, — это не мой род магии.

Я кивнула, и начала двигаться к месту, где мама парковала машину, когда вдруг рассмотрела дверь.

Покрытое красной и зеленой краской это не было заметно. Кто-то с художественным опытом нарисовал крест на двери. Если неправильно истолковать увиденное: вместо двух простых линий, фигуры были выполнены в форме двух костей. Они были цвета слоновой кости, с сероватыми тенями с легким розовым румянцем и нарисованы не парой разгневанных детей с баллончиками краски. Для того, чтобы картинка стала изображением Веселого Роджера не хватало только черепа.

— Ты спрячешь это намного лучше, — сказал Зи. — Магия не сможет.

Я прислонилась спиной к двери и скрестила руки.

— Так почему ты думаешь, что это работает неправильно? — спросила я его, когда мама вышла из машины с Хотепом на поводке.

— Потому что он старый, — ответил мне Зи, принимая посланный мной сигнал. — Потому что с самого начала было разработано неверно. Потому что двигатель с воздушным

охлаждением нуждается в постоянном ремонте.

— Поняла. Привет, мама.

— Маргарет, — сказал Зи прохладно.

— Мистер Адельбертсмайстер, — мама не любила Зи. Она винила его в моем решении остаться в Три-Сити и чинить машины вместо того, чтобы получить учительскую должность, которая куда более соответствовала ее представлению о том, где я должна была работать. Отдав дань вежливости, она снова повернулась ко мне. — Я думала повидаться перед тем как поеду домой, — она не могла подойти ближе ко мне, так как если бы Хотел учуял мой запах, он стал бы вести себя агрессивно: защищать маму от плохого койота.

— Я буду в порядке, — сказала я ей, выпячивая губы в сторону добермана. Я вообще-то люблю собак, но не эту. — Передать Курту и девочкам, что я их люблю.

— Не забудь придумать наряд, в котором пойдешь на свадьбу Нэн, — Нэн была моей младшей сводной сестрой, и она выходила замуж через шесть недель. К счастью, я не была частью свадебной вечеринки, все что мне нужно было делать — сидеть и смотреть.

— Отмечу на календаре, — пообещала я. — Зи присмотрит за мастерской вместо меня.

Она посмотрела на него, затем снова на меня. — Ладно. — Она собралась было меня обнять, но горестно посмотрела на Хотепа. — Ты должна научить его себя вести как ты это сделала с Ринго.

— Ринго был пуделем, мама. Драка между мной с Хотепои не закончится хорошо ни для одного из нас. Все в порядке. Не его вина.

Она вздохнула. — Хорошо. Позаботься о себе.

— Люблю тебя. Будь осторожна за рулем, — сказала я ей.

— Я всегда осторожна. Люблю тебя.

К тому времени, когда машина скрылась из вида, Зи покрылся испариной. Он отнял руку от стены, и рисунки вернулись. — Я сделал это не для тебя, — забрюзжал он. — Я просто хотел, чтобы она не ошивалась здесь дольше необходимого.

Мы оба отошли от дверей чтобы посмотреть на рисунок, почти скрытый большими, толстыми красными буквами: «Лгунья». Рисунок костей был толще, чем спрей, и хотя я не могла видеть большую часть цвета, я могла видеть его очертания.

— Вампиры забросили Стефана в мою комнату прошлой ночью. — рассказала я ему. — Он был в весьма плачевном состоянии.

Питер… один из волков Адама, думает, они надеялись, что Стефан будет меня атаковать, и таким образом они избавляться от обоих. Стефан был не в том состоянии, чтобы детально поговорить, но он смог передать, что Марсилия выяснила — это я убила Андрэ.

Зи провел пальцами по костям и покачал головой. — Это может быть работа вампиров. Но, Мерси, ты сунула свой маленький нос во столько не принадлежащих вампирам мест, что это может быть кто угодно. Я скажу дядюшке Майку — но я готов поспорить, что лучшую информацию об этом даст тебе Стефан, потому что на магию малого народа это не похоже. Как он плох?

— Если бы он был вервольфом, я бы подумала, что он мертв. Думаешь это магия? — я и сама чувствовала это, но надеялась что ошибаюсь.

Зи нахмурился. — Для дьявольского кровососа он совсем неплох. — Высокая оценка для Зи. — И да, здесь есть магия, но ничего из того, что мне знакомо.

— Сэмюэль думает, что Стефан будет в порядке.

Тони вывернул из-за угла на своей неприметной машине, которая была незаметно для

глаза улучшена полицией с помощью экстра-зеркал, экстра-антенны и полосой огней вдоль заднего окна, скрытых от обычного глаза с помощью экстра-черного стекла. Он замедлился, когда заметил вид ущерба. Он остановился рядом с нами и открыл дверь.

— Заранее готовишься к Рождеству, Мерси? — Тони мог вживаться в роль намного лучше чем я когда-либо. Сегодня он выглядел как латиноамериканский коп… как дитя постера о латиноамериканских копах, симпатичный и опрятный. Когда он играл накоторговца, он делал это еще более реалистично, чем в действительности. Впервые я всего встретила, когда он изображал бродягу.

В нем не было ничего магического или паранормального, но этот человек был хамелеоном.

Я снова посмотрела на здание. Он был прав. Если не обращать внимания на слова, выглядело как род роджественских украшений. Зеленая краска как правило была узкой в вертикальном направлении, но широкой — в горизонтальном. Красная краска была толстой и замкнутой. Выглядело как гирлянды со свисающими красными шарами.

Здесь было даже «хо-хо-хо», если некоторую часть окружения пропустить и удалить букву «е» с конца последнего «хо.» Наш зеленый рисовальщик обладал ограниченным словарным запасом и случайной смесью профессионализма по работающим женщинам с озеленителем.

— Никаких рождественских дум, — сказала я Тони. — Но цвета верные. Вообще-то, если бы белый не был таким бледным, выглядело бы почти празднично — как в маленьком мексиканском ресторане в Паско — в том, где действительно горячая сальса. — Свежие цвета сделали оригинальную краску рабочего места пресытившейся.

— Твой бойфренд все еще записывает видео с камеры слежения?

— Да. Но я не знаю как его запустить.

— Я знаю, — сказал Зи. — Давайте посмотрим.

Я посмотрела на него. Вампиры, помнишь? Мы не хотим, чтобы невинные человеческие копы увидели вампиров.

Он подарил мне равнодушный взгляд, который ясно говорил: если вампиры достаточно неуклюжи, чтобы попасться камерам, это их проблема. Я не могла возразить вслух, однако если вампиры будут обнаружены, в опасности окажется Тони.

Итак, думала я по пути в офис, по крайней мере вампиры выглядят так же как и все. Пока они не показывают клыки на камеру — или не разбрасывают вокруг машины — маловероятно, что они будут замечены. А если все же будут замечены… Тони не был глуп. Не знал много о работе малого народа и вервольфов, и я знала что он подозревает существование намного более неприятных существ, молчащих о себе.

Пока Зи разбирался с электроникой, Тони посмотрел на меня.

— Как ты? — его запах свидетельствовал о волнении с небольшим металлическим ароматом покровительственной злости.

— В самом деле устала отвечать на этот вопрос, — вежливо ответила я. — А ты как?

Он сверкнул на меня жемчужной улыбкой. — Хорошо для тебя. Думаешь, это сделало «Светлое Будущее»?

Если наши мысли работают в синхронном режиме, то мне жаль бедного Тони.

— Вроде. Я думаю, это работа кузины Тима, — сказала я ему. — Он член общества «Светлое будущее», но сделала это не под их флагом. Все указывает на то, что я не из малого народа.

— Хочешь выдвинуть обвинения?

Я вздохнула. — Я позвоню в свою страховую компанию. Я боюсь, что они могут вынудить меня выдвинуть обвинения. Я не могу позволить себе нанять кого-то, что перекрасил бы это, пока не получу страховку, и я не могу взять перерыв в работе чтобы сделать это самой, — у меня остались другие вещи, за которые нужно заплатить — за ущерб, который представитель маленького народа, пытавшийся меня съесть, нанес дому и машине Адама, например. И Зи сказал мне собирать деньги, которые я должна была ему за мастерскую. Малый народ не может врать, и у нас не было времени это обсудить.

— Как насчет семьи Габриэля? — предложил Тони. — Их достаточно, и они могут работать после школы, это было бы дешевле чем нанимать профессионалов и… Я думаю, они нуждаются в деньгах.

Габриэль Сандаваль был моей Пятницей, ученик старшей школы, который приходил по выходным и после обеда чтобы заниматься бумажной работой, отвечать на телефон и заниматься другими делами, которые требуется сделать.

Меня посетило внезапное видение мастерской, наполненной маленькими Сандавалями, свисающими с лестниц и канатов. Я позволяла им убираться в офисе, и было почти невозможно опознать место — эта толпа детей была невероятно трудолюбива. — Хорошая идея. Попрошу Габриэля позвонить его матери, как только он появится.

— Вот, — сказал Зи. Он повернул маленький монитор системы безопасности и нажал на кнопку включения. Система, которую Адам встроил, была умная и дорогая. Она запускалась с помощью сенсора движений, таким образом нам нужно было смотреть только момент, когда кто-то начал двигаться. Первое движение началось в 22:15, мы смотрели на полувзрослого кролика, неторопливо прошествовавшего по тротуару и скрывшегося из вида. В полночь кто-то появился перед дверью гаража. Это были не двое людей с аэрозолями, потому я была уверена, что это тот, кто нарисовал скрещенные кости на моей двери.

Его изображение было странно затенено, неразборчиво. Злодей не показывал лицо камере — впечатляет, так как камера располагалась ровно перед дверью чтобы поймать лицо любого, кто пытается пробраться внутрь.

Единственной вещью, которую камера сняла четко, были его перчатки — старого образца: белые с маленькими пуговками на запястьях. Искажения картинки были странными, прыжки, отключения камеры ввиду отсутствия движения. Согласно таймеру, рисование костей заняло у него сорок пять минут, из которых камера поймала примерно десять. Часть потерянного времени принадлежала его приходу и уходу.

Не думаю, что он знал о местоположении камеры, он все еще игнорировал ее. Некоторые паранормальные существа не слишком подходят для съемок в кино: традиционно, вампиры одни из них. Рост соответствовал Вульфи, кого первым я заподозрила бы среди любого вампирского сообщества. Все это время Вульфи был вампиром, который точно знал что это я убила Андрэ, и также поэтому я считала его первым в списке подозреваемых на должность информатора, сдавшего мои деяния Марсилии.

Камера поймала движение снова.

— Останови это, — сказал Тони.

Две фигуры, все еще нечеткие, замерли в освещенной области моей парковки, и маленькие цифры в нижнем правом углу экрана показывали 2:08. Время перепрыгнуло почти на полчаса с тех пор как художник костей в последний раз был там.

— Что это было? — спросил он. — Фигура у твоей двери?

— Я не знаю, — ответила я. Я почти ляпнула, что его предположение так же хорошо, как и мое, но оно не было таковым. — Может быть кто-то пытался войти, но не сделал этого. — Невозможно рассказать что он делал перед объективом камеры. — Не имеет значения, так как он очевидно не один из рисовальщиков граффити.

Тони пристально посмотрел на меня. Копы почти так же хороши как и вервольфы в определении лжи. Он неожиданно повернулся и открыл дверь для того, чтобы изучить ее. Как и Зи, он проследил скрещенные кости с помощью легких касаний пальцев.

— Кого ты взбесила кроме «Светлого Будущего? — он сделал почти такой же взгляд, какой мог сделать старый Моб — стильный, но пугающий адресата до чертиков.

Я вдохнула и пожала плечами. — Никто не хотел, чтобы Зи посадили за убийство. Но никто из малого народа не стал ничего делать — слишком заметно. И вервольфы, которые отделались тем, что было бы не очень хорошо просто атаковать. У меня есть несколько человек, которые справятся с этим делом лучше чем может полиция.

Нахмурившись, Тони начал возмущаться: — Еще одно твое «это слишком опасно для невинных человеческих копов»?

Я потерла руки, но я не замерзла, просто боялась. Иллюзий у меня не было. Марсилия могла меня убить, просто играла. Но не имеет значения как играет кошка, в конце мышка все равно будет мертва. И конец наступит когда она решит. Есть только один вопрос: как много людей — как много моих друзей — она решит утопить вместе со мной.

Возможно, паниковала я преждевременно. Возможно, она решит назначить наказание. Стефан принадлежал ей, не было причин для его уничтожения — глубокое ощущение, что он будет не последним, кто пострадает за мои грехи. Я не знаю Марсилию достаточно хорошо чтобы предсказать ее.

— Мерси?

— Я не знаю, что означаются скрещенные кости, — хуже чем плохие новости. — Зи сказал, что это магия возможно не принадлежит малому народу. — Зи продал мне гараж, так как люди беспокоились из-за его принадлежности к малому народу. Существовать множество предубеждений против малого народа. — У него есть несколько контактов, которые помогут мне выяснить все. Я знаю несколько человек, которых тоже могу спросит, — Адам знал ведьму, которая зарабатывала очисткой мести почти происшествий в стае. Она была хороша, но будет стоить дорого в случае, если Дядюшка Майк и Стефан не будут знать что это. Это выльется в месяц макарон с сыром.

— Тем не менее никто из них не подойдет и на сотню миль к полицейскому расследованию. Ты знаешь какого-нибудь на КПД, являющегося экспертов в магии?

Тони выдерживал мой взгляд с минуту прежде чем сдаваться со вздохом. — Черт возьми нет, Мерси! Ты бы видела лица начальства, когда они смотрели то видео… — он остановился и виновато на меня посмотрел. Это было видео, где я убиваю Тима… и все что случилось до того. Он нервно пожал плечами и отвел взгляд. — Есть всего несколько человек, которые осведомлены о малом народе и оборотнях, но… если они знают больше, они хранят это в секрете потому что боятся потерять работу.

Он вздохнул и вернулся в магазин. — Продолжайте, — сказал он Зи. — Давайте посмотрим как кузина Тима разрисовывает мастерскую.

В один момент два затененных человека пересекли стоянку, Кортни была безошибочно узнаваема. Вместо просмотра всего процесса, Зи перемотал до момент, когда парочка уходила с пустыми баллончиками краски в сумках почти два часа спустя. Он остановил

картинку, когда Кортни приблизилась к камере так, что невозможно было ошибиться — ее симпатичное, круглое лицо было жестким и злым. Зи отмотал немного назад и мы четко увидели и лицо ее компаньона тоже.

Система безопасности была на месте совсем недолго, Зи любил гаджеты. Должно быть он провел некоторое время играясь с ней.

— Это Кортни, все в порядке… Я не помню ее фамилии, — сказала я Тони. — А мужчину я совсем не знаю.

Если бы это было «Светлое Будущее», людей должно было быть больше.

— Это личное, — мрачно согласился Тим. — Ты все равно отдашь мне диски и выдвинешь обвинение, чтобы мы дали время ей остыть Она не собирается прекращать причинять тебе неудобства в ближайшее время до тех пор, пока это сходит ей с рук. Так безопаснее всех, если действует полиция, а не вервольфы и малый народ.

Зи изъял диск и отдал его Тони.

Тони нахмурился в момент: — Я не беспокоюсь о детях, Мерси. Но кто-то нарисовал те кости, и есть еще тот парень, который отключает мой радар. Если это не угроза смерти, то я дядя обезьяны. Держись пока поближе к своему бойфренду вервольфу.

Я издала мученический вздох. — Почему ты думаешь Зи все еще здесь? Я подозреваю, что меня не оставляет в одиночестве еще как минимум год.

— Да, — сказал он, и улыбка осветила его глаза. — Тяжело, когда люди о тебе заботятся.

Зи издал звук, который возможно был смехом. Он скрыл это за кислым тоном: — Не то чтобы приглядывать за ней было просто. Прости подождите. Все, чем она будет заниматься следующие несколько недель — жаловаться, жаловаться, жаловаться.

Глава 3

Прошел слух, что я вернулась в магазин, и все мои постоянные клиенты стали останавливаться около мастерской для выражения сожалений и поддержки. Граффити сделали ситуацию еще хуже. К девяти я уже пряталась за большими закрытыми дверями, хотя в гараже было жарко и душно, а счет обещал пострадать из-за расходов на электричество.

Я оставила Зи работать с клиентами, бедные клиенты. Зи не человек. Много лет назад, когда я впервые приехал сюда работать, его девятилетний сын возглавлял ресепшн, и все были благодарны

Большую часть утра я провела выясняя в чем проблема 21-летней Джетты. Нет ничего более занятного, чем сортировка перекрывающихся проблем с электроникой, если у вас есть свободный год или два. Владелица обнаружила проблему в три часа утра, дважды попыталась завести свою машину, когда выяснилось, что батарея разрядилась, хотя фары и были выключены.

Не было никаких проблем в батарее. Или в генераторе. Я лежала на сидении водителя вверх тормашками, головой к магнитной записывающей головке Джетты, когда меня посетила идея. Я повернулась и посмотрела на новый сверкающий CD-плеер на древней машине, которая с свой прошлый визит могла проигрывать только пленочные кассеты. Когда вошел Зи, я использовала всю языковую мощь, чтобы описать ситуацию службе техников, которые не знали как зашнуровать собственную обувь, но запросто влезли в устройство одной из моих машин. Я заботилась об этой Джетте с тех пор как начала работать над машинами, и чувствовала особенную ответственность за нее.

Зи сверкнул глазами пару раз, скрывая веселье. — Они могли бы выставить тебе счет за возврат старого стерео.

— Они заплатят за это? — спросила я.

Зи улыбнулся. — Заплатят, если я возьмусь за дело, — у Зи тоже был персональный интерес к машинам клиентов.

Мы закрылись на обед и пошли в наш любимый тако-фургончик за настоящими мексиканскими тако. В них вместо сыра или замороженного салата есть и кинза, и лайм, и редис — на мой взгляд более чем щедрое предложение.

Вагончик был припаркован рядом с множеством мексиканских пекарен, прямо за вантовым мостом через реку Колумбия, расположив его в Паско, но лишь отчасти. Некоторые вагончики в шаге от фургонов, но этот был маленьким трейлером, увешанным досками, на которых перечислялось меню с ценами.

Миловидная женщина, работавшая там, едва говорила по-английски — достаточно лишь чтобы принимать заказы — но это, вероятно, не имело значения, так как всего несколько ее клиентов говорили только по-английски. Она что-то сказала и похлопала по моей руке, когда я протянула деньги — и затем, поверяя наличие в сумке маленьких пластиковых стаканчиков с соусом сальса, я заметила что она также положила в сумку и пару самых любимых мной тако. Это доказывало, что каждый, даже не читающий газеты, знал обо мне.

Зи довез нас до парка — той его части, что принадлежала Кенневику — там на берегу располагались столики, где мы могли поесть. Когда мы шли от парковки до столиков, я вздохнула. — Жаль, что не только газеты болтают. Сколько еще времени пройдет, пока все

не забудут обо мне, и не перестанут смотреть с жалостью?

Зи плотоядно усмехнулся. — Я уже говорил тебе, что нужно учить испанский. Она поздравила тебя с убийством Тима. И она знает несколько человек, которые получили выгоду от твоих действий. — Он указал на стол и сел сам.

Я села напротив его и поставила между нами сумку. — Она этого не говорила. — Я не знала испанского, но каждый, кто жил в Три-Сити достаточно долго выучил пару слов — она не так долго говорила, даже по-испански.

— Возможно без последней части, — согласился Зи, накладывая курицу тако и выжимая над одной из них ломтик лайма. — Хотя и я видел это по ее лицу. Но она сказала *Bien hecho*.

Первое слово я знала, но он заставил меня спросить о последнем, дождавшись когда любопытство вынудит открыть рот и произнести это вслух. — Что это значит? Хорошая…

— Хорошая работа, — его белые зубы вонзились в тортилью.

Глупая. Я была глупой, раз чужое мнение имело для меня значение, но знание, что кто-то видит меня не жертвой очень поднимало настроение. Полив зеленым горячим соусом мой козий тако, я съела его с возросшим аппетитом.

— Думаю, — сказала я Зи. — Вечером после работы пойду на доджо, — я уже пропустила субботнюю утреннюю тренировку.

— Было бы интересно посмотреть, — произнес Зи настолько близко ко лжи, насколько мог. У него не было никакого желания смотреть на кучу причиняющих вред друг другу потных и усталых людей (согласно его же словам). Видимо, его избрали телохранителем не только на рабочий день.

Кто-то с ними со всеми поговорил. Я видела это по непринужденности, с которой меня приветствовали, стоило зайти в зал доджо. Мускулы на челюсти Сенсея Йохансона дрожали, когда он впервые меня увидел, но он провел нас через все садистские упражнения и растяжки с присущей ему непоколебимостью. Ко времени, когда начались спаринги, мышцы нижней части моей спины, которые всю неделю находились я напряжении, расставились и начали хорошо двигаться. После первых двух схваток, я расслабилась и погрузилась в мои обычные отношения любви-ненависти с третьим противником, невероятно мощным обладателем коричневого пояса, который считался хулиганом в доджо.

Он был осторожен, так осторожен, что Сенсей никогда не видел как тот делает это, но он любил причинять боль… женщинам. В дополнение к полно-контактной форме, была еще одна причина для выбора Сенсеем Ли Холланда — я была единственной женщиной в классе. Ли не был женат, чему я радовалась. Ни одна женщина не заслуживала жить с таким.

Вообще-то я любила драться с ним, так как никогда не чувствовала вины за оставленные синяки. Я также наслаждалась разочарованием в его глазах, когда его действия (а его коричневый обходит мой фиолетовый) постоянно не срабатывали так как должны.

Сегодня в его глазах было что-то иное, когда он смотрел на стежки на моем подбородке, он очень хотел видеть как я ползаю перед ним. Он был настроен на мысль о моим изнасиловании. Или на то, что я убила. Я предпочитала последнее, но, зная Ли, первое вероятнее.

— Ты слабачка, — сказал он мне шепотом. чтобы никто не услышал.

Я была права насчет того, что вызывало его интерес.

— Я убила последнего, кто так думал, — сказала я и с силой ударила его ногой в грудь. Обычно, я умеряла силу до человеческого уровня. Но его глаза заставили меня забыть об

игре в человека. Я не паранормально сильна, но в боевых искусствах имеет значение скорость.

Я двигалась на максимальной скорости, когда обходила его, пока он был еще выведен из равновесия. Турнир боевых искусств предполагает двух оппонентов друг напротив друга, но наш стиль поощеряет нас на удары сзади или сбоку, держа оружие противника направленным не в ту сторону. Я жестко наступила на заднюю часть его колена, заставив его упасть на пол. Прежде чем он успел ответить, я отпрыгнула обратно на три фута, чтобы дать ему шанс встать на ноги, это только лишь спарринг, а не битва на выживание.

Наше додзе включал в себя некоторые захваты, но не много. Ши Сей Кай Кан чтобы сбить противника с ног и быстро перейти к следующему парню. Она была разработана для ведения войны, когда солдат может столкнуться с несколькими противниками. Борьба оставляет левый фланг уязвимым для атаки другого противника. И у меня не было никакого желания, чтобы быть близко с Ли.

От заревел от унижения — собрал свой гнев и двинулся на меня. Блокировал и блокировал, скручивал и обманывал, я старалась избегать контакта с ним.

Кто-то крикнул резко: — Сенсей! Посмотрите на бой Ли.

— Достаточно, Ли, — крикнул Сенсей из-за доджо, где с кем-то практиковался.

— Достаточно.

Казалось, Ли не услышал его. Если бы я не была настолько быстрее, он бы уже вывел меня из игры. Судя по всему, он не мог коснуться меня никаким способом. На какое-то время, по крайней мере пока я не стала слишком дерзкой и самоуверенной.

Я почувствовала обманный маневр его правой руки, когда он сильно ударил меня в диафрагму и уложил на пол с помощью левой. Не обращая внимания на нехватку кислорода насколько могла, я с разворота подставила ему подножку. И когда повернулась, увидела что Адам стоит в дверях в деловом костюме. Он сложил руки на груди и ждал, когда я разделаюсь с Ли.

Итак. Думаю, что присутствие Адама подало мне идею. Я некоторое время провела в его доджо — в его гараже — практикуя прыжок, спиннинг удар с разворота. Он был разбратан как средство сбивать противника с коня, жертвенное действие, так как солдат не ожидал остаться после этого в живых. Конные воины имени большее значение, чем пехотинцы, так что жертва была оправдала. В наше время удар скорее демонстрационный, использовать его в бою с профессионалами не стоит — он слишком медленный, слишком показной, чтобы быть полезным. Слишком медленный, если так не случилось, что вы частично койот и сверхъестественно быстры.

Ли не ожидал, что я попытаюсь сделать такое.

Моя пятка врезалась в челюсть Ли, и он упал на пол прежде чем я решилась на еще один ход. Я упала рядом с ним, все еще сражаясь с собственным дыханием после удара в диафрагму.

Сенсей был рядом с Ли, проверяя его, почти сразу после моего падения. Адам положил руки на мой живот и вытянул мои ноги, помогая восстановить дыхание.

— Мило, — произнес он. — Как жаль, что ты уже уложила его, если кто и заслуживал лишиться головы… — он не шутил. Если бы он сказал это с большим пылом, я бы начала волноваться.

— Он в порядке? — попыталась спросить я, и он, должно быть, понял.

— Выбит из колеи, но будет в порядке. Даже не бери в голову.

— Думаю, вы правы, — сказал Сенсей. — Она вытянула и поставила ногу под идеальным углом для удара, — он еще держал Ли, когда большой мужчина застонал и пошевелился.

Сенсей посмотрел на меня и нахмурился. — Ты вела себя глупо, Мерси. Какое первое правило боя?

К тому времени я могла говорить. — Лучшая защита — быстрые теннисные туфли, — сказала я.

Он кивнул. — Правильно. Когда ты заметила, что он вышел из-под контроля — что, я уверен, случилось как минимум за две минут до того как я пришел, так как помогал Гиббсу с его топорным ударом — ты должна была позвать на помощь, а затем сбежать от него. Не было смысла в продолжении, пока кого-нибудь не травмировали.

Сбоку, Гиббс, также обладатель коричневого пояса, сказал: — Она сожалеет, Сенсей. Только что она просто заблудилась. Выбрала неправильное направление для побега.

Напряжение рассеял общий смех.

Сенсей увел Ли, хотя и удостоверился в отсутствии повреждений. — Посиди до конца урока, — сказал он Ли. — А потом мы немного поговорим.

Когда Ли поднялся, он не смотрел ни на меня, ни на кого-либо, просто занял низкую позицию лошади у стены за спиной.

Сенсей поднялся, и я последовала его примеру. Он смотрел на Адама.

Тот поклонился, сжав руки в кулаки, и его глаза были спрятаны за солнцезащитными очками, которых не было, когда я впервые увидела его в дверях. Большинство вервольфов носят темные очки или шляпы, которые могут спрятать их глаза.

— Адам Хауптман, — представился он. — Друг Мерси. Я здесь чтобы просто понаблюдать, если вы не возражаете.

Сенсей в обычной жизни был бухгалтером. Днем он работал на страховую компанию, но там он был королем. Его глаза были холодны и уверены, когда он смотрел на Адама.

— Вервольф, — сказал он. Адам являлся одним из пяти или шести представителей, кто был выбран, для демонстрации обществу.

— Ага, — согласился Адам.

— И почему вы не помогли Мерси?

— Это ваше доджо, Сенсей Йохансон, — Сенсей поднял бровь, и Адам неожиданно сверкнул улыбкой.

— Кроме того, я видел ее драку. Она сильная и она смышленая. Если бы она считала, что у нее проблемы, позвала бы на помощь.

Я огляделась вокруг, пока поворачивалась и встала: как новенькая, за исключением синяков на животе. Зи ушел. Он бы не стал задерживаться, раз Адам сменил его на посту караульного. Его нос сморщился от запаха потны тел, как только он вошел — ему еще повезло, что сегодня было по-осеннему прохладно. В разгар лета для моего носа от зала доджо пахло как минимум за квартал. По мне запах был сильным, но не неприятным, но я знала по комментариям моих сокурсников по каратэ, что большинство людей реагирует на этот запах как Зи.

Драма завершилась, Адам снова отошел в сторону, ослабляя галстук и снимая жакет в качестве уступки жаре. Сенсей заставил нас делать три сотни боковых ударов (Ли позвали с его скамьи позора для участия тоже) сначала с левой руки, зачем с правой. Мы все отсчитывали удары по-японски — хотя и полагала, что если носитель языка заглянул к нам,

у него возникли бы проблемы с пониманием наших слов.

Первая сотня была простой, мышцы теплыми и гибкими от физической нагрузки, вторая… не настолько легкой. Где-то в районе 220, я потерялась в горячей боли и находилась почти в шоковом состоянии, пока мы не переключились на другую руку. Прогуливаясь между рядами учеников (а нас было двенадцать сегодня вечером) Сенсей исправлял ошибки выполнения, когда это было необходимо.

Можно было точно сказать кто относится к занятиям серьезно, так как двухсотый удар у них выглядел как первый. Менее прилежные студенты потеряли высоту и форму удара, когда устали. Было также несколько студентов, сохранивших форму и до трехсотого удара, но не я.

После занятия, все были слишком заняты, пытаясь не смотреть на оборотня, поэтому обращали все внимание на меня. Я пошла в ванную и долго переодевалась, из вежливости, чтобы у всех было время переодеться в прихожей перед дожио, прежде чем я вышла.

Когда я вышла, Сенсей меня уже ждал.

— Хорошая работа, Мерси, — сказал он мне с таким выражением, что я поняла — он не о Ли. Было странно, что слова у него для меня нашлись те же самые, что использовала женщина в фургончике тако, только на другом языке, и даже означали они одно и то же.

— Если бы не занятия, — я наклонила голову, чтобы обозначить доджо. — Я могла бы умереть той ночью вместо моего мучителя, — я формально кивнула ему, направив оба кулака вниз. — Спасибо за ваши уроки, Сенсей.

Он вернул мой поклон, и мы оба проигнорировали подозрительное увлажнение глаз.

Адам стоял перед дверью, качественно изучая свои ногти. Он веселился оттого, что люди глазели на него, что было хорошим знаком. У него было терпение. Потемнения пота на него египетской хлопковой рубашке, которые образовывали круги вокруг плеч и рук, показывали, что он был крепким парнем.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и представила его всем. Только Ли встретил его взгляд дольше, чем на минуту, и сначала я думала, Адам сорвется. Он одарил Ли страшной улыбкой. Я боялась, того что тот или другой собирается сказать, поэтому я схватила руку Адама и потянула его за дверь.

Если бы хотел, Адам мог бы избавиться от меня, но он шел рядом. Я не взяла машину потому что доджо располагался на расстоянии небольшой прогулки от моей мастерской по газону и вниз вдоль железной дороги. SUVа Адама тоже здесь не было.

— Ты приехал на другой машине? — спросила я на парковке.

— Нет, я попросил Карлоса подбросить меня после работы, чтобы я мог прогуляться с тобой до мастерской, — Карлос был одним из его волков, один из трех или четырех, кто работал с Адамом в сфере информационной безопасности, но я его не очень хорошо знала.

— Помню ты говорила, что тебе нравится успокаиваться, возвращаясь пешком.

Я сказала это ему несколько лет назад. Он ждал меня в мастерской с предупреждением… Я посмотрела на асфальт и повернула голову так, чтобы ему не было видно моей улыбки.

Это было после того, как я впервые вытащила старые автомобильные запчасти из моего сарая и поставила посредине поля так, чтобы Адам не мог не видеть их из своего окна. Он отдавал приказы налево и направо, и, зная оборотней как я, я не посмела бросить ему вызов напрямую. Вместо этого, зная, какой Адам организованный и аккуратный, я пытала его избитым старым Рэббитом.

Он остановился у гаража и нашел мою машину, но не меня. Он никогда не говорил, но я

думаю, что он должно быть проследил меня до доджо и вместо того, чтобы жаловаться на мою свалочную машину, он раскритиковал меня по поводу прогулок по Три-Сити одной ночью. Раздраженная, я огрызнулась. Я сказала ему, что использую эту недолгую прогулку назад к моему магазину, чтобы остыть после тренировки. Это было после его развода, но не намного. Годы назад.

Все это время он помнил.

— Отчего ты такая довольная? — спросил он.

Он помнил, что я сказала ему, как если бы я была важна для него даже тогда… но я могла бы описать точный оттенок галстука, который был на нем в тот день, тон, который беспокойство добавило в его голос. Я не хотела признаваться, что меня тянуло к нему. Не тогда, когда он был женат, и не тогда, когда он был одинок. Я была воспитана вервольфами, ушла от них и не хотела вернуться обратно в ту вызывающую клаустрофобию, насильственную среду. Особенно у меня не было никакого желания ходить на свидания с вервольфом Альфой.

И теперь я была здесь, гуляя с Адамом, который был Альфа настолько, насколько возможно.

— Почему ты не бросился в схватку с Ли? — спросила я, меняя объект разговора. Он хотел — он почему надел очки, чтобы его глаза, наливающиеся волчьим золотом не были видны каждому.

Он ответил не сразу. Искусственная насыпь вдоль железной дороги, которая была кратчайшим путем к моему магазину, была крутой, и мелкий гравий сделал ее немного коварной. Я была взбудоражена, поэтому я взбежала на нее. Мои бедренные мышцы, уставшие от трехсот ударов, протестовали против дополнительных усилий, о которых я их просила, но бег означал, что подъем пройдет быстрее.

Адам легко бежал вверх по склону позади меня, даже в скользких нарядных туфлях. Что-то в манере, в которой он следовал за мной, заставило меня нервничать, как-будто я была преследуемым оленем. Так что я остановилась на вершине и сделала растяжку своим уставшим ногам. Я буду проклята, если я побегу от Адама.

— Ты его сделала, — сказал Адам, посмотрев на меня. — Он в лучшей форме, чем ты, но он никогда не боролся за собственную жизнь. Я бы не хотел, чтобы вы тренировались вместе долго наелине, но у него не было шансов а в доджо.

Затем его голос стал глубже с немного более грубым тоном.

— Если бы ты не сглупила, ты бы даже не получила удар. Не делай так снова.

— Никак нет, сэр — сказала я ему.

Я пыталась не думать об Адаме весь день с тех самых пор, как скрещенные кости появились на моей двери, и стало ясно, что Марисилия еще не разделалась со мной. Я знала, несмотря на то, что Зи проверит и других, я знала, что это вампиры отметили мою мастерскую. И, как и сказал Тони, я чувствовала угрозу смерти. Я была смертной женщиной, это только вопрос времени. Все, что я могла сделать — позаботиться о том, чтобы не пострадали другие люди.

Адам был готов умереть за своего товарища. Он не позволит мне просто уйти. Кристи, его первая жена, не была ему надежным товарищем, иначе они были бы до сих женаты. Я попыталась представить как можно исправить все, что случилось прошлой ночью. Но было трудно поверить, что смерть стоит за спиной, когда я с ним, его темные волосы блестят богатыми отсветами осеннего солнца, освещение делает его глаза косыми и подчеркивает

небольшие морщинки смеха. Он взял мою руку привычным движением, у меня не было возможности избежать его без выяснения причин. Особенно когда избегать я не хотела. Он наклонил голову, будто пытался понять меня, и понял ли он о чем я думала? Его ладонь была широкой и теплой. Мозоли сделали его кожу не мягче моей собственной — шероховатой от работы.

Я отвернулась от него, но оставила руку в его, когда пошли по дорожке вниз к мастерской. Первые четыре шага было неудобно, но затем он приспособился к моей походке, и внезапно наши тела стали двигаться синхронно.

Я закрыла глаза, доверяя своей координации и Адаму, следившему за направлением. Если я заплачу, он спросит почему, и я не смогу солгать вервольфу. Я должна его отвлечь.

— У тебя новый одеколон, — сказала я ему, мой голос был охрипшим. — Мне нравится.

Он засмеялся, теплый рокочущий звук, который улегся в моем животе как кусок теплого яблочного пирога. — Скорее всего шампунь, — затем он снова засмеялся и потянул меня к себе, лишая равновесия, пока я не ударилась о него. Он отпустил мою руку и крепко обхватил дальнее плечо так, что его рука пересекла мою спину. — Нет, ты права. Я забыл. Джесси брызнула на меня чем-то, когда я уходил из дома вечером.

— У Джесси прекрасный вкус, — сказала я. — Ты пахнешь достаточно хорошо, чтобы тебя съесть.

Рука на моем плече напряглась. Я подумала о том, что сказала и почувствовала как щеки заливает румянец. Одна часть меня была смущена… другая часть — нет. Но не оговорка по Фрейду привлекла его внимание.

Адам остановился. И так как он держал меня, я остановилась тоже. Я взглянула на него, затем проследила его пристальный взгляд, направленный на мой магазин.

Упс. Ладно, я искала путь отвлечения его от вопроса чем я расстроена.

Но этот способ не был лучшим для достижения цели.

— Полагаю, Зи тебе не сказал?

— Кто это сделал? — в его голосе появилось рычание. — Вампиры?

Как ответить, чтобы не солгать — он ведь догадается — и не начать войну?

Если бы я знала, что Марсилия прознала об убийстве Андрэ мной, и бы никогда не сказала Адаму, что хочу с ним быть. Другой волк мог поднять, что война с вампирами меня не спасет, а только убьет много других людей. Война с вампирами здесь, в Три-Сити может как чума перекинуться на все остальные владения Маррока.

Но Адам не отступит. И Самуэль его поддержит. Я никогда не была великой любовью всей жизни Самуэля, как и он моей. Но это не значило, что он не любит меня, также как и я его любила И Самуэль может втянуть в войну своего отца — Марокка.

Без паники, веди себя естественно, сказала я себе. — Вампы добавили моей двери декораций, но большую часть — кузина с Тима с другом. Если хочешь, можешь посмотреть видео. Мать Габриэля с детьми придут в субботу, чтобы перекрасить все. Полиция уже занимается этим, Адам, — последнее я сказала, так как он был все еще напряжен. — Тони думает, что это по-роджественски. Возможно я оставлю это на несколько месяцев.

Он перевел гневный взгляд на меня.

— Она все еще верит в своего кузена. Она думает, что я все обставила так, чтобы избежать наказания за убийство. — Я добавила в свой голос симпатию к Кортни, зная что Адам это не одобрит. Неправильное и правильное для него было черным и белым. Его разозлит мое отношение к ситуации и отвлечет. Сфокусирует его ванимание на Кортни в

обход вампиров.

Адам не успокоился, но снова начал двигаться.

Обычно я принимала душ в мастерской после тренировки, но не хотела позволить Адаму качественно рассмотреть скрещенные кости на двери. Я хотела удержать его мысли подальше от вампиров, на других вещах, пока не узнаю какие еще у меня варианты. Потому мы запрыгнули в мой Ванагон (мой бедный кролик все еще в ремонте после ущерба, причиненного малым народом на прошлой неделе).

Можно сбежать. Если я отправлюсь на территорию других вампиров, возможно Марсилия отступится, особенно если эти вампиры не будут благосклонны к ней. Идея побега злила, но если бы я осталась, она бы убила меня — и Адам не смога бы принять это, и многие люди возможно погибли бы вместо меня.

Я могла попытаться сбежать от Марсилии.

Я на самом деле обдумывала это решение, что свидетельствовало о том, в каком я была отчаянии. Конечно, я же убила двух вампиров. Первого я убила со значительной помощью и полной шлюпкой удачи. Второго — пока он спал.

Я обдумывала сколько у меня шансов против Марсилии — примерно столько же, сколько у моей кошки Медеи против горного льва. Или меньше.

Пока размышляла, я болтала с Адамом всю дорогу до дома. Моего дома. Газ был дорогм, и он не возражал прогуляться немного до собственного дома пешком.

Если он захочет подождать пока я приму душ, я полагала, что могу пойти с ним. Я посмотрела на небо и решила, что время для принятия душа у меня есть без риска позволить Адаму поговорить со Стефаном первым.

Я должна была выяснить чем являются художества на моей двери — чтобы быть уверенной сработает ли побег.

Стефан мог знать, но в присутствии посторонних ни одного вопроса я задать не смогу. Я прокручивала в голове варианты как оказаться с ним наедине, когда случится подходящий момент.

— Мерси, — сказал Адам, прерывая мой монолог о Карман Гиа и сравнении воздушного охлаждения с водным в то время как я вела свою машину. Его голос звучал и весело, и устало. Этот тон я часто слышала.

— Хмм?

— Почему вампиры нарисовали пару скрещенных костей на твоей двери?

— Я не знаю, — ответила я максимально спокойным голосом. — Я даже не уверена, что это вампиры.

Камера не поймала отчетливо кто это был. Мы с Зи думали на вампиров из-за Стефана.

Хотя он собирается с помощью Дядюшки Майка удостовериться, что это не малый народ.

— Я не позволю Марсилии навредить тебе, — сказал он мне спокойным тоном, который использовал давая обещания.

Волки так делают, во всяком случае некоторые старые. Я не согласна была причислить Адама к ним.

Он был представителем 1950-х, внешне навсегда застрявшим где-то посередине между двадцатью и тридцатью годами. Когда я сказала о старых волках, я имела в виду значительно старше рожденных в 50-х, на пару сотен лет старше.

Это не тот современный мужчина, у которого нет понятия о чести, большинство из них

даже так не считают. Это дает им гибкость, которой не было в прошлых поколениях. Некоторых из старых достойных волков воспринимают клятвы очень и очень серьезно.

Я не была достаточно глупа, чтобы поверить, что Адам может пообещать мне защиту от Марсилии — и даже больше, чтобы верить, что он не убьет себя в попытке сдержать слово.

Я не смирилась со своей судьбой или что-то вроде этого, но если я и узнала одну вещь воспитываясь оборотнями, это то, что надо сохранять ясный взгляд на вероятные результаты и то, как смягчить ущерб. И если Марсилия хотела, чтобы я умерла… ну, это был бы просто наиболее вероятный исход. Действительно вероятный. Достаточно, чтобы я смогла почувствовать еще один глупый панический приступ. Мой первый на сегодня, если я не учитывать немного затрудненное дыхание один или два раза.

— Она не так глупа, чтобы напасть на меня, — сказала я, открывая дверь. — Особенно после того, как я официально стала твоей подругой. Это ставит меня под защиту твоей стаи. Она не сможет что-либо мне сделать, — это должно было быть правдой… но я не думала, что все так просто. — В беде только Стефан.

Он вышел из машины и подождал, пока я обходила переднюю части фургона, затем он спросил: «Не хочешь выйти со мной завтра… в какое-нибудь хорошее место? Ужин и немного танцев.

Я не ожидала что он это скажет, не когда он смотрел на меня такими холодными оценивающими глазами.

Мне потребовалось время, чтобы сменить объект внимания, моя предстоящая гибель от руки Марсилии была несколько захватывающей.

Он хотел пригласить меня на свидание.

Он дотронулся до моего лица — он любил это делать, и в последнее время все чаще и чаще позволял себе это. Тепло его пальцев я могла чувствовать всем телом вплоть до пальцев ног. Внезапно моя приближающаяся смерть перестала быть такой уж увлекательной.

— Хорошо. Это было бы неплохо. — Я положила руку на живот, чтобы успокоить бабочек, не зная была ли это идея пойти на свидание с Адамом или знание, что я собираюсь расстаться с ним, прежде чем я принесу смерть ему и его стае. Может быть, я должна буду уйти в бега сегодня вечером, будет ли ему больнее с тем, что я согласилась на свидание? Я должна найти причину, почему завтра не получится?

Внезапная мысль пришла ко мне. Если я сделаю ему достаточно больно, чтобы он меня выгнал… будет ли его заботить когда Марсилия меня убьет, отступится ли после этого? Новая знакомая одышка начала подниматься из желудка — паническая атака ужасающей силы.

— Мне нужно принять душ, — сказала я ему уверенным голосом. — А потом хотела бы поговорить со Стефаном.

— Без проблем, — согласился он, шагая передо мной. Он открыл дверь и придержал ее для меня. — Я подожду пока ты выйдешь — Самуэля нет дома.

Нет причин чувствовать себя как добыча Адама, говорила я себе жестко, пока проходила мимо него в собственный дом. Не причин чувствовать многозначительный взгляд на своей спине. Он не может прочесть мои мысли и узнать, что я собираюсь бежать. Но я не повернулась, когда сказала: — Чувствуй тебя как дома. Я сейчас вернусь. — Я закрыла дверь в ванную перед ним и прислонилась к ней.

Сначала я отчищала руки с помощью жесткой щетки и Fast Orange, чтобы отмыться от грязи, накопившейся за день. Отчистить их полностью никогда не получалось, но если

Адама волнует бегать по окрестностям с кем-то, у кого грязь въелась в кожу рук, он об этом не упоминал. Когда руки стали чистыми насколько это было возможно, я шагнула в душ.

Могла ли я отказаться встречаться с Адамом?

Я не так чувствительна к магии стаи как верфольфы. И они не много говорят о ней. Скрытное сообщество эти верфольфы. Я выяснила, что существует намного больше вещей, чем полагала сначала. Я знала, что разорвать отношения пары возможно, хотя никогда не слышала чтобы кто-то пытался.

Мое согласие было исключительно на словах, или оно уже начало влиять на волшебство стаи? Согласие, я знала, было необходимо для большого количества волшебства. Я неуязвима к некоторым видам магии. Возможно спаривание, оказалось бы одной из таких вещей. Я также знала, что волшебство стаи работало тонко по-иному на Альфу, нежели на остальную часть стаи. Адам связал себя со мной, объявляя меня его подругой перед его стаей — и даже это заявление повлияло на волшебство стаи, и на Адама. Я была вполне уверена, что нечто подобное не применимо к большинству волков, но и они должны были оба на это согласиться, хотя их спаривание было бы более частным вопросом.

Я нахмурилась. Существовала церемония. Я была почти уверена в этом. Что-то происходило, чтобы сделать пару супружеской, а потом был какой-то вид церемонии только для вервольфов. Может быть, Адам сделал это загодя? Может быть супружество с Альфой ничем не отличается от супружества с любым другим волком. Может быть, я собираюсь свести себя с ума. Мне нужна была реальная информация, и я понятия не имела кого спросить.

Это не мог быть кто-то из стаи Адама — это подорвало бы его авторитет. Кроме того, они бы просто пошли к нему рассказать, что я спрашивала. Самуэль также не казался хорошим выбором, не после того как мы только что договорились не попробовать быть парой. Или Бран, по той же причине. Я знала, что он послал Самуэля в Три-Сити в ошибочной попытке сватовства. Я не была уверена, что Самуэль сказал ему, что это не сработало. Я хотела, не в первый раз, чтобы мой приемный отец, Брайан, был все еще рядом. Но он покончил с собой много лет назад.

Я подставила лицо под горячие струи душа. Окей. Итак предположим, что создание пары вещь не постоянная.

Как заставить Адама меня ненавидеть?

Я, конечно, не спала с Самуэлем. И не вредила Джесси.

Вода попала в заживающие раны на подбородке, и я опустила голову. Казалось, оставить меня было логичным, но Адам был не такой человек, чтобы уйти, когда все стало не правильно. И даже если мне это удастся, не будет ли он по-прежнему волноваться, если Марсилия убьет меня? Возможно, если бы у меня было несколько месяцев или год, чтобы поработать над этим, я могла бы справиться.

Могла ли я сбежать? С моим банковским счетом я добегу только до Сиэтла.

Угрожающая паническая атака исчезла и облегчение заполнило меня. Впервые решение сдаться сделало меня счастливой.

Я могу стать мертвой женщиной, но я собиралсь сделать все возможное, чтобы сохранить отношения с Адамом до своего отъезда.

Хотя рука Адама вежливо держала мою, пока мы шли через мой участок к колючей проволоке, разделявшей наши владения, было какое-то собственническое чувство, заряжавшее воздух, как всегда в его обществе. Моя, говорило оно.

Если бы не Марсилия, несомненно, я бы возмутилась этим собственничество. Но как был там ни было, я не была счастлива от невозможности расслабиться в его обществе… не когда он рисковал из-за меня получить травму.

Возможно я должна была уехать, с деньгами или без.

Мой желудок скрутило узлом, я не смогла все удержать внутри, у меня продолжалась эта дурацкая паническая атака, и не под безопасные звуки воды за закрытой дверью ванной комнаты. А прямо здесь, где каждый мог увидеть. Рядом с бедным разбитым Кроликом, с номером Адама, нарисованным на крыше. Звони, чтобы хорошо провести время…

Он остановился. — Мерси? Что тебя так злит?

Он знал. Даже я могла почувствовать это: злость и страх и… у меня было все, и у меня не было ничего.

Это было слишком. Я закрыла глаза и почувствовала как тело беспомощно дрожит и горло сужается, отказываясь пропускать кислород…

Адам поймал меня, когда я упала, и потянул на себя, в тень старой машины. Он был таким теплым, а я — такой холодной. Он ткнулся носом в мою шею. Я не могла его видеть, недостаток воздуха заставил меня видеть черные точки лишающие зрения.

Я услышала рычание в груди Адама, его рот сомнулся на мне, и я сделала глубокий вдох через нос. Я снова могла дышать, вес, придавивший мой желудок, отпустил, и я осталась дрожащей, обливающейся кровью… нет, это сопли текли по моему лицу.

Смущенная всем этим, я рывком высбоводилась из захвата Адама — с унижением сознавая, что он, конечно, меня отпустит. Я вытерла лицо низом рубашки. И уселась в убежище, созданное Кроликом, моя щека прислонилась к прохладному металлу.

Слабая. Сломленная. Черт возьми это все. Черт возьми меня. Я чувствовала волну ужаса, которая опуститься еще ниже. Отчаяние и беспомощная злость… Все они мерты. Все мертвы, и это моя вина.

Но никто не умер. Еще нет.

Все мертвы. Все мои дети, моя любовь, и это была моя вина. Я подвергла их риску и потерпела неудачу. Они погибли из-за моего провала.

Я чувствовала эмоции Стефана.

Золотые глаза Адама встретились с моими, цвет доказывал, что волк преобладает. Он снова поцеловал меня, вжимая что-то между моих губ, проталкивая это между моими зубами с большим и указательным пальцами, не отрывая губы от моих.

Это был слишком маленький кусочек мяса с кровью, чтобы опалить мое горло, как он это сделал. Это что-то значило.

— Моя, — сказал он мне — ты не Стефана.

Сухая трава хрустела под моей головой, и скрип грязи эхом отдавался где-то позади глаз. Я разлепила губы и слизнула кровь. Крови Адама.

Кровь и плоть Альфы… стая.

— Отныне и впредь, — сказал Адам, его голос вытаскивал меня оттуда, где я была. — Моя для меня и моей. Стая и едиственная любовь, — на его лице тоже была кровь, и его руки трогали мое лицо.

— Твоя для тебя, мой для меня, — ответила я сухим, словно кваканье голосом, похожим на шум. Я не знаю, почему я ответила именно так, кроме старых «бритья и стрижки» была непроизвольные реакции. Я слышала эту церемонию так много раз, даже если бы он добавил часть про «единственного любовника».

К тому времени, как я вспомнила почему я не должна делать это и что это означало, было уже слишком поздно.

Магия проходила огнем через меня, следуя за кусочком плоти — и я кричала, так как она делала меня чем-то иным, нежели я была ранее, более ли менее иным. Стая.

Я чувствовала их всех через прикосновение Адама и через кровь Адама. Защиту через его власть. Они все были сейчас и моими тоже — я и их.

Все еще часто дыша, я разлепила губы и посмотрела на Адама. Он позволил мне отстраниться, поднялся на ноги и сделал два шага назад от места, где я лежала сбоку от старой машины. Он яростно укусил свое предплечье.

— Он не сможет тебя получить, — говорил он мне, его золотые глаза подсказывали, что говорит все еще волк. — Не теперь. Никогда. Я ничего ему не должен.

Запоздало, я поняла что произошло. Я вытерла запястьем рот, чтобы дать себе возможность подумать.

Запястье было розовым от крови Адама.

Стефан проснулся… и как-то вторгся в мой разум. Я чувствовала его панику.

Все мертвы… я чувствовала тошноту, чувствовала тошноту потому что знала кто имелся ввиду. Я встречалась с людьми, обычными людьми, кем кормился Стефан. И выучила как ужасно уязвимы они были если что-то случалось с вампиром, который кормился от них и защищал их.

Я посмотрела на садящееся солнце. — Слишком рано, чтобы вампиры проснулись, не так ли? — спросила я.

Время успокоиться для всех. Включая меня.

Мое чувство стаи уменьшилось, но оно больше никогда не уйдет. Не когда Адам сделал меня одной из стаи. Чаще это делается в присутствии всех, но на самом деле оно не требуется. Просто кусочек плоти и крови Альфы и обмен клятвами.

.

Я не думала что инициировать кого-то не являющегося вервольфом возможно. Я конечно не думала, что он может сделать меня одной из стаи. Иногда магия на мне работает странно, и по сравнению с другими, у меня к ней хороший иммунитет.

Но исходя из результата, который теперь чувствовала, на этот раз сработало как надо.

Адам повернулся ко мне спиной, его плечи сгорбились, его руки по бокам сжались в кулаки. Он не ответил на мой вопрос, но жестко произнес. — Я извиняюсь за это. Я запаниковал.

Я опуситила лоб на колени. — Сколько всего происходит вокруг в последнее время.

Я услышала хруст сухой травы, когда он повернулся ко мне. — Ты смеешься? — его голос звучал недоверчиво.

Я посмотрела на него вверх. На его силуэт в последних лучах солнца и непонятное выражение лица. Но я смогла рассмотреть стыд в постановке его плеч. Он сделал меня одной из стаи не спросив меня — и стаю тоже не спросив, хотя это не было строгой необходимостью, скорее традицией. Он ждал, когда я начну на него орать, и чувствовал что это заслужил.

Адам готов был платить за последствия собственного выбора — и иногда выбирать не было просто. Ради меня в последнее время ему приходилось это делать часто.

Стефан был в моей голове до сих пор, я пахла им. И Адам сделал меня стаей чтобы спасти.

Он был готов заплатить цену за это — я была уверена, что ему придется заплатить. Но не мне.

— Спасибо тебе, Адам, — сказала я. — Спасибо за то, что разорвал Тима на маленькие кусочки. Спасибо, что заставил меня выпить последний глоток сока из чаши малого народа, чтобы сохранить мне обе руки. Спасибо за то, что ты здесь, за то что вернул меня, — на этом месте я больше не могла смеяться. — Спасибо что спас меня от других овец Стефана — я буду частью стаи каждый день. Спасибо за жесткие вызовы, за то что дал мне время. — Я встала и подошла к нему, наклонившись к нему и уткнув лицо в его плечо. — Спасибо что любишь меня.

Его руки сомкнулись вокруг меня, сжимая тело до боли в костях. Иногда любовь причиняет боль.

Глава 4

Я бы хотела остаться здесь навечно, но после нескольких минут почувствовала как холодный пот выступил на лбу, и горло начало сдавливаться. Я отступила назад не доживаясь более сильных реакций на прикосновения, которые оставил мне Тим.

Только когда я больше не обнимала Адама, заметила, что нас окружила стая.

Ладно, четыре волка еще не стая. Но я не услышала как они подошли, и, поверьте, когда рядом пять вервольфом (включая Адама), вы чувствуете их окружение и превосходство.

Здесь был Бен, веселое выражение не вязалось с его тонкими чертами лица, которые намного чаще были злыми или горькими, чем радостными. Уоррен, третий Адама, выгдялел как кот в сметане. Ауриэль, подруга Дэррила, являла собой нетральность, но что-то в ее позе подсказывалось как сильно она потрясена.

Четвертым волком был Пол, которого я не очень хорошо знала — но то, что я знала, мне не нравилось.

Пол, лидер образовавшейся в стае Адама группировки «Я ненавижу Уоррена за то что тот гей», выглядел как забитый новичок. Я подумала, что готова выделить ему должность самой нелюбимой персоны в стае.

Позади меня Адам положил руки на мои плечи. — Дети мои, — официально обратился он. — Я представляю вам Мерседес Альтену Томпсон, самого нового члена стаи.

Последовала ужасная неловкость.

Если бы я не чувствовала его раньше, я бы подумала, что Стефан был без сознания или мертв или чтобы то ни было до захода солнца. Он изнеможденно лежал на кровати в клетке, как труп на носилках.

Я включила свет, чтобы лучше его видеть. Кормление заживило большую часть видимых повреждений, хотя на его щеках до сих пор оставались красные пятна. Он выглядел на пятьдесят фунтов легче, чем в последний раз, когда я его видела — слишком похож на жертву концлагеря для моего душевного спокойствия. Ему дали новую одежду, чтобы заменить его грязную, рваную и испачканную — общепринятая запасная одежда, валяющаяся в каждом волчье логове — тренировочный костюм. Тот, который был на нем, был серым и висел на его костях.

Адам провел нечто, что быстро превратилось в полное собрание стаи наверху в его жилой комнате.

Он видимо расслабился, когда я ушла, чтобы увидеть Стефана- мне показалось, что он волновался о том, что кто-нибудь может сказать то что заденет мои чувства. В этом он недооценил толщину моей шкуры. Люди, которые важны для меня могут задеть мои чувства, но почти совершенно незнакомые? Меня меньше заботило то, о чем они думали.

Волчьи стаи являются диктатурами, но когда вы имеете дело с кучей американцев воспитаных на «Билле о правах», вы должны действовать очень осторожно. О новых членах стаи, как правило, объявили как об ожидаемых, а не как о свершившимся факте. Привлекать поменьше внимания было бы особенно уместно, когда он делал что-то настолько возмутительное как введение в стаю кого-то не являющегося вервольфом.

Я никогда не слышала, чтобы кто-то сделал такое. Супруг не-вервольф не был частью стаи, не на самом деле. Они имели статус, как пара волка, но они не были стаей. Не смогли бы в попасть в стаю и с пятьюдесятью церемониями с плотью и кровью — магия просто не

позволил бы человеку войти. Видимо, моя «койотность» была достаточно близка к волку, чтобы магия стаи была готова впустить меня

Возможно, Адам должен был обсудить мое обращение с Марроком тоже.

Машины подтягивались к передней части дома, еще члены стаи. Я могла чувствовать их напряжение, их беспокойство и замешательство. Злость.

Я нервно потерла руки.

— Что не так? — в тишине спросил Стефан, нормальный голос успокоил бы меня больше, если бы он двигался или открыл глаза.

— Кроме Марсилии? — спросила я его.

Он посмотрел на меня, затем его губы слабо изогнулись. — Полагаю, этого достаточно. Но Марсилия не та причина, по которой дом полон волков.

Я села на пол подвала с толстым ковровым покрытием и положила голову на прутья клетки. Дверь была закрыта и заперта, ключ, который иногда висел на стене через коридор, исчез. Обычно он был у Адама. Хотя это не имело значения. Я была уверен, что Стефан может уйти в любое время по его выбору тем же путем как он появился в моей гостиной.

— Верно, — вздохнула я. — Я полагаю, что это и твоя вина тоже.

Он сел и подался вперед. — Что случилось?

— Когда ты проник внутрь моей головы, — сказала я. — Адам обиделся. — Я не сказала ему в точности что произошло. Благоразумие подсказывало, что Адам не будет счастлив, если я посвещу в дела стаи вампира. — То, что он сделал — думаю, можешь сам его спросить, — принесло на его голову всю стаю.

Он нахмурился явно озадаченный, затем его осенило. «Мне очень жаль, Мерси. Ты не должна была… Я не хотел». Он отвернулся. «Я не привык быть таким одиноким. И спал, и там была ты, единственная оставшаяся связанная со мной узами крови. Я думал, это мне тоже снится».

«Она действительно всех их убила?», прошептала я, вспомнив кое-что из того что услышала, когда он бы в моей голове. «Все твои…» Овцы небыло правильным словом, и я не хотела произносить его, даже если овцами вампиры называли живых людей от которых они питались. «Все твои люди?»

Я знала нескольких из них, и один или двое мне нравились. Хотя по некоторой причине лучше, чем лица встреченных мной живых людей, я помнила молодого вампира Дэнни, его раскачивающийся призрак в углу кухни Стефана. Стефан не сумел защитить и его тоже.

Стефан кинул на меня больной взгляд. «Дисциплинируя меня, сказала она. Но я думаю, что это было местью настолько, насколько и чем-то другим. И я могу питаться ими на расстоянии. Она хотела, чтобы я был голоден, когда я приземлюсь у твоих ног».

— Она хотела, чтобы ты меня убил.

Он резко кивнул. — Верно. И если бы у тебя дома не оказалось половины стаи Адама, я бы это сделал.

Я подумала о его упрямом выражение лица.

— Я думаю, она тебя недооценила — сказала я ему.

— Неужели? — он улыбнулся, совсем чуть-чуть, и покачал головой.

Я откинула голову на стену. «Я …» Еще сержусь на то, что ты не скрыл это. Он был убийцей невинных людей, и тут я разговариваю с ним, беспокоюсь о нем. Я не знала как закончить эту мысль и еще меньше предложение, поэтому я сказала что-то другое.

— Так Марсилия знает, что я убила Андре, и что ты и Вульф скрыли это?

Он покачал головой.

— Она что-то знает, она много со мной не говорила. Наказала только меня, и я не думаю, что она знает о Вульфи. И может быть я… — он посмотрел на меня из-под челки, которая выросла за последний день — как я слышала, причиной тому может быть кормление. — Мне показалось, что я был наказан из-за ассоциации. Я активно общался с тобой. Я был причиной, по которой она пришла к тебе за помощью и дала тебе разрешение убить питомца Андрэ. Я был причиной твоего успеха. Ты — моя вина.

— Она сумасшедшая.

Он покачал головой:

— Ты не знаешь ее. Она старается делать то, что наилучшее для ее людей.

Вампиры Трай — Сити жили здесь за долго до основания города. Марсилия была сюда выслана из-за запретных отношений с чужим фаворитом. Она была влиятельной персоной, поэтому переехала сюда со своей свитой. В основном, на сколько я знаю, со Стефаном, Андре — второй вампир которого я убила, и с действительно жутким Вульфом.

Вульфи, который выглядел как шестнадцатилетний мальчик, был ведьмаком или волшебником еще человеком, и иногда одевался как средневековый крестьянин. Я полагала, что он может притворяться, но я подозревала, что он старше Марсилии, которая была из эпохи Возрождения, судя по одежде.

Марсилия был послана сюда, чтобы умереть, но она этого не сделала. Вместо этого она проконтролировала, чтобы ее народ выжил. Когда цивилизация начала развиваться, жизнь в семье стала легче. Борьба за выживание в основном ушла в прошлое, Марсилия погрузилась в многолетний период апатии — я бы называла это «дуться». Она только-только начала проявлять интерес к происходящим относящимся к ней вещам и, как следствие, иерархия семьи была неспокойной. Стефан и Андре были верными последователями, но были и несколько других вампиров, которые не были так счастливы видеть Марсилию просыпающейся и берущей управление на себя. Я встречалась с ними: Эстель и Бернард, но я не знала о вампирах достаточно, чтобы выяснить, насколько большой угрозой они были.

Встретив Марсилию в первый раз, я в каком-то роде восхищалась ей… по крайней мере пока она не зачаровала Самуэля. Это испугало меня. Самуэль — второй самый доминирующий волк в Северной Америке, а она и ее вампиры захватили его… легко. Этот страх рос с каждой встречей.

— Не хочу спорить, Стефан, — сказала я. — Но она не в себе. Она хотела создать еще одного из тех… тех вещей, которые сделал Андре.

Его лицо стало непроницаемым.

— Ты не знаешь, о чем говоришь. Ты понятия не имеешь, что она потеряла, когда приехала сюда, или о том, что она сделала для нас.

— Может нет, но я встречала это существо, так же как и ты. Ничего хорошего не могло получиться из создания еще одного.

Демоническая одержимости не очень симпатичная вещь. Я сделала вдох и попыталась обуздать свой характер. Мне это не удалось.

— Но ты прав. Я не знаю, что двигает ею. Тебя я не знаю тоже.

Он просто смотрел на меня без всякого выражения.

— Ты играешь человека очень хорошо, разъезжаешь вокруг как Шэгги в своей «Таинственной машине» Скуби-Ду. Но человек, за которого я тебя принимала, никогда бы не смог убить жертв Андре таким образом.

— Вульф убил их. — он констатировал факт, не защищался. Это разозлило меня; он должен чувствовать потребность оправдаться.

— Ты согласился на это. Два человека, которые уже достаточно побыли жертвами, и вы оба свернули их шеи, как будто они были не более чем куры.

К этому времени он тоже разозлился.

— Я сделал это для тебя. Неужели ты не понимаешь? Она уничтожила бы тебя, если бы узнала. Они были ничем, меньше чем ничего. Бездомные, которые умерли бы сами по себе в любом случае. А она убила бы тебя! — он вскочил на ноги, когда закончил.

— Они были ничем? Как ты знаешь? Не то, что бы ты беседовал с ними. — я тоже встала.

— Они должны были бы умереть так или иначе. Они знали о нас.

— Здесь мы не придем к соглашению, — сказала я ему. — Как же ваша хваленая власть над человеческими умами?

— Это работает если контакт с нами очень короткий — одно кормление, не более того.

— Они были живыми, дышащими людьми, которые были убиты. Тобой.

— Как вы узнали, что Мерси была у Андрэ? — спокойный голос Уоррена ворвался между нами как ледяная вода, стоило ему спуститься по лестнице. Он прошел мимо меня и использовал ключ, чтобы открыть дверь клетки. — Я некоторое время задавался этим вопросом.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил Стефан.

— Я имею ввиду, что мы знали о ее поисках Андрэ потому что она сказала Бену, думая что он не сможет рассказать кому-либо, так как не изменялся из волка ни разу со времени смерти захваченного демоном. Бен изменился, а потому смог нам рассказать, но мы не могли последовать за ней, так как не знали где искать Андрэ. У тебя не было возможности узнать что она делает. Как ты узнал что она убила Андрэ, настолько своевременно, чтобы прикрыть преступление?

Стефан не сделал попытки выйти из клетки. Он скрестил руки на груди и прислонился плечом к прутьям вместо того, чтобы ответить Уоррену.

— Это был Вульфи, не так ли? — сказала я. — Он знал что я делаю, так как один из найденных мной домов был его.

— Вульфи, — сказал медленно Уоррен, после того как Стефан не ответил. — Относится ли он к числу людей, которых возмутило, что Марсилия вызывала бы демона, чтобы заражать вампира? Мог бы он хотеть остановить ее ценой устранения Андрэ? Прийти к тебе за помощью в этом?

Стефан закрыл глаза.

— Он пришел ко мне. Сказал, что Мерси в беде и нуждается в помощи. И только потом я задался вопросом зачем он сделал это.

— Значит теперь у тебя есть соображения, — сказал Уоррен. — Что ты решил?

— Это имеет значение?

— Всегда хорошо знать своих врагов, — ответил Уоррен, лениво по-техасски растягивая слова. — Кто твои?

Стефан посмотрел на него как на приманку для медведя, выразив все разочарование и жестокость. «Я не знаю». проскрипнл он. Уоррен спокойно улыбнулся, взгляд его бали пронзительнам. «О, я думаю, что ты знаешь. Ты не глуп и ты уже не ребенок. Ты знаешь, как это работает.»

— Вульфи использовал меня, чтобы добраться до тебя, — сказала я. — Затем сказал Марсилии что ты сделал.

Стефан просто посмотрел на меня.

«Ты и Андре сошли с дороги, остались Вулфи, Бернард, и Эстель. " Я потерла руки и подумала, если бы знали, что случилось со Стефаном от этого никакой пользы. Это не изменило бы положение вещей, и, знание, что он попал в ловушку Вулфи не поможет Стефану сейчас. Тем не менее, как сказал, Уоррен, всегда хорошо знать своих врагов. «Бернард и Эстель, Марсилиа уже не доверяет им, не так ли?

Стефан кивнул. «Они работают против нее, когда могут, и она это знает. Они создания другого вампира, данные в качестве подарка, от чего не так легко отказаться. Она должна заботиться о них, так как она желает таких подарков, но это не значит, она должна доверять им. Вульфи … Вульфи остается загадкой даже для самого себя, я думаю.

— Ты думаешь, что Вульфи придумал это, чтобы увеличить свою власть? — он отвернулся и не разговаривал с минуту, очевидно размышляя над тем, что я сказала.

Наконец, он обхватил руками прутья дверцы. — У Вульфи уже есть власть… если бы он хотел больше, ему достаточно было бы просто попросить. Но похоже, что участие в моем уничтожении по каким-то причинам ему удобно.

— Если Марсилия знает, что ты помогал Мерси в убийстве Андрэ, почему Мерси не мертва? — спросил Уоррен.

— Предполагалось, что будет мертва, — сказал Стефан жестоко. — Почему, как ты думаешь, Марсилия морила меня голодом, пока я не стал не более чем хищным зверем, а затем выбросила меня в гостиную Мерси? Ты же не думал, что я сам это сделал, не так ли?

Я кивнула. «Так она думала, что получит все без затрат или проблем? Если бы ты убил меня, она могла бы утверждать, что ты бы сбежал, когда она наказывала тебя. Жаль, что ты явился в мой дом и убил меня. Но она недооценена тебя. "

— Она не недооценила меня, — сказал Стефан. — Она меня знает. — Он подарил мне взгляд, который позволил понять, что мои предыдущие не знания о нем обижали. — Она просто не учла наличие у тебя дома Альфа вервольфов, который сорвет ее планы.

Я была там, я не думала, что он сделает это.

Стефан усмехнулся, посмотрев на мое лицо.

— Не трать время на романтическое представление обо мне. Я вампир, я бы убил тебя.

— Он симпатичный, когда злится, — сухо заметил Уоррен.

Стефан повернулся спиной к нам обоим.

— Она сама по себе, и она даже не знает, — сказал он с мягкой тоской.

Он говорил не обо мне.

Последние дни принесли ему много боли, и я подумала, что он заслужил отдых. Потому я повернулась к Уоррену и спросила:

— Ты почему не пошел наверх, на собрание?

Уоррен пожал плечам, глаза непроницаемы.

— Босс без меня лучше раскачает лодку.

— Пол ненавидит меня еще больше, чем тебя, — сказала я ему самодовольно.

Он запрокинул голову и рассмеялся — чего я и добивалась.

— Хочешь поспорить? Я выкинул его задницу отсюда в Сиэтл и обратно. Он не очень счастлив в моем обществе.

— Ты волк. Я койот, нечего сравнивать.

— Эй, — сказал Уоррен притворно-преступным тоном. — Ты не угрожаешь его мужественности.

— Я мараю стаю, — сказала я ему. — А ты всего лишь вносишь неправильность.

— Это потому что ты назвала его… Стефан?

Я обернулась, но вампир сбежал. Я упустила шанс спросить его о скрещенных костях на моей двери.

— Дерьмо, — воскликнул Уоррен. — Вот дерьмо.

— «Ты звонил Брану»- спросила я Адама следующим вечером, поправляя вниз короткую юбку моего любимого платья цвета морской волны, чтобы не чувствовать голым телом коженные сидения внедорожника Адама.

Он не сказал мне, куда мы пойдем на наше свидание, но Джесси позвонила мне, как только он вышел и описала во что он одет, поэтому я знала, что буду нуждаться в больших пушках.

Хотя у нас общий задний забор, расстояние на машине значительно дальше, и у меня было время, чтобы запрыгнуть в подходящее платье прежде, чем он остановился у моей двери.

Адам носит костюмы.

Он носит костюмы на работу, собрания стаии, и политические встречи. Поскольку его распорядок примерно как мой, это значит шесть дней в неделю.

И все же его сегодняшний костюм отличился от его рабочих костюмов. Его обычные костюмы говорили, о том что он здесь главный.

Сегодняшний костюм говорил, «Он сексуален. " И он был.

— Не нужно звонить Брану, — сказал он мне раздраженно, выезжая на шоссе. — Возможно половина стаи позвонила Брану как только они оказались дома. Он позвонит мне когда будет готов.

Вероятно, он был прав. Я не спросила, но его мрачное лицо, когда Уоррен и я появились из подвала вчера вечером — после того, как все уехали за исключением Сэмюэля — сказало само за себя.

Самуэль поцеловал меня в губы, чтобы позлить Адама, и взъерошил мои волосы.

— Ну что, Маленький Волк? Смотрю, ты все еще успешно обеспечиваешь неприятности.

Он был неправ. Это Стефан с Адамом мне обеспечили их. Я рассказала Самуэлю об этом, но уже после того как он проводил меня домой.

Адам позвонил мне всего один раз, чтобы убедиться, что я помню о его намерении сводить меня куда-нибудь. Я быстро позвонила Джесси с указанием дать мне знать как ее отец оденется. Я задолжала ей пять баксов, но это стоило того, чтобы увидеть улыбку Адама, когда я запрыгнула в его SUV.

Но мой рот скоро позаботился об этом. На его Эксплоере до сих пор внушительная вмятина на бампере после того как об него ударился один из отброшенных злой феей волков.

Моя ошибка. Я спросила его, во сколько ему обойдется ремонт и он зарычал на меня. Тогда я спросила насчет Брена

До сих пор наше свидание было просто элегантным.

Я снова начала теребить юбку.

— Мерси, — сказал Адам, его голос был еще более ворчливым чем обычно.

— Что? — огрызнулась я на него, это полностью его вина, раз он начал ворчать на меня

первым.

— Если ты не перестанешь теребить платье, я его разорву прямо на тебе, и ужинать мы не поедем.

Я посмотрела на него. Он глядел на дорогу, и обе руки держал на руле… но как только обратила внимание, я смогла заметить, что сделала с ним. Я. С остатками смазки под ногтями и швом на подбородке.

Возможно я не испортила свидание так чтобы совсем.

Я пригладила юбку, успешно предотвратив порыв поднять ее выше, только потому что я не была уверена что я смогу справиться с тем что может случится. Я думала, Адам шутил, но … я повернула свою голову к моему боковому окну и попытался сдержать усмешку на моем лице.

Он вез нас в ресторан, который только что открылся во время экономического подьема в городе, который формировался в Западном Паско.

Всего несколько лет назад это была бесплодная пустыня, но теперь здесь рестораны, театр, Lowe's и … огромущий (слово Джесси) Wal-Mart гигантского размера.

— «Я надеюсь, ты любишь Тайскую кухню.» — Он припарковался посреди пустоты заподной части автостоянки. Паранойя странно проявляется.

Она вызвала у меня приступы тревоги, и заставила его припарковаться в месте удобном для быстрого бегства. Общая паранойя — могла бы она когда-нибудь — счастливо — в конце покинуть нас?

Я вскочила из машины, со своего переднего сидения, и соответствующим решительным тоном сказала:

— Надеюсь у них есть гамбургеры.

Я захлопнула дверь перед его испуганным лицом. Замки щелкнули, и он зажал меня одной рукой с обеих сторон… усмехаясь.

— Тебе нравится тайская кухня, — сказал он. — Признай это.

Я сложила руки и проигнорировала невнятно говорящего идиота, который продолжал вопить, «он заманил меня, заманил меня в ловушку» в моей голове.

Помогло, что Адам был близко, на расстоянии в пол машины.

И Адам с усмешкой … ммм.

У него есть ямочка, всего одна. Это — все, что ему надо.

— «Джесси сказала тебе, не так ли? «- сказала я сварливо.

— «В следующий раз, когда я увижу ее, я собираюсь раскрыть ее как, разбалтывателя секретов, кем она и является. Вот увидишь, я смогу.»

Он засмеялся… уронил руки и отошел назад, доказывая, что заметил мою прежнюю паническую атаку. Я взяла его руку чтобы доказать, что не боюсь, и потянула его вокруг Эсплорера к ресторану.

Еда была великолепна. Как я и сказала Адаму, гамбургеры там были. Никто из нас их не заказал, хотя, без сомнения, и они были хороши. Хотя я могла бы есть водоросли и пыль, но все равно наслаждаться ими.

Мы говорили о машинах — что я считала его Эксплорер кучей металлолома, а он думал, что в своих предпочтениях в машинах я застряла в семидесятых. Я поправила, что мой Кролик — уважаемая модель восьмидесятых, как и мой Ванагон — и шансы на то, что его SUV через тридцать лет не сойдет со сцены, нулевые. Особенно если волки продолжат бросаться на него.

Мы говорили о фильмах и книгах. Он любил биографии, любые. Единственная биография, которая мне нравилась — «Carry On, Mr. Bowditch», которую я читала в седьмом классе. Он не читал выдумки.

Мы поспорили о Йетсе. Не о его поэщии, а о его одержимости окультизмом. Адам думал, что это смешно… Мне казалось забавным, что вервольф так считает, и я дразнила его пока он не поймал меня на этом.

— Мерси, — сказал он, и у него зазвонил телефон.

Я сделала глоток воды и приготовилась подслушивать его разговор. Но, как оказалось, тот был очень коротким.

— Хауптман, — коротко ответил он.

— Лучше бы тебе оказаться здесь, волк, — сказал незнакомый голос и повесил трубку.

Он опустил взгляд на номер и нахмурился. Я поднялась и обошла стол, так чтобы взглянуть через его плечо.

— Это кто-то от дядюшки Майка, — сказала я, запоминая номер.

Адам бросил немного денег на стол, и мы зашагали сквозь двери.

С мрачным лицом, он протискивал свой внедорожник сквозь трафик со скоростью явно больше, чем разрешена.

Мы только что вошли в автомагистраль между штатами, когда что-то произошло …. Я почувствовала вспышку гнева и ужаса, и кто-то умер. Один из стаи.

Я положила руку на ногу Адаму, впиваясь ногтями силой, переполняющими стаю, помутненного горя и ярости.

Он нажал на педаль и проскользнул сквозь вечерний трафик как угорь.

Ни один из нас не сказал ни слова в течение этих пяти минут, пока он доставлял нас к Дядюшке Майку.

Автостоянка была полна больших внедорожников и грузовиков, излюбленного феями типа машин. Адам не беспокоился о парковке, просто двигался до тех пор, пока не оказался у двери и остановился. Он не ждал меня — но и не надо было. Я была справа позади него, когда он протиснулся мимо вышибалы, который охранял дверь.

Охранник даже не протестовал.

В трактире Дядюшки Майка пахло пивом, горячими крылышками и попкорном, что могло бы быть запахом любого другого бара в Три-Сити, если исключить то, что здесь витал еще и запах малого народа. Не знаю каким образом они это делают, но для меня маленький народ обычно пахнет как четыре элемента, предложенные античными философами: земля, воздух, огонь и вода, со здоровой порцией магии.

Ни один из этих запахов меня не беспокоил… только кровь.

Командный голос дяди Майка продвигал людей назад и сжимал толпу, пока Адам и я не были заблокированы в толпе. Именно тогда Адам потерялся и начал распихивать людей вокруг.

Не очень безопасно делать это у Дядюшки Майка. Большинство встреченных мной представителей малого народа не ровня вервольфу… но есть огры и другие существа, которые выглядят как все, пока их не вывели из себя.

Тем не менее, этого не случилось но Адам начал изменяться, разрывая свой угольный костюм, и тогда поняла, что случилось нечто большее, нежели потеря самообладания.

— Адам! — это было бессмысленно, мой голос утонул в шуме толпы. Я положила руку ему на спину чтобы не потерять его, и почувствовала ее.

Магию.

Я отдернула руку. Не люблю магию малого народа. Я огляделась по сторонам, пытаясь найти того, кто хотя бы чуточку сверх меры заинтересован Адамом, но не смогла выделить никого из толпы.

Однако, я увидела маленькую брезентовую сумку свисающую со стропил прямо позади нас. Примерно в том месте, где Адам начал применять физическую силу, чтобы пробираться через толпу. Потолок у Дядюшки Майка около четырнадцати футов в высоту. Я не собиралась доставать ее без лестницы и не имела возможности в ближайшее время лестницу достать.

Стройный, почти женственный мужчина проходил под сумкой, на которую я смотрела. Он резко остановился, затем запрокинул голову назад и заревел. Звук был таким громким, что заглушил все остальные шумы в здании, сотрясая стропилы. Его гламор, иллюзия заставляющая его выглядеть человеком, развеялась, и я клянусь, что почти увидела кучу разлетающейся вокруг него сверкающей пыли.

Он был огромен, неземная масса серого и голубого, все еще сохраняющая смутные очертания человеческого облика. Но его лицо выглядело так, словно растворялось, оставляя только непонятные шишки в месте, где должен был быть нос. Его рот был прекрасно различим — трудно пропустить все эти большие зубы. Серебристые глаза, слишком маленькие для огромного лица, смотрели из-под блестящих голубых бровей. Он встряхнулся, и сверкающая пыль разлетелась снова, тая от прикосновения к теплым поверхностям. Он разбрасывал снег.

В тишине, которая последовала, тонкий слабый голос произнес:

— Долбаный снежный эльф.

Я не могла разглядеть говорившего, но звучало так, словно он находился прямо по-соседству с недавно появившимся монстром.

Он снова заревел и потянулся вниз, подняв женщину за волосы. Она выглядела больше сердитой, нежели испуганной, откуда-то вытащила оружие и отрезала свои собственные волосы, после чего упала вниз и снова скрылась из поля моего зрения.

Штука — я никогда не слышала о снежном эльфе — потрясла волосами, которые держала, и отбросила их за спину.

Я оглянулась на Адама, но за короткое время с момента как я видела его в последний раз, он исчез, оставив после себя только дорожку окровавленных тел, большинство которых еще стояли и злились. Я снова взглянула на снежного эльфа и сумку над его головой.

Никто не смотрел на меня, не с взбешенным вервольфом и отвратительным снежным человеком в одной комнате. Я сняла платье и бюстгальтер, освободилась от туфель и белья так быстро, как смогла. Я не верфольф, моя форма койота приходит между одним вдохом и следующим, и приносит возбуждение, а не боль. Снежный эльф все еще стоял прямо под сумкой, и я прыгнула, приземляясь на чьи-то плечи, и посмотрела на него.

Толпа была такой же плотной, как на концерте Металлики, и я прокладывала дорогу по головам и плечам прямо к снежному эльфу, который был как минимум десять футов в высоту и возвышался на целого человека над остальными людьми.

Он заметил мое приближение и попытался схватить, но я быстрая, и он промахнулся. Вообще-то, возможно он промахнулся потому что не думал, что я собираюсь прыгнуть ему на плечи и броситься на маленькую сумку, а не благодаря скорости и ловкости с моей стороны. Эта чертова гора из малого народа тоже была быстра.

Волшебство гудело сердито во мне, когда я схватила сумку в челюсти. Я повисла на мгновение перед тем как лямка порвалась. Я падала и ждала гигантских рук снежного эльфа, готовых сокрушить меня, но Дядя Майк схватил меня из воздуха и бросил меня к двери.

Как только я схватила сумку, я уже знала, что была права о заклинании, которое негативно влияет на волков. Я не знала откуда Дядюшка Майк тоже знал это, но он проворчал:

— Убери отсюда эту штуку, — после чего растворился в толпе.

Как в поэме доктора Сьюза, я карабкалась под, вокруг, и через прежде, чем я выбралась сквозь двери.

Я чувствовала бы себя лучше, если бы не знала, что кто-то, которого я знаю — потому что я знаю большую часть стаи Адама, по крайней мере в лицо — был мертв. Я чувствовала бы себя еще лучше, если бы я знала, что Адам в порядке.

Я согласна просто не иметь высокой горы в ярости… снежного эльфа следовавшего за мной на максимальной скорости.

Я никогда не встречала кого-либо, кто назвал бы себя эльфом, таким образом, я предположила, что моя точка зрения была искажена версией Питера Джексона о сказочном фольклоре Толкиена. Существо преследовавшее меня, как грузовой поезд, совершенно не вписывалось в мое представление о мире

Позже, если я выживу, то смогу немного развлечься от выражения лица вышибалы, который внезапно понял что надвигалось на него — непосредственно перед тем, как он сломался и побежал. Я прошла мимо него, когда мы подскочили коротким шагом к тротуару за дверью. Он пробежал со мной несколько шагов прежде, чем выяснил, кто нас преследовал и взял резко право.

Дверной проем замедлил монстра. Он поразил его плечом, забирая с собой целую стену лестничной площадки, когда покинул здание. Он бросил кусок стены на меня, но я прыгнула через полуоткрытый дверной проем во второй раз, непосредственно перед тем, как он ударился о землю. Я пересекла улицу на максимальной скорости и только чудом избежала удара по полу на пути к промышленному району, мимо дядюшки Майка. В безопасности на противоположной стороне, я оглянулась, затем остановилась.

Человек, которым был снежный эльф, стоял на коленях на краю автостоянки, качая головой, словно был немного ошеломлен. Он посмотрел на меня. Серебристые глаза были такими же.

— Ты в порядке? — спросил он. — Мне жаль, мне очень жаль. Я ничего подобного не чувствовал с тех пор как… с момент моей последней битвы. Я не причинил тебе вред, не так ли? — его взгляд остановился на кусках стен и дверей, которые остались после моего катапультирования.

Эффективность маленькой сумки, очевидно, ограничивалась расстоянием.

Я бросила сумку на землю, встряхнулась и пролаяла, давая ему понять, что «все хорошо». Я не была уверена, что он понял сообщение, но он не пытался перейти дорогу за мной. Я изменилась бы назад, но моя одежда — мое любимое платье, пара дорогих (пусть даже на половину изношенных) итальянских сандалий и мое нижнее белье — были все еще где-то в баре. Мне не присуща излишняя скромность, но снежный эльф, и я не знали друг друга достаточно хорошо для меня, чтобы возникло желание оставаться обнаженной перед ним.

Он ошеломленно пытался исправить тот беспорядок, что натворил, когда люди начали

разъезжаться. Один из сотрудников Дядюшки Майка, которого было легко отличить от клиентов благодаря зеленому дублету, стоял на краю парковки и махал на меня руками, делая подталкивающие движения. Я подумала, что это вышибала, который был у двери, но я должна была бы увидеть его лицо застывшим в ужасе снова, чтобы быть в этом уверенной.

Я взяла сумку, отступив от дороги на дюжину ярдов, пока мой зад не ударился об одну из сторон старого склада в пятидесяти ярдах от дороги.

Стоянка дядюшки Майка постепенно опустела, сотрудники дядюшки Майка регулировали дорожное движение и помогали снежному эльфу в его усилиях по очистке. Автомобиль Адама стоял в одиноком великолепии.

А так же Джип Мэри Джо. Тот, которому бы я сделала бесплатную настройку, когда бы наступила ее смена сторожить-слабого-койота.

Мне нравится Мэри Джо. Она пожарный, пять футов три с половиной дюйма твердых мышц и не менее твердых нервов.

Один из стаи был мертв. Внезапно в тишине ночи, я почувствовала волну траура, распространяемую стаей, как и другие признала отсутствие одного из своих. Они знали, кто это был, но я не была достаточно хорошо знакома с магией стаи, чтобы быть уверенной. У меня был только автомобиль Мэри Джо. На стоянке для клиентов осталось только шесть машин, когда дядюшка Майк вышел из дыры, которая раньше была дверью. Он хлопнул по плечу снежного эльфа и потрепал его прежде, чем прыгнуть на цементный бордюр парковки и перейти через улицу ко мне. В руках у него было мое платье.

Я изменилась, схватила платье и натянула его. Без бюстгальтера, без нижнего белья, но как минимум я не была голой. Я бросила сумку Дядюшку Майку.

— Что случилось?

Он нагнулся и поднял сумку. Его лицо напряглось, и он издал низкий, раздраженный звук … больше похожий на льва или большую кошку иного вида, чем что-нибудь, что я когда-либо слышала от него раньше.

— Паутина, — сказал он, — придется выбросить в реку этот отвратительный кусок волшебства, не так ли?

Что-то маленькое и яркое, размером с светлячка (которых нет ни одного в Тройном городе) завис над сумкой на мгновение, после чего и он, и сумка, исчезли.

— Это действует на тебя тоже? — спросила я.

Я не знаю к какому виду малого народа относится Дядюшка Майк. Достаточно сильному, чтобы контролировать толпу пьяных представителей малого народа семь ночей в неделю.

— Нет, — сказал он. — Просто его оставили на моей территории, и я не почувствовал этого.

Он отряхнул руки, и его лицо восстановило свое обычное веселое выражение, но я видела, что под фасадом несколько раз, поэтому его маска приветливого трактирщика не успокаивала меня, как могла бы. Что Вам нужно помнить с феями, так это то, что нельзя верить тому, что вы видите.

— Умный койот, — сказал он мне. — Я даже не проверил, чтобы заметить, была ли причина для их рычания, просто предположил, что у них противный характер, они же оборотни — и пробрался к ним слишком поздно, для того, чтобы остановить.

— Что случилось? — Я спросила снова, но когда он немедленно не ответил, я нетерпеливо смахнула его руку и побежала босая обратно через улицу, через автостоянку, и в

бар.

Внутри, с недостающим куском стены позади меня, он не выглядел так плохо: большая, пустая таверна, в которой пара футбольных команд напилась и праздновала всю ночь. Команды с действительно крупными игроками, подумалось мне, глядя на бревно, до которого снежный эльф доставал своей слоновьей головой, наверное.

Адам, снова полностью в человеческом облике, сидел спиной к ступеням сцены на дальней стороне комнаты, скрестив руки на груди. Кто-то нашел ему пару обносков. Не то, что бы он был зол … просто замкнут.

Рядом с ним были два его волка, Пол и один из близких друзей Пола. Пол выглядел больным, а другой мужчина, чье имя от меня ускользнуло, свернулся поблизости и его тело было очень неподвижным.

Я не могла видеть, кто это был, но я знала. Автомобиль Мэри Джо на стоянке рассказал мне. Там было все в их крови. Она покрывала руки Адама, и рубашку Пола. Второй мужчина был пропитан ей.

Волки не были единственными кто истекал кровью. В противоположном конце здания, казалось, происходила своего рода медицинская сортировка. Я узнала женщину, которая отстригла себе волосы, чтобы освободиться, но она, казалось, была одной из тех кто оказывал помощь, а не жертвой.

Адам поднял голову и увидел меня, его лицо было очень мрачным.

Там на полу было стекло, и мои ноги были обнажены — но потребовалось бы нечто большее, чтобы удержать меня от них.

Друг Пола рыдал. — Я не хотел. Я не хотел. Мне очень жаль. — Он раскачивал тело, которое держал, тело Мэри Джо, когда извинялся снова и снова.

Я не могла быть рядом с Адамом, не пробравшись между Полом и его другом. Я остановилась пока еще вне досягаемости. Все же, казалось, не очень хорошей идеей, дать Полу легкую цель.

Дядюшка Майк следовал за мной, но сначала он отошел в другое скопление существ в той же пустой комнате, и когда он подошел к нам, тащил за собой обстриженную женщину. Как я, он остановился прежде, чем нарушить их пространство.

— Мои извинения, Альфа, — сказал он. — Мои гости имеют право на вечер в безопасности, а кто-то нарушил гостеприимство околдовав твоих волков. Ты позволишь нам возместить ущерб, если мы сможем? — Он махнул в сторону Мэри Джо. Лицо Адама изменилось от мрачного до полного решимости примерно за половину вдоха. Он встал и взял Мэри Джо у волка, который держал ее. — Пол, — сказал он, когда мужчина не отпустил.

Пол поднял голову и взял своего друга за руки, притягивая их. Человек … Стэн, я думаю, хотя это, возможно, был Шон, дернулся раз, а затем рухнул на Пола.

В то же время, женщина выразила протест в быстром потоке русского языка. Я не могла понять слов, но я явно прочла отказ в ее лице и языке тела.

— Кому они намерены рассказать? — отрезал Дядюшка Майк. — Они оборотни. Если они обратятся к прессе и раскроют, что Другие могут исцелять смертельные раны, в ответ мы можем пойти к прессе и рассказать заинтересованным людям, как много ужасов оборотни тщательно скрыли от них.

Она повернулась, посмотрев на волков, с рычанием на лице, поле чего ее взгляд остановился на мне. Ее зрачки расширялись, пока все глаза не стали черными.

— Ты, — сказала она. Затем рассмеялась, кудахтающим звуком, от которого по шее поползли мурашки.

— Конечно, это была ты.

По некоторым причинам мой вид, казалось, остановил ее протесты. Она подошла к Мэри Джо, которая изогнувшись свисала с рук Адама. Как снежный эльф до неё, фея сбросила гламор, но у нее он капал с головы и вниз, к ее ногам, где собирался в лужу на мгновение, как будто он был сделан из жидкости вместо магии.

Она была высокой, более высокой, чем Адам, более высокой, чем Дядюшка Майк, но ее руки были тонкими тростинками, и пальцы, которые тронули Мэри Джо, были странными. Мне потребовался момент, чтобы увидеть, что у каждого был дополнительный сустав и маленькая подушка на нижней стороне, как у геккона.

Ее лицо … было уродливо. Поскольку гламор исчез, ее глаза сжались, нос вырос и навис над ее ртом с узкими губами, как скрюченная ветвь старого дуба.

У ее тела, когда сошел гламор, собрался мягкий фиолетовый свет и потек вверх от ног к плечам, затем вниз от рук к ее ладоням. Ее мягкие пальцы повернули голову Мэри Джо и коснулись ее под подбородком, где кем-то (вероятно, раскаявшимся другом Пола) было вырвано горло.

Свет никогда не прикасался ко мне … но я почувствовала его так или иначе. Как первые лучи солнца или брызги соленого моря на моем лице, моя кожа восхитилась этому ощущению. Я услышала, как Адам резко потянул носом воздух, но не отвел взгляд от Мэри Джо. После нескольких минут майка Мэри Джо начала пылать белым в бледно-фиолетовом свете волшебства Другой. Кровь, которая заставляла её выглядеть темной в приглушенном освещении бара, исчезла.

Другая резко убрала руки. — Сделано, — сказала она Адаму. — Я излечила ее тело, но необходимо восстановить ее пульс и дыхание. Она вернется, только если еще не ушла окончательно — Я не бог, чтобы давать жизнь и смерть.

— СЛР, — лаконично перевел Дядюшка Майк.

Адам опустился на колени, уложил Мэри Джо на земле, откинув голову назад, и начал.

— А как насчет повреждения головного мозга? — спросила я.

Другая повернулась ко мне. «Я исцелила ее тело. Если они вдохновят ее сердце и легкие в ближайшее время, для нее не будет никакого ущерба.»

Друг Пола сидел сбоку от Адама, но Пол встал и открыл рот.

— Нет, — сказала я настойчиво

Его глаза вспыхнули, когда он услышал приказ от меня. Я должна была просто позволить Полу сделать это, но «волей-неволей» теперь я была частью стаи, что означало бережно хранить её.

— Ты не можешь поблагодарить других, — сказала я ему. — Если не хочешь жить всю оставшуюся долгую жизнь в их рабстве.

— Испортила все удовольствие, — произнесла Другая.

— Мэри Джо драгоценна для нашей стаи, — Сказала я ей, склонив голову. — Ее утрата оставила бы рану на многие месяцы вперед. Ваше исцеление — редкий и изумительный дар.»

Мэри Джо ахнула, и Пол забыл, что был сердит на меня. Он не испытывал ничего особенного к ней или она к нему. Она была мила, но с очень хорошим волком по имени Генри, и Пол был женат на человеке, которого я никогда не встречала. Но Мэри Джо была

одной из стаи.

Я бы тоже повернулась к ней, но Другая удерживала мой взгляд. Ее тонкие губы изогнулись в холодную улыбку.

— Это она, не так ли?

— Да, — осторожно согласился дядюшка Майк. Он был другом, обычно. Его предостережение сказало мне две вещи. Эта Другая могла бы причинить мне боль, и Дядюшка Майк, даже в центре его власти, его таверны, не думаю, что смог бы остановить ее.

Она осмотрела меня сверху донизу с видом опытного повара на субботнем Рынке, исследующего томаты на наличие пятен. — Я думаю, что не найдется другого такого настолько опрометчивого койота, способного забраться на снежного эльфа.

Ты ничего не должен мне за это, Зеленый Человек.»

Я слышала и раньше, как дядюшку Майка называли Зеленым Человеком. Но все еще не была уверена точно, что это значит.

И когда Другая коснулась меня своими длинными пальцами, я перестала волноваться обо всем, кроме своей пушистой шкуры.

— Я сделала это из-за тебя, койот. Ты знаешь, как много хаоса причинила? Морриган говорит, что это твой дар. Опрометчивый, быстрый, и удачный, как и сам койот. Но что старый Обманщик умирает в своих приключениях — а ты не сможешь поставить себя на место вместе с рассветом.

Я ничего не сказала. Решив, что она была просто Другой из Тройного города, жителем (главным образом) Волшебной страны, Другой из резервации за Уолла-Уолла, построенной или чтобы охранять нас от Других или Других от остальной части жителей города. Ее исцеление Мэри Джо не дало мне никакого ключа — исцеление не зависит от силы или слабости магии среди Других.

Предостережение дяди Майка сказало мне, что она была могущественной.

— Мы поговорим позже, Зеленый Человек. — Она снова посмотрела на меня. — Кто ты, маленький койот, вызывающий у Великих такой ужас? Ты нарушила наши законы, и все же, твой вызов нашим правителям принес нам значительную пользу. Зибольд Адельбертсмайтер невиновен, все неприятности были вызваны человеком. Ты должна быть наказана — и вознаграждена.

Она рассмеялась, словно я сделала что то забавное. — Считай себя вознагражденной.

Свет, который продолжал кружить вокруг ее ног, тревожно перемешивался и темнел, пока не стал напоминать темный каменный круг приблизительно три фута в окружности и шести дюймов толщиной. Затвердев под ее ногами, он поднял ее на пол фута в воздух, как ковер Аладдина. Стороны изогнулись вверх и сформировали блюдо — старые истории возникли в памяти и навели на мысль. Не блюдо, а ступа. Гигантская ступа.

И она ушла. Не так, как Стефан мог уйти, но настолько быстро, что мои глаза не смогли уследить за ней. Я уже видела однажды как Другая прошла сквозь твердую материю, так что меня не удивило, когда она сделала это. И это было хорошо, одного ужасающего откровения для меня на сегодня было достаточно.

Первое правило о Других состоит в том, что не стоит привлекать их внимание — но оно не говорит Вам, что делать, когда это уже произошло.

— Я думала, что Баба-Яга была ведьмой, — сказал я глухо дядюшке Майку. Кто еще будет летать в гигантской ступе?

— Ведьмы не бессмертны, — сказал он мне. — Конечно, она не ведьма.

Баба-Яга фигурирует в историях дюжины стран, разбросанных вокруг Восточной Европы. Она не герой в большинстве из них. Она ест детей.

Я посмотрела на Адама, но он по-прежнему был сосредоточен на Мэри Джо. Она дрожала, как человек на грани гипотермии, но, казалось, была все еще жива.

— А как насчет той сумки, — спросил я. — Что, если кто-то выловит ее из реки?»

— Через несколько минут проточная вода удалит любые магические заклинания наложенные на ткань, — сказал мне Дядюшка Майк.

— Это была ловушка для волков, — сказала я ему. Я знала это, поскольку почувствовала запах вампира. — Ни на кого другого, кроме *мобильной горы* это не повлияло … Почему именно он и ни кто другой? И что такое Снежный эльф? Я никогда не слышала о них. Насколько я знаю, «Эльф» это один из тех общих терминов придуманных в мире, как способ обращаться к Другим.

— Правительство, — сказал дядюшка Майк, запнувшись на миг, обдумывая то, что хотел мне сказать (проще получить каплю воды из камня, чем толику информации от других), — требует от нас, чтобы мы зарегистрировались и сказали им, к какому виду Других мы относимся. Поэтому, мы выбрали то, как обращается к нам. Для некоторых это старое название или имя, для других … мы делаем это, так же, как люди давали нам имена на протяжении веков. Мой любимый печально известной «Джек-Ловкач». Я не знаю, что это, но у нас есть по крайней мере дюжина таких в резервации.

Я не могла не усмехнуться. Наше правительство не знало, что у тигра есть хвост — а тигр и не собирался рассказывать никому об этом в ближайшее время. — Таким образом поступил и снежный эльф?

— Ты собираешься обсудить с ним? Почему сумка нацеленная на волков подействовала и на него?

— У меня есть другая истинная форма, — сказал мягкий голос с норвежским акцентом позади меня. Было не очень много людей, способных подкрасться ко мне, мои чувства койота всегда подсказывали, что происходит вокруг, но я уверена, что не слышала как он подошел.

Это был снежный эльф, независимо от того как он выглядел, конечно. Он был на пару дюймов ниже меня, рост, который он, возможно, подобрал так же легко, как мог Зи избавиться от лысины. Я предположила, что чья истинная форма, по крайней мере одна из них, была десять футов высотой, не возражал быть и пониже.

Он посмотрел на меня и поклонился, одним из тех, резких и жестких движений головы и шеи, которые напоминают боевые искусства. — Я рад, что ты быстра, — сказал он.

Я пожала протянутую мне руку, которая была сухой и прохладной. — Я тоже рада тому, что я быстрая, — сказала я ему честно и искренне.

Он посмотрел на Дядюшку Майка. — Ты знаешь, кто это сделал? И на кого было нацелено — на оборотней или на меня?»

Адам слушал разговор. Я не была уверена в том, как узнала, поскольку было похоже на то, что он полностью поглощен своими избитыми волками. Но было что-то в напряженности его плеч.

Дядюшка Майк покачал головой. — Я был слишком заинтересован в том, чтобы убрать ее подальше от вас. Волки в ярости — достаточно плохо, но разъяренный снежный эльф в самом центре Паско, это то, что я не хотел бы увидеть ни при каких обстоятельствах.

Я знала. От сумки пахло вампиром.

Снежный эльф опустился на колени рядом Мэри Джо и тронул ее за плечо. Адам осторожно потянул ее в сторону, положив на колени к Полу, и встал между ней и снежным эльфом.

— Моя, — сказал он.

Эльф поднял руки и мягко улыбнулся, но его слова были колкими. — Никакого вреда, Альфа. Я не хотел неприятностей. Мои дни бродяжничества в горах, с волчьей стаей в моем полном распоряжении, давно прошли».

Адам кивнул, не сводя глаз с врага. — Это возможно. Но она — одна из моих. И я не один из вас.

— Достаточно, — сказал Дядюшка Майк. — Одного хорошего боя за ночь вполне достаточно. Иди домой, Имир.

Эльф, стоя на коленях, взглянул на Дядюшку Майка, и кожа вокруг его глаз стала жесткой на мгновение, прежде чем он улыбнулся. Я заметила, что его зубы были очень белыми, пусть и немного неровными. Он встал, используя только мышцы бедер, как мастер единоборств. — Это была долгая ночь. — Он сделал медленный поворот, который захватил не только Дядюшку Майка, волков, и меня, но и всех остальных в комнате — когда я просто поняла, все наблюдали за нами … или возможно они наблюдали за снежным эльфом. — Конечно, пора идти. Мы еще увидимся.

Никто ничего не сказал, пока он не вышел из здания.

«Хорошо», сказал дядюшка Майк, в словах которого, слышалось больше ирландских ноток, чем обычно. «Такая ночь».

Мэри Джо двигалась, но все еще ошеломленно, когда мы вывели ее наружу. Адам поручил Полу и его другу (чье имя, как оказалось, было Алек, а не Шон или Стэн) отвезти ее в дом Адама. Пол расположил Мэри Джо на заднем сидении ее автомобиля с Алеком, и начал входить.

Он посмотрел на мои ноги. — Ты не должна быть здесь босиком, — сказал он потупившись. После чего закрыл автомобильную дверь, повернул ключ, включил огни и уехал.

— Он имел в виду спасибо, — сказал Адам. — Я тоже благодарен тебе. Я могу думать о большом количестве вещей, которые я сделал бы, нежели попытался бы защитить Пола от Бабы-яги.

— Я должна была отдать его ей, — сказала я Адаму. — Это сделало бы вашу жизнь проще.

Он усмехнулся и вытянул шею. — Возможно, это была очень, очень плохая ночь.

Я посмотрела через плечо на его внедорожник. — Пожалуйста объясни, что было бы в таком случае маленькой неудачей? В твою страховку не входят случаи нападения снежных эльфов, не так ли?»

Он посмотрел все в порядке на первый взгляд, я подумала, что это просто спустило колесо. Но теперь могла видеть правое заднее колесо было загнуто вверх под углом в сорок пять градусов.

Адам вытащил свой мобильный телефон. — Это даже не входит в список неприятностей сегодня вечером, — сказал он мне. Он положил свободную руку мне на плечо, и притянул меня к себе, в тот момент когда его дочь подошла к телефону. На нем не было рубашки.

— Эй, Джесси, — сказал он. — Это была дикая ночь, и нам нужно, чтобы ты приехала

забрать нас от дядюшки Майка.

Глава 5

— Однажды, — пробормотал Адам. Не имеет значения на сколько тихо он говорил, мы оба знали, что большая часть стаи была внутри его дома и слушала нас, когда мы стояли на заднем крыльце.

— Никто и никогда не сможет обвинить тебя в том, что ты скучен, — сказала я беспечно.

Он засмеялся, спокойно глядя на меня. Он отчистился в ванной у дядюшки Майка и изменился, как только мы добрались до его дома. Но я все еще чувствовала запах крови, исходивший от него.

— Ты должен увидеть Мэри Джо, — сказала я ему. — А мне нужно лечь в постель. — Она выживет, подумала я. Но она лучше справится, если я буду дома и не стану тревожить стаю, которая сейчас заставляет ее бороться за жизнь.

Он обнял меня, чтобы не говорить все это в слух. Подняв меня так, что вьетнамки Джесси соскользнули с ног, а затем опустил меня в них назад. — Сейчас ты пойдешь и отчистишь свои ноги, чтобы ни в одной из ранок не началась инфекция.

— Я пришлю Бена присмотреть за твоим домом, пока Сэмуэль не будет удовлетворен состоянием Мэри Джо и не пойдет домой.

Адам наблюдал с крыльца, когда я шла домой. Не прошла и полпути, как меня догнал Бен. Я пригласила его, но он покачал головой.

— Я останусь снаружи, — сказал он. — Ночной воздух прочищает мне голову.

Я вычистила ноги и высушила их прежде, чем лечь спать. И уснула еще до того, как моя голова коснулась подушки. Когда я проснулась было еще темно, но я знала, что в комнате есть кто-то еще. Как внимательно бы я не прислушивалась, никак не могла услышать того, кем я была вполне уверена, был Стефан.

Я не волновалась. Вампиры, кроме Стефана, не были в состоянии пересечь порог моего дома. Многие другие разбудили бы Сэмюэля.

Воздух ничего не сказал мне, что было странно, даже Стефан имел собственный запах. Беспокойно, я перевернулась на бок, вплотную к посоху, который имел обыкновение спать со мной каждую ночь. В основном это дало мне подкрасться, когда он сделал это-обычно посохи не в состоянии передвигаться самостоятельно. Но сегодня теплое дерево под моей рукой ощущалось обнадеживающе. Я обхватила его рукой.

— Нет никакой потребности в насилии, Мерси.

Должно быть, я прыгнула, потому что была на ногах, с посохом в руке, прежде чем поняла чей голос услышала.

— Бран?

И внезапно я смогла почувствовать его запах, мяты и мускуса, свойственный оборотням, в сочетании со сладко соленым ароматом, запахом присущим лишь ему одному.

— У тебя что, нет более важных дел? — спросила я его, включая свет. — Управлять миром, например?

Он не двигался со своего места на полу, прислонившись к стене, за исключением того, что прикрыл глаза предплечьем, когда свет затопил комнату. — Я приехал сюда в минувшие выходные, — сказал он. — Но ты спала, и я не позволил им будить тебя.

Я забыла. В гвалте Бабы Яги, Мэри Джо, снежного эльфа, и вампиров, я забыла, почему

он навестит меня лично. Внезапно я с подозрением отнеслась к руке, к той, что он набросил на глаза.

То, что Альфы защищают своих из стаи, сильное преуменьшение — к тому же Бран — Маррок, самый доминантный волк в округе. Пусть я и принадлежала сейчас к стае Адама, нс Бран воспитал меня.

— Я уже обсудила все это с мамой, — сказала я защищаясь.

И Бран усмехнулся, его рука спустилась, открывая карие глаза, которые в искусственном освещении выглядели почти зелеными. — Бьюсь об заклад, что ты это сделала. Неужели мой Сэмюэль и твой Адам нависали над тобой и мучили? — Его голос был полон (ложного) сочувствия.

Бран лучше, чем кто-либо из тех о ком я знаю, включая Других, может скрывать то, кто он есть. Он был похож на подростка — в разорванных джинсах, только по колено, на которых кто-то ироничный маркером нарисовал символ анархии, прямо над его бедром. Его волосы были взъерошены. Он был вполне способен сидеть с невинной улыбкой на лице, а потом оторвать чью-нибудь голову.

— Ты нахмурившись смотришь на меня, — сказал он. — Это — такая загадка, почему я здесь?

Я опустилась на середину пола. Мне было неудобно находиться так долго в комнате с Браном, когда моя голова была выше, чем его. Отчасти — привычка, и отчасти — волшебство, которое делает Брана лидером всех волков.

— Кто-то позвонил тебе и рассказал, что Адам сделал меня своей? — Спросила я.

На этот раз Бран засмеялся, и по тому, как вздрагивали его плечи, я поняла, насколько он устал.

— Я рада, что развлекла тебя, — сказала я ему сердито

За моей спиной открылась дверь, и Сэмюэль радостно произнес: — Это частная вечеринка, или кто-нибудь может присоединиться?

К чему это было? Одним предложением, фактически даже одним словом (вечеринка), Сэмюэль сказал своему отцу, что мы не будем говорить о Тиме или о том, почему я его убила, а также в порядке ли я. Сэмюэль был хорош в таких вещах.

— Входи, — сказала я. — Как Мери Джо?

Сэмюэль вздохнул. — Да, позвольте мне сказать вам сейчас. Если я умру, и Другая предложит исцелить меня — я предпочел бы, чтобы ты сказала ей нет. — Он посмотрел на меня. — Я думаю, что с ней будет все хорошо, в конце концов. Но она не очень счастлива сейчас. Она ошеломлена, и я никогда не видел в волка в шоке до такой степени. По крайней мере, она не плачет больше. Адам наконец заставил ее измениться, что и помогло. Она спит с Полом, Алеком, Ханни и несколькими другими волками на чудовищном диване, на том, который Адам держит в комнате с телевизором в подвале.

Он одарил отца острым взглядом, а затем сел на пол рядом со мной, и это тоже было сообщением. Он был не между Браном и мной, а не точно. Но он, возможно, сидел и около Брана. — Так что же привело тебя сюда?

Бран улыбнулся, увидев сообщение Самуэля. — Тебе не нужно защищать ее от меня, — сказал он тихо. — Мы все видели, что она очень хорошо защищает себя сама.

В беседе с волками всегда есть нечто большее, чем просто слова. Например, Бран только что сказал нам, что он видел запись, с камеры видео наблюдения, меня убивающей Тима … и все остальное, тоже. И он одобрил мои действия.

Это не должно было меня порадовать так сильно; я уже не ребенок. Но мнение Брана до сих пор значило очень много.

— И да, — сказал он мне через некоторое время, кое кто позвонил мне, рассказав о том, что Адам сделал тебя одной из стаи. Много кто. Позволь мне дать ответы на вопросы, которые мне задавали, и ты можешь передать их Адаму.

Нет. Я понятия не имел, что возможно принять в стаю того, кто не был вервольфом.

Особенно тебя, на ком магия может быть непредсказуема. Нет, как только это произошло, только Адам или ты можете разорвать эту связь. Если ты хочешь, чтобы я показал тебе как, я это сделаю. — Он сделал паузу.

Я покачала головой … и затем опустила ее. — Пока нет.

Бран исподлобья одарил меня удивленным взглядом. — Прекрасно, просто спроси. И нет, я не сержусь. Адам Альфа своей стаи. Я не вижу, как бы это могло навредить кому — либо. — Затем он улыбнулся, одной из тех редких улыбок, когда не притворялся, а по-настоящему развлекался. — Кроме, возможно, самого Адама. По крайней мере, у него нет Порше, который ты могла бы обернуть вокруг дерева.

— Это было давно, — сказала я горячо. — И я заплатила. К тому же, я не понимаю, почему ты был так сердит на меня, если сам практически позволил мне украсть ее.

— Говорю тебе, это бы не потребовалось, если б ты не посмела, Мерси, — сказал Бран терпеливо … но было что-то в его голосе.

Лгал ли он?

— Да, это так, — сказал Сэмюэль. — И она права — ты знал об этом.

— Таким образом, у тебя не было никаких оснований так безумствовать, когда я разбила автомобиль, — сказала я, торжествующе.

Сэмюэль громко рассмеялся. — Ты все еще не поняла его, не так ли, Мерси? Он никогда не был без ума от машины. Он был первым, кто оказался на месте аварии. Решив, что ты убила себя. Мы все сделали. Это была довольно захватывающая авария.

Я хотела что-то сказать и обнаружила, что не могу. Первое, что я увидела после удара о дерево было рычащее лицо Маррока. Я никогда не видела его настолько сердитым — а я делала достаточно, время от времени, чтобы вызвать его ярость.

Сэмюэль похлопал меня по спине. — Не часто, я вижу, чтобы ты совсем потеряла дар речи.

— Так, ты добился того, чтобы Чарльз учил меня, как ремонтировать автомобили, и как ими управлять. — Чарльз был старшим сыном Брана.

Он терпеть не мог ездить, и до этого лета я не думала, что он умеет водить. Я должна была бы лучше знать — Чарльз мог сделать, что угодно. И все, что он делал, он делал очень хорошо. Вот только одна из причин, по которым Чарльз пугает меня, и всех остальных.

— Держал тебя занятой и подальше от неприятностей в течение целого лета, — сказал Бран самодовольно.

Он дразнил … но и был серьезен, отчасти. Одна из самых странных вещей в том, что повзрослев, и оглянувшись назад на что-то, что вы думали, что знали и обнаружить, что правда абсолютно отличалась от того, чему вы всегда верили.

Это придало мне храбрости, чтобы сделать следующее.

— Мне нужен совет, — сказала я ему.

— Конечно, — сказал он непринужденно

Я сделала глубокий вдох и начала с моего убийства лучшей надежды Марсилии о

возвращении в Италию, перескочила к появлению Стефана в моей гостиной и неожиданному визиту от моей старой подруги из колледжа, и закончила почти фатальным приключением у дядюшки Майка с сумкой, которая пахла вампирами и магией. Я рассказала ему о Мэри Джо и о моем страхе, что если я скажу Адаму о сумке, это приведет к войне.

— Я зайду посмотреть, смогу ли чем-нибудь помочь Мэри Джо, — сказал Бран, после того как я закончила. — У меня есть несколько уловок.

Сэмюэль облегченно вздохнул. — Хорошо.

— Так, — сказала я Брану, — это моя вина. Мой выбор пойти после к Андрэ. Но Марсилия не напала на меня.

— Ты ожидала, что вампиры будут просты? — спросил Бран.

Я предположила. — Эмбер дала мне повод выбраться из города на некоторое время. Если меня не будет поблизости, Марсилия, возможно, оставит всех остальных в покое. — И это даст мне шанс, обдумать свой ответ.

День или два, чтобы выяснить что-нибудь, что не привело бы к большему количеству убийств.

— И дайте Адаму и мне шанс, подготовить приличный ответ, — проворчал Сэмюэль.

Я начала возражать …, но они имели право продолжать давить на меня. Имели право знать, поскольку сами были под ударом.

Пока жива Мэри Джо, Адам не придет с войной к порогу Марсилии. А вот если Мэри Джо не выживет … Возможно, Марсилия была сумасшедшей. Я видела такое безумие в стае Маррока, куда старейшие волки часто приходили, чтобы умереть.

— Если ты уедешь, Марсилия может воспринять это как победу, — сказал Бран. — Я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы знать наверняка, поможет или навредит тебе это в итоге. Но все же я думаю, что выбраться отсюда на несколько дней, не такая уж и плохая идея.

Он не сказал, что Марсилия оставит планы относительно моих друзей, я заметила. Я была вполне уверена Дядюшка Майк выяснит — вампиры использовали его таверну, нацелившись на волков — чего хотела добиться Марсилия. Она должно быть действительно в ярости, раз готова вызвать гнев Дядюшки Майка и привести в ярость Адама, чтобы добраться до меня.

Я держу пари, что если я уеду, она будет ждать, потому что хочет, чтобы я увидела ту боль, которую она обрушит на моих друзей. Но я не была в этом уверена. Тем не менее, не помешало бы.

— Проблема в том, …что-то не так в предложении Эмбер. Или, может, сразу после Тима… — Я сглотнула. — Я боюсь идти.

Бран смотрел на меня пронзительными желтыми глазами, взвешивая что-то в уме. — Страх это хорошо, — сказал он наконец. — Он учит тебя не допускать одну и ту же ошибку дважды. Ты противопоставишь ей знание. Чего ты боишься?

— Я не знаю. — Что не было правильным ответом.

— Внутренняя проверка, — сказал Бран. — Что говорит тебе твое нутро?

— Я думаю, что возможно, это снова вампиры. Бросили Стефана ко мне на пол, чтобы хорошенько напугать — и смотри-ка, тут же появился выход. Из сковороды и в огонь.

Сэмюэль уже качал головой. — Марсилия не стала бы отправлять тебя в Спокан, чтобы лишить нашей защиты, и позаботиться о тебе самой. Не то чтобы это плохая идея, но она скорее послала бы тебя в Сиэтл, где у нее, возможно, есть союзники. Но в Спокане живет лишь один вампир, и он не терпит посетителей. Там нет ни стаи, ни Других, лишь несколько

бессильных существ, которые смогли не попасться ему на глаза.

Я чувствовала, как расширяются мои глаза. В городе Спокан около полумиллиона человек. — Это очень большая территория для одного вампира.

— Не для того единственного вампира, — сказал Сэмюэль, в то же время Бран произнес, — Не для Блэквуда.

— Так, — сказала я медленно. — Что же будет делать этот вампир, если я останусь в Спокане на несколько дней?

— А как он узнает? — спросил Бран. — Ты пахнешь как койот. Но койот пахнет во многом как собака, для тех, кто не охотится в лесах — что я уверяю тебя, Джеймс Блэквуд не делает — к тому же, большинство собаководов пахнет как их домашние животные. Я не хотел бы, чтобы ты переехала в Спокан, но несколько дней или недель не подвергнут тебя опасности.

— Так, ты думаешь, что это хорошая идея, если я поеду?

Бран приподнял бедра и вытащил сотовый телефон из заднего кармана.

— Как ты не ломаешь их? — спросила я. — Я убила несколько телефонов, сев на них.

Он только улыбнулся и сказал в трубку: «Чарльз, ты мне нужен, чтобы узнать об Эмбер …?» Он посмотрел на меня и поднял бровь.

— Сожалею, что разбудили тебя, Чарльз. Ее девичья фамилия была Чемберлен, — сказала я брату Сэмюэля, извиняясь. — Я не знаю ее фамилию по мужу. — Чарльз слышал меня так же ясно, как я слышала его. Для частных телефонных звонков в присутствии оборотней необходимы наушники, а не спикер сотового телефона.

— Эмбер Чемберлен, — повторил Чарльз. — Этого должно хватить, чтобы сузить круг поиска до ста человек или около того.

— Она живет в Спокане, — сказала я. — Я училась с ней в колледже.

— Это поможет, — сказал он нам. — Я перезвоню.

— Запасемся знаниями, — сказал Бран, когда повесил трубку. — Но я не понимаю, почему ты не должна ехать.

— Возьми кого-нибудь с собой для подстраховки.

— Это — Стефан, — закричала я. Прежде, чем я успела договорить последнее слово, Бран уже прижимал Сефана к стене, противоположной той, у которой сидел.

— Па, — Сэмюэль тоже был на ногах, и держал руку на плече отца. Он не пытался оторвать руки Брана от шеи Стефана, что было бы глупо. — Па. Все в порядке. Это Стефан. Друг Мерси.

После нескольких очень долгих секунд, Бран отстранился и убрал руки от горла Стефана. Вампир не сопротивлялся, что было хорошо.

Вампиры крепкие, может быть, даже крепче, чем волки, потому что вампиры уже мертвы. Стефан был одним из лейтенантов Марсилии, мощный в своем собственном праве. Он был наемником в жизни … в Италии в эпоху Возрождения.

Но Бран это Бран.

— Это было глупо, — сказал Сэмюэль Стефану. — Какую часть фразы *никогда не подкрадывайся к оборотням*ты не понимаешь?

Стефан, которого я знала, изящно поклонился бы и выразил свои извинения с оттенком юмора. Этот Стефан резко дернул шеей. — Я бесполезен здесь. Это — хорошая идея вытащить Мерси с линии огня — она самая слабая цель. Пошлите меня в Спокан, охранять ее. — Он был почти в нетерпении… И я задалась вопросом, чем он занимался, когда оставил

дом Адама. Что я могла для него сделать? Возможно я была не единственной, кто пытается предпринять некоторые действия, чтобы я и те, о ком я заботилась, не были убиты.

Однако, я не могла позволить сойти ему с рук то, как он назвал меня… — Слабая? — сказала я.

Сэмюэль повернулся к Стефану с рычанием. — Глупый вампир. Мой отец почти уговорил ее собираться, а ты все испортил.

Я рассмеялась. Ничего не могла с собой поделать. Я надеялась, что мой отъезд в Спокан сохранит моих друзей в безопасности, а они надеялись, что мой отъезд оградит от опасности меня. Возможно, мы все были правы.

Телефон Брана зазвонил, и мы все прислушались к тому, что говорил нам Чарльз, Эмбер была замужем за Корбаном Уортаном, вполне успешном корпоративном адвокате, примерно на десять лет ее старше. У них был восьмилетний сын, со своего рода отклонениями, на которые намекали некоторые газетные статьи, но официальных заявлений не было. Он выпалил адрес или два, номера мобильных телефонов и стационарных телефонов … и номера социального страхования и самых последних налоговых отчетов, личных и деловых. Для старого волка, Чарльз знает, как заставить компьютер предоставить ему нужную информацию.

— Спасибо, — сказал Бран.

— Теперь я могу вернуться ко сну? — спросил Чарльз. Он не стал ждать ответа, просто повесил трубку.

Я посмотрела на Сэмюэля. — Мой уход сделает вашу жизнь проще.

Он кивнул. — Мы можем защитить себя … но ты слишком уязвима. И если тебя здесь не будет, а Марсилия не будет знать, где ты находишься, мы сможем усадить ее за стол переговоров.

Бран посмотрел на Стефана. — Вампир может привлечь слишком много внимания в Спокане.

Стефан пожал плечами. — Я не без ресурсов. Я был в этой комнате в течение четверти часа, и никто из вас не заметил меня. Если я буду питаться хорошо, то никто не узнает, кто я.

— Ты всегда пахнешь вампиром для меня, — сказала я ему. Вампиром и попкорном. Хорошего маслянистого вида. Нет, я не знаю, почему. Я никогда не видела, как он ест вещи — я не знаю, могут ли это вампиры.

Он поднял руки. — Никто без носа Мерси, тогда. Если я буду в комнате с Монстром, то, возможно, он заметит. Иначе, он никогда не будет знать, что я там был. Я уже делал так прежде.

— Монстр? — спросил Сэмюэль.

— Джеймс Блеквуд.

Вампиры присваивают титулы некоторым из более сильных. Стефан был Солдатом, потому что он был наемником. Вульфи — Волшебником …, и я знала, что он мог творить некоторое волшебство. Я решила избегать любого вампира, которого другие вампиры прозвали Монстром.

— Также, есть это, — сказал Стефан. — Я могу прыгать из одного места в другое — и я могу взять Мерси с собой.

— Как далеко? — спросил Бран с внезапной скрупулезностью

Стефан пожал плечами … и так и не выпрямился, как будто это было слишком большой проблемой. — Куда угодно. Однако, у перемещения со мной человека есть своя стоимость. Я

буду бесполезен в течении последующего дня. — Он посмотрел на меня. — У меня есть адрес. — Он подслушал Чарльза, когда тот назвал его нам. — Я могу добраться туда сегодня вечером, и найти безопасное место, чтобы провести день.

Бран приподнял бровь, посмотрев на меня.

— Я позвоню Эмбер утром, — сказала я. Чувствуя себя так, словно старалась отдалить этот момент, но Бран, казалось, решил, что это был правильный поступок.

Стефан отвесил мне прекрасный поклон и исчез прежде, чем выпрямился

— Он раньше скрывал эту свою способность, — сказала я им. Меня волновало, что он не скрывал ее больше. Как будто не имело значения, что люди знали об этом.

Сэмюэль улыбнулся мне. — Ты решила поехать в Спокан, потому что он должен сделать что-то, не так ли?

— Ты собиралась остаться, пока он не стал вызывать у тебя жалость. — Я посмотрела на него, и подняла руки сдаваясь. — Я не говорил, что у него не было причин выглядеть печально. Тебе просто нужно помнить, что растяпа или нет, он все еще вампир и больше подходит для тебя, если решит не быть дружелюбным. Ты дорого ему стоила, Мерси. Он не может быть твоим другом.

Я не думала об этом в таком ключе. Так я и сделала, возможно, за десятую долю секунды. — Если он был зол на меня, он бы убил меня, когда появился здесь оголодавшим. Если уж на то пошло, он мог бы прийти сюда в любое время сегодня вечером, и убил бы меня. Вам нужно, чтобы я уехала, так что прекрати выдумывать новые проблемы.

Сэмюэль нахмурился. — Я не пытаюсь создать неприятности. Но ты должна помнить, что он вампир, а вампиры не хорошие парни, каким бы рыцарским и галантным не казался Стефан. Я тоже люблю его. Но ты пытаешься забыть то, кем он является.

Я думала о двух умерших людях, единственным преступлением которых было то, что они видели меня, когда я уложила Андре.

— Я знаю, кто он есть, — упрямо сказала я.

— Вампир, — сказал Бран. — Зло, да. — Он усмехнулся, и это заставило его быть похожим на того, кто только должен пойти в среднюю школу. — Но я думаю, что его хозяйка сделала ошибку, когда решила выбросить его.

— Она сломала его, — сказал я. И, глядя в глаза Сэмюэля, я прошептала: — Вы остаетесь в безопасности, ты и Адам.

— Я буду держать Стефана занятым поисками призраков

Если бы я действительно искала призраков, конечно, было бы глупо приводить Стефана. Призракам не нравятся вампиры, и они не покажутся, когда рядом есть вампир. Сэмюэль знал об этом, и он улыбнулся мне с серьезными глазами. — Все будет хорошо.

— Позвони мне, если я буду нужен, — сказал Бран — нам обоим, подумала я. — Если я собираюсь зайти и взглянуть на Мэри Джо, то мне пора идти. — Он поцеловал меня в лоб, затем сделал то же самое с Сэмюэлем (который должен был наклониться). Я не знаю, действительно ли он знал, кем была Мэри Джо, или просто так показалось. Но я никогда не видела, чтобы он встретил волка и не знал его по имени.

К слову об этом… — Эй, Бран?

На полпути к двери, он повернул назад.

— Что с той девушкой, которую мы послали к тебе? Та, что была изменена совсем молодой и не имела контроля. С ней все в порядке?

Он улыбнулся и стал выглядеть чуть менее уставшим. — Кара? Она все делала

прекрасно в последнюю луну. Дайте ей еще несколько месяцев, и она полностью обретет контроль. — Махнув небрежно через плечо, он вышел во тьму.

— Отдохни, — крикнула я ему вслед. Он закрыл входную дверь у себя за спиной, не ответив.

Мы слушали, как Бран отъезжал в несомненно арендованном мустанге. Как только он ушел, Сэмюэль сказал: — У тебя есть несколько часов. Почему бы тебе еще не поспать? Я думаю, прыгну через забор к Адаму и посмотрю, что сделает Па для Мэри Джо.

— Почему он просто не позвонил? — спросила я.

Сэмюэль протянул руку и взъерошил мне волосы. — Он проведывал тебя.

— Хорошо, — сказала я. — По крайней мере, он не спрашивал меня, все ли со мной хорошо. Думаю, в противном случае, мне пришлось бы что-нибудь с ним сделать.

— Эй, Мерси, — сказал Сэмюэль с ложной заботой, — с тобой все хорошо?

Я ударила его, присоединяясь только потому, что он не ожидал этого. — Сейчас я, — сказала я ему, когда он упал на землю и покатился, будто я действительно применила силу, которой не имела.

Спокан находится примерно в 150 милях к северо-востоку от Тройного города, и ты знаешь, что подъезжаешь, когда начинаешь видеть деревья.

Зазвонил мой сотовый, и я ответила, не останавливая машину. Я обычно стараюсь не нарушать закон, но я опаздывала.

— Мерси? — Это был Адам, и он не был мной доволен. Я предположила, что Сэмюэль сказал ему о вампирах, ответственных за разгром у Дядюшки Майка. Я сказала ему, что он может сделать это, как только я благополучно уеду из города.

— У-гу. Я ехала рядом с RV, мы двигались мимо небольшого холма. Это было на скоростном спуске, но я не могла лишить себя удовольствия, и не лететь на Vanagons со скоростью демонов. На днях я собираюсь положить плоскую шестерку в Subaru и посмотреть, что из этого выйдет. — Перед тем, как кричать на меня, что не сказала тебе о вампирах, ты должен знать, что я рискую правами, разговаривая с тобой, пока еду. Ты действительно хочешь, чтобы я лишилась прав позволяя тебе кричать на меня?

Он неохотно засмеялся, так что я решила, что он не слишком уж расстроен. — Ты все еще в дороге? Я думал, ты уехала утром.

— Исправила поломку сцепления в Ford Focus, во время остановки возле Коннелла, — сказал я ему. — Хорошая женщина и ее собака застряли после того, как ее брат заменил муфту. Он не затянул несколько болтов, и один из них упал. Это заняло у меня час или около того, прежде чем мы нашли человека, который смог достать болт и гайку правильного размера. — На мне были масляные пятна и песок в моих волосах, чтобы доказать это. В своем Кролике я держала полотенце, чтобы ложить его на землю. а также я держала там набор полезных инструментов для автомобиля. Я могла починить своего Кролика в любое время.

— Как Мэри Джо?

— Она сейчас спит.

— Бран помог?

— Бран помог. — Я услышала улыбку в его голосе. — Будь осторожна охотница на призраков, и не позволяй Стефану тебя покусать.

Оставалось немного до последней границы.

— Ревнуешь? — спросила я. Да. RV обогнал меня на спуске.

— Может быть, немного, — сказал он.

— Не нужно. С нами все будет хорошо. Призраки не так опасны, как сумасшедшая леди вампир. — Я не смогла подавить беспокойство, проскользнувшее в моем голосе.

— Я буду осторожен — и Мерси?

— М?

— Считай, что я накричал на тебя, — промурлыкал он и повесил трубку.

Я улыбнулась телефону и закрыла его.

Указания Эмбер о том, как найти ее дом, были ясны и им было легко следовать. Услышав ее голос, я испытала облегчение, когда позвонила ей этим утром, мне захотелось поверить, что у нее действительно была проблема, и призрак не был частью какого-то тайного заговора вампиров, чтобы меня было легче убить. Несмотря на гарантии Брана, что маловероятно, Марсилия отправит меня в Спокан, я все еще чувствовала … не паранойю, правда. Осторожность. Я чувствовала себя настороженной.

Зи согласился поработать в мастерской пока меня не будет. Я, вероятно, могла бы заставить его работать дешевле, чем обычно, потому что он все еще чувствовал себя виновным в обстоятельствах, которые были не его виной. Дешевле, означает, что я смогу питаться арахисовым маслом, а не лапшой быстрого приготовления до конца месяца, но я не думаю, что это стоит его вины.

Он разговаривал с Дядюшкой Майком о скрещенных костях на моей двери, определенно работа вампира, сказал он мне.

Кости означали, что я обманула вампиров и больше не являлась объектом их защиты — и всякий предложивший мне любую помощь, вероятно, окажется не на той стороне. Широкое толкование этого знака было ужасающим. Это означало, что люди как Тони и Сенсей Джохэнсон тоже находились в опасности.

Это означало, что, вероятно, было хорошо, что я уеду из города на несколько дней и начну выяснять, как ограничить число жертв, которые может потребовать Марсилия.

Эмбер жила в викторианском особняке в комплекте с парой башен. Кирпичное крыльцо было выложено только недавно, а пышная лепнина по краю крыши и окон свеже выкрашена. Даже розы выглядели готовыми для показа в журнале.

Нахмурившись глядя на витражное стекло, блестящее на солнце, я задавалась вопросом, когда в последний раз мыла окна у себя дома. Я вообще когда-нибудь там мыла окна? Сэмюэль мог бы.

Я все еще думала об этом, когда дверь открылась. Мальчик испуганно таращился на меня, и я поняла, что не позвонила в дверь.

— Эй, — сказала я. — Твоя мама дома?

Он быстро оправился и одарил меня застенчивым взглядом пары туманно зеленых глаз под длинными, густыми ресницами, и повернулся, чтобы позвонить в звонок, чего я не сделала.

— Я Мерси, — сказала я ему, в то время пока мы ждали, когда из глубины дома появится Эмбер. — Мы с твоей мамой вместе учились в колледже.

Его осторожный взгляд ушел куда-то в глубь, и он промолчал. Таким образом, я предположила, что она ничего не сказала ему. — Мерси, я начала думать, что ты не приедешь. — Эмбер казалась обеспокоенной и нисколько не благодарной, и это было прежде, чем она увидела, на что я была похожа — покрытая старым маслом и грязью с автостоянки.

Ее сын и я повернулись, чтобы посмотреть на нее.

Она все еще была похожа на выставочную собаку, но ее глаза были напряженными. — Чад, это — моя подруга, которая собирается помочь нам с призраком. — Когда она говорила, ее руки летели в изящном танце, и я припомнила слова Чарльза о том, что у ее сына было своего рода отклонение: он был глухим.

Её внимание вернулось ко мне, но руки еще двигались, позволяя ее сыну понять, что она говорила.

— Это мой сын, Чад. — Она сделала глубокий вдох. — Мерси, мне очень жаль. У моего мужа есть клиент, который придет на ужин сегодня вечером. Он сказал мне только несколько минут назад. Это формальный ужин …

Она посмотрела на меня, и ее голос затих.

— Что? — сказала я, позволяя резкости проскользнуть в моем голосе в ответ на оскорбление. — Разве я не подхожу для торжественного ужина? Извините, швы на подбородке не сойдут, еще, по крайней мере, неделю.

Внезапно она рассмеялась. — Ты ни сколько не изменилась. Если ты не захватила ничего подходящего, можешь позаимствовать что-нибудь у меня. Парень, который приедет, вполне прилично выдрессирован для беспощадного бизнесмена. Я думаю, что тебе он понравится. Я должна провести небольшую инвентаризацию и бежать в продуктовый магазин. — Она наклонила голову таким образом, позволяя сыну видеть ее рот. — Чад, не отведешь Мерси в комнату для гостей?

Он еще раз осторожно посмотрел на меня, но кивнул. Когда он вернулся в дом и начал подниматься по лестнице, Эмбер сказала мне: — Я лучше сразу предупрежу тебя, мой муж не доволен призраком. Он думает, что я и Чад выдумываем. Если ты сумеешь не упомянуть об этом во время ужина с клиентом, я оценю это.

Ванная была напротив комнаты, в которой мне предстояло жить. Я взяла свой чемодан и вошла, чтобы отмыться. Прежде, чем избавиться от своей грязной рубашки, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Иногда призраки появляются только в том или ином смысле. Иногда я могу только слышать их, иногда — чувствовать их запах. Но ванная пахла мылом и шампунем, водой и этими глупыми голубыми таблетками, которые некоторые люди, не имеющие домашних животных, ставят в своих туалетах.

Я ничего не видела и не слышала. Но это не помешало волоскам на затылке подняться, после того как я стащила с себя рубашку и сунула ее в пластиковый отсек своего чемодана. Я отмывала руки до тех пор, пока они не стали главным образом чистыми, щеткой убрала грязь из волос и снова заплела их. И все это время я чувствовала, что кто-то наблюдает за мной.

Может быть, это было только силой внушения. Но я вымылась так быстро, как только могла. Нет, призрачные надписи не появились на стенах, никто не появился в зеркале и не переместил предметы вокруг.

Я открыла дверь ванной и обнаружила Эмбер, ждущую с нетерпением прямо перед дверью. Она не заметила, что напугала меня.

— Я должна взять Чада на практику софтбола, а затем сделать некоторые покупки к сегодняшнему ужину. Не хочешь прокатиться?

— Почему нет? — сказала я, пожав плечами. Возможность остаться в этом доме одной не привлекала меня — как охотника за призраками, в роли которого я оказалась. Ничего не произошло, а я уже нервничала.

Я взяла дробовик. Чад нахмурился, взглянув на меня, но сел позади. Я не думала, что

произвела на него впечатление. Никто не проронил ни слова, пока мы не высадили Чада. Уходя, он не выглядел счастливым. Эмбер доказала, что была более жесткой, чем я, потому что она проигнорировала щенячьи глаза и оставила Чада к безразличной заботе его тренера.

— Так ты передумала стать учителем истории, — сказала Эмбер, когда отъехала от бордюра. Её голос был напряжен из-за нервов. Напряжение волнами распространялось от нее, но ее компания никогда не была расслабляющей.

— Решила не совсем то слово, — сказала я ей. — Я устроилась на работу механиком, чтобы содержать себя, пока должность преподавателя не была открыта… и в один прекрасный день поняла, что даже если кто-то предложит мне работу, я предпочту повернуть ключ. — И потом, это подтолкнуло меня к открытию: — Я думала, ты собираешься стать ветеринаром.

— Да, хорошо, жизнь произошла. — Она сделала паузу. — Чад произошел. — Это было уже слишком для ее честности, и она впала в молчание. В продуктовом магазине, я побрела прочь, когда она выбирала помидоры — они все выглядели хорошо на мой взгляд. Я купила сахарный батончик, просто чтобы посмотреть, насколько она изменилась.

Не так и сильно. К тому времени, когда она закончила читать мне лекции о вреде рафинированного сахара, мы почти вернулись обратно в дом. Она почувствовала себя гораздо более комфортно — и наконец, рассказала мне больше о своем призраке.

— Корбан не верит в приведение, — сказала она мне, когда прокладывала свой путь через город. Она посмотрела на мое лицо на выезде. — Я на самом деле тоже ничего не видела и не слышала. Я просто сказала ему, что, таким образом, он оставит Чада в покое. — Она глубоко вздохнула и посмотрела на меня снова. — Он думает, что Чад может добиться большего успеха в школе-интернате — в месте для проблемных детей, что порекомендовал его друг.

— Он не показался мне проблемным — сказала я. — Разве «проблемные» дети обычно не принимают наркотики или не избивают соседских детей? — Чад выглядел так, что скорее остался бы дома и почитал что-нибудь, чем пошел бы играть в мяч.

Эмбер издала нервный смешок. — Корбен не очень хорошо ладит с Чадом. Он не понимает его. Это старое диснеевское клише — отец квотербек и сын книжный червь.

— Корбен знает, что он не отец Чада?

Она ударила по тормозам так сильно, что если бы я не была пристегнута, то лучше познакомилась бы с ее лобовым стеклом. Мгновение она стояла по середине дороги, не обращая внимания на гудящие рожки вокруг нас. Я была рада, что мы были в крепком Мерседесе, а не в Миате, на которой она приезжала к моему дому.

— Ты забыла, — сказала я вежливо. — Я тоже знала Харрисона. Мы раньше шутили с его ресницах, и я никогда больше не встречала таких красивых глаз, как у него, с тех пор. До сегодняшнего дня. — Харрисон был ее единственной настоящей любовью в течении примерно трех месяцев, пока она не бросила его из-за студента.

Эмбер снова двинулась вперед и проехала немного, пока движение не успокоилось. — Я забыла, что ты знала его. — Она вздохнула. — Забавно. Да, Корбэн знает, что он не отец Чада, но Чад — нет. Это не имеет значения, но я не уверена. Корбан стал … другим в последнее время. — Она покачала головой. — Тем не менее, он тот, кто предложил, чтобы я попросила тебя приехать. Он увидел статью в газете, и сказал: " Разве не ты говорила, что эта девушка часто видит призраков? Почему бы тебе не попросить ее приехать и бросить беглый взгляд?»

Я полагала, что была настойчивой достаточно, поэтому я задала вопрос, который был менее навязчивым. — Что делает призрак?

— Перемещает вещи, — сказала она мне. — Делает перестановку в комнате Чада один или два раза в неделю. Чад говорит, что он видел, как мебель вокруг перемещается. — Она заколебалась. — Также разрушает вещи. Пару ваз, привезенных отцом мужа из Китая. Стекло над дипломом мужа. Иногда забирает вещи. — Она взглянула на меня снова. — Ключи от машины. Обувь. Некоторые важные работы Кора оказалась в комнате Чада, под кроватью. Корбан был сильно зол.

— на Чада?

Она кивнула.

Я еще не успела встретить ее мужа, а мне он уже не нравился. Даже если Чад делал все это самостоятельно — а я не могла доказать обратное — бросать его в школе для того, чтобы он изменился, не самый лучший способ исправить положение.

Мы подобрали угрюмого Чада, который, казалось, не был склонен разговаривать, и она бросила говорить о призраке.

Эмбер работала на кухне. Я попыталась помочь, но она наконец послала меня в мою комнату, чтобы не путалась под ногами. Ей не нравилось, как я почистила яблоки. Я принесла книгу из дома, это была очень старая книга, с реальными сказками в ней. Я ее позаимствовала и должна была вернуть в ближайшее время, так что я читала так быстро, как только могла.

Я делала заметки о келпи (думала, вымерли), когда кто-то постучал в мою дверь дважды, а затем открыл ее.

Чад стоял с блокнотом и карандашом в руках.

— Эй, — сказала я.

— Он перевернул блокнот, и я прочла, — Сколько мой отец тебе заплатил?

— Нисколько, — сказала я.

Его глаза сузились, и он сдернул эту страницу и показал мне следующее. Очевидно, он думал об этом какое-то время. — Почему ты здесь? Что ты хочешь?

Я отложила свою книгу в сторону и уставилась на него. Он был жестким, но он не был Адамом или Самуэлем: он моргнул первым.

— У меня есть вампир, который хочет убить меня, — сказала я ему. Я не должна была этого делать, конечно, но мне хотелось посмотреть, что произойдет. Любопытство, Бран говорил мне не раз, может быть столь же фатальным для койотов как и для кошек.

Чад скомкал бумагу, и произнес слово, но лишь губами. Очевидно, такого ответа он не ожидал.

Я подняла бровь. — Сожалею. Тебе придется сделать больше. Я не читаю по губам.

Он нацарапал яростно. «Льгуния» сказала его бумага.

Я взяла карандаш и написала: «лгунья». После, я вернула ему блокнот и сказала, — Хочешь поспорить?

Он прижал блокнот к груди и зашагал прочь. Он мне нравился. Он напомнил мне меня.

Пятнадцать минут спустя ворвалась его мать — Красный или фиолетовый? — она спросила меня, по-прежнему звуча безумно. — Пойдем со мной.

Сбитая с толку, я пошла за ней по коридору в хозяйскую спальню, где она выложила два платья. — У меня только пять минут, прежде чем я пойду ставить рулеты, — сказала она. — Красный или фиолетовый?

У фиолетового было значительно больше ткани. — Фиолетовый, — сказал я. — У тебя есть обувь, которую я тоже могла бы позаимствовать? Или ты хочешь, чтобы я пошла босиком?

Она одарила меня диким взглядом. — Обувь у меня есть, но не нейлон.

— Эмбер, — сказала я ей. — Для тебя я похожу на высоких каблуках. И даже одену платье. Но у тебя не хватит денег, чтобы заплатить мне и заставить одеть нейлоновые чутки. У меня побритые и загорелые ноги, это все что мне нужно.

— Мы можем заплатить тебе. Сколько ты хочешь?

Я посмотрела, но не могла сказать, шутит она или нет. — Бесплатно, — сказала я ей. — В таком случае я смогу уехать, если все станет слишком страшно.

Она не смеялась. Раньше я была вполне уверена, что у Эмбер есть чувство юмора. Возможно.

— Посмотри, — сказала я ей. — Глубоко вздохни. Найди для меня обувь и пойди, поставь свои рулеты в духовку.

Она сделала глубокий вдох, и это, кажется, помогло.

Когда я вернулась в свою комнату, Чад снова был там со своим блокнотом. Он уставился на посох на моей кровати. Я не брала его с собой, но он появился так или иначе. Мне было жаль, что я не могла спросить у него, чего он от меня хочет.

Я подняла его и подождала, пока Чад не взглянул на меня, чтобы смог прочесть по моим губам. — Этим я пользуюсь, чтобы избивать проблемных детей.

Он схватился за блокнот крепче, так что я угадала, он прекрасно читал по губам. Я положила посох на кровать. — Чего ты хочешь?

Он перевернул свой блокнот и показал мне газетную статью, которая была вырезана и приклеена на одну из страниц блокнота. — «Подружка Альфа-оборотня убивает нападавшего» — гласил заголовок. На картинке я выглядела избитой и ошеломленной. Я не помню когда был сделан этот снимок, но были большие куски в ту ночь, которые ускользали из памяти.

— Да, — сказала я, и внутри внезапно что-то болезненно сжалось. — Старые новости.

Он перевернул страницу, и я увидела у него было еще одно наблюдение для меня. — Там не било вампиров. — Я догадалась, правописание не было его сильной стороной. Даже в десять, я была в состоянии написать «было».

— Хорошо, спасибо, — сказала я. — Полезно знать. Пожалуй, я уеду домой завтра.

Он опустил руки по швам, блокнот раскачивался с раздражением, как хвост кошки. Он узнал, сарказм, когда услышал это, даже если и читал по губам.

— Не волнуйся, малыш. — сказала я ему смягчившись. — Я не стану частью заговора, отправляющего тебя в тюрьму для детей. Если я ничего не вижу, это не значит, что нет ничего. Именно так я и скажу твоему отцу.

Он яростно заморгал глазами, снова обняв свою записную книжку. Он поднял подбородок-уменьшенная, более молодая версия его упрямой матери. И он ушел.

Эмбер рысью пронеслась по лестнице и махнула мне, когда проходила мимо. Я услышала ее стук, затем, как открылась дверь. — Ты должен умыться, также, — сказала она своему сыну. — Тебе не придется есть с нами, в микроволновке есть тарелка, но я не хочу чтобы ты крутился вокруг стараясь казаться невидимым. Ты прекрасно знаешь, как раздражает это твоего отца. Так что расчеши волосы, вымой руки и лицо — Я сняла свою одежду и надела фиолетовое платье. Оно подошло просто великолепно, было лишь немного

тесновато в плечах и более обтягивающее в бедрах, чем предпочла бы я, но когда посмотрела на него в зеркало в полный рост, оно выглядело очень хорошо.

Эмбер, Чар, и я были в состоянии поменяться одеждой друг с другом.

Каблуки выше, чем нужно для удобства, но пока мы оставались в доме, должно быть все в порядке. Нога Чара была меньше, чем Эмбер и моя. Я расчесала волосы снова, а после заплела на манер французских косичек. Легкая помада, карандаш для глаз, и я была готова выходить.

Я хотела, чтобы это был Адам, с кем мне предстояло ужинать, вместо Эмбер, ее дерганного мужа, и некоего важного клиента. Этого было достаточно, чтобы вынудить меня желать, также иметь тарелку в микроволновой печи.

Глава 6

Ни один из двух мужчин, вошедших в дом, не был красив. Тот, что пониже был лысеющим, с пухлыми руками, на которых было три массивных золотых кольца. Его костюм не был сшит на заказ, но куплен в дорогом магазине. Глаза были бледно-бледно-синими, почти такие же светлые, как глаза волка Сэмюэля.

Сходство заставило меня захотеть понравиться. Он стоял почти застенчиво, когда другой мужчина обнял Эмбер.

— Привет, конфетка, — сказал муж Эмбер и, к моему удивлению, его голос звучал открыто и искренне.

— Спасибо за организацию ужина для нас в такой короткий срок.

Корбан Вортан был поразителен, а не красив. Его нос был слишком длинным для широкого лица. Глаза были темными, широко расставленными и улыбчивыми. Было что-то твердое и обнадеживающее в нем. Он имел вид человека, которого бы вы хотели видеть рядом в зале суда. Когда он посмотрел на меня, то кратко нахмурился, словно пытаясь разобраться, кем я была.

— Вы должно быть Мерседес Томпсон, — сказал он, протягивая мне руку.

У него было хорошее рукопожатие, рукопожатие политика — твердое и сухое.

— Зови меня Мерси, — сказала я. — Все так делают.

Он кивнул. — Мерси, это — мой друг и клиент Джим Блэквуд. Джим — Мерси Томпсон, подруга моей жены, которая решила нас навестить на этой неделе

Джим разговаривал с Эмбер и заняло лишь мгновение, чтобы он обратил свое внимание обратно на Корбана и меня.

Джим Блэквуд. Джеймс Блэквуд. Сколько Джеймсов Блэквудов было в Спокане, задалась я вопросом в немой панике. Пять или шесть? Но я знала, хотя сильный одеколон, который он носил, препятствовал мне чуять вампира — Я знала, что вряд ли мне сегодня повезет.

Он должен подумать, что я пахну так, словно у меня есть собаки, Бран заверил меня. И даже если он этого не сделает, даже если он знает то, кто я — я просто гостья. Он не может обижаться на это, правильно?

Я хорошо знала. Вампиры могли обидеться на все, что угодно.

— Мистер Блеквуд, — я поприветствовала его, когда он отвернулся от Эмбер. Пусть все будет просто. Я не знаю, могут ли вампиры чувствовать ложь, как волки, но я не собиралась говорить, — Очень приятно с вами познакомиться, — или нечто подобное, когда хотела быть за сотни миль отсюда.

Я сделала все возможное, чтобы сохранить на лице социальную улыбку в то время, как глупые мысли начали накапливаться. Как он собирается поесть с нами? Вампиры не едят. Не то, чтобы я когда-либо видела. Каковы были возможности разоблачения вампира, и не был ли это очередной заговор Марсилии?

Блэквуд не походил на вампира, который выполнит чьи-либо указания.

— Зови меня Джим, — сказал он мне, с ноткой британского акцента в голосе. — Мне жаль вторгаться в твой визит, но у нас были неотложные дела во второй половине дня, а Корбан настоял на том, чтобы привести меня в дом.

Его круглое лицо было веселым, а в рукопожатии чувствовалось гораздо больше

практики, чем у Корбана. Если бы у меня не состоялся небольшой разговор с Браном, я бы никогда и не догадалась, кем он был.

— Теперь пойдем ужинать? — предложила Эмбер, в спокойствии и под контролем сейчас, когда приготовления были завершены.

— Все готово, и не станет лучше, если будет стоять без дела. Боюсь, он получился простым.

Простым был перечный стейк с рисом и салатами, свежими булочками, в сопровождении с домашним яблочным пирогом.

Так или иначе, еда исчезла из тарелки вампира. Я не видела, как он ест или касается своей тарелки, хотя продолжала посматривать на нее одним глазком с болезненным увлечением. Может быть, небольшая надежда. Если бы я увидела, как хотя бы один кусок вошел в его рот, то я бы, возможно, считала его лишь тем, кем он хотел казаться.

Я молчала, а мужчины говорили в основном о бизнесе и контрактах на своем языке и (401(k)s) — и я была очень рада оставаться незамеченной. Эмбер вставляла предложения здесь и там, как раз, чтобы поддержать разговор. Я слышала, как Чад крадется в столовую и на кухню. Через некоторое время он остановился.

— Очень хорошая еда, как всегда, — сказал Эмбер вампир. — От красивого, обаятельного и прекрасного повара. Как я постоянно говорю Корбану, я собираюсь украсть тебя на днях. — Я почувствовала, как холод спустился по моему позвоночнику, он не лгал, но Корбан и Эмбер просто смеялась, как будто это старая шутка. Именно тогда, он посмотрел на меня. — Ты была ужасно тиха этим вечером. Корбан говорит, ты училась в колледже с Эмбер и ты из Кенневика.

Чем ты там занимаешься?

— Я исправляю вещи, — пробормотала я своей тарелке.

— Вещи? — Он казался заинтригованным, полная противоположность тому, на что я надеялась.

— Автомобили. Знакомьтесь Мерседес механик фольксвагенов, — сказала Эмбер с намеком на остроту, которая была ее торговой маркой в былые времена. — Но, держу пари, я до сих пор могу попробовать отыскать связь с королевскими семьями Европы или с немецкой овчаркой Гитлера. — Она улыбнулась Джеймсу Блэквуду, Монстру, тому, кто сохранял свою территорию свободной от вампиров или чего бы то ни было еще, что могло бы бросить ему вызов. Койот не был бы большой проблемой.

Эмбер болтала… почти нервно. Возможно она думала, что я подпрыгну и скажу ценному клиенту ее мужа, что они привели меня, чтобы поймать призрака. Она бы не стала волноваться по этому поводу, если бы знала кто он. — Из-за ее происхождения, ты бы мог подумать, что она — на половину индеец племени «черноногих» … или даже одна из их племени? … Во всяком случае, она никогда не изучала историю коренных американцев, только европейскую.

— Мне не нравится предаваться трагедии, — сказала я ей, отчаянно пытаясь казаться неинтересной. И именно в этом и заключается история коренных американцев, главным образом. Но теперь я просто ремонтирую автомобили.

— Блонди, — сказал Корбан. — так звали собаку.

— Кто-то сказал мне, что она была названа в честь комиксов Блонди, — добавила я. Это предположение привело к множеству споров среди нацистских любителей пустяков, я знала. Я надеялась, что разговор перейдет к Гитлеру. Он был мертв и не может сделать больше

вреда, в отличие от мертвого человека в комнате.

— Ты коренная американка? — спросил вампир. Он пытался поймать мой взгляд?

Я прекрасно умела избегать пристального взгляда других людей, словно не нарочно — полезный навык среди волков. Я посмотрела на его челюсти, и сказала, — На половину. По отцу. Хотя, я никогда не знала его.

Он покачал головой. — Я очень сожалею.

— Старые новости, — сказала я. Решив, что если Гитлер не в состоянии отвлечь его от меня, возможно, сможет бизнес. Это всегда срабатывало с моим отчимом. — Я так понимаю, Корбан благополучно защищает вашу компанию от судов?

— Он очень хорош в своей работе, — сказал вампир с приятной и притягательной улыбкой. — С ним около меня Отрасли промышленности Блэквуда останутся на плаву в течение еще нескольких месяцев, а?

Корбан сердечно и искренне рассмеялся. — О, я думаю, что несколько месяцев как минимум.

— Чтобы заработать денег, — сказала Эмбер, подняв свой бокал. — Достаточно много.

Я сделала вид, что потягиваю вино с остальными и была уверена, что моя идея зарабатывания денег была на несколько порядков меньше, чем у них.

Он наконец уехал, и это оказалось не столь ужасно, как я боялась. Монстр был очарователен и, я надеялась, не осознал, что я была чем-то кроме «не очень интересного» механика фольксвагенов. За исключением того одного момента, я главным образом избежала внимания.

Почти в эйфории от моего недавнего спасения, я не волновалась о призраках вообще, в то время как, переодевалась. Затем я вернулась вниз, чтобы помочь Эмбер с уборкой.

Должно быть, она волновалась приблизительно так же, потому что была почти столь же легкомысленной, как и я. У нас был импровизированный водный бой в кухне, который закончился в ничью, когда ее муж заглянул в дверной проем, чтобы узнать, что за шум, и чуть не получил губкой в лицо за беспокойство.

Благоразумие предполагало, что избежав обнаружения один раз, я должна отправиться домой утром. Но Эмбер была немного пьяна, так что я решила, что разговор может подождать. С чистой посудой, во влажной и мыльной одежде, я оставила Эмбер в кухне, в объятиях мужа.

Открыв дверь спальни, я нашла Чада по середине своей кровати, он сидел скрестив руки на груди. С порога я почувствовала запах его страха.

Я закрыла за собой дверь и окинула взглядом комнату. «Призрак»? — спросила я одними губами.

Он тоже оглядел комнату, потом покачал головой.

— Не здесь? В твоей комнате?

Он осторожно кивнул мне.

— Тогда пойдем в твою комнату.

Ужас исходил из каждой его поры, но он соскользнул с кровати и последовал за мной в свою комнату: храбрый парень. Он открыл дверь своей спальни осторожно, а потом толкнул ее, стараясь удержаться на ногах в коридоре.

— Я предполагаю, что ты обычно не держишь тот книжный шкаф на полу лицом вниз, — сказала я ему.

Он посмотрел на меня не одобряющим взглядом, но потерял часть своего страха.

Я пожала плечами. — Эй, у моего друга есть дочь — друг было таким несоответствующим словом — и у меня была пара младших сестер. Ни кто из них не содержит свою комнату в чистоте. Я должна была спросить.

За исключением книжного шкафа, было трудно сказать, какая часть беспорядка была нормальной средой обитания мальчика и сколько вызвал призрак. Но книжный шкаф, один из тех полуразмерных вещей, которые родители ставят в комнатах детей, было легко исправить. Я протиснулась мимо Чада в комнату. Книжный шкаф был еще легче, чем я думала.

Когда я начала раскладывать его книги, он опустился на колени рядом со мной и помог. Он прочитал всего понемногу, что, я думаю, стал бы читать и не полностью ограниченный положением ребенок: Парк юрского периода, Интервью с вампиром, и Лавкрафт находились рядом с Гарри Поттер и Наруто Манга в числе от одного до пятнадцати. Мы работали в течение приблизительно двадцати минут, чтобы поместить все на свои места, и к тому времени, когда мы закончили, он уже не боялся.

Однако, я могла ощущать его запах. Он наблюдал за нами.

Я потерла руки и огляделась — Ты обычно сохраняешь свою комнату опрятной, малыш?

Он серьезно кивнул.

Я покачала головой. — Тебе нужна помощь. Также, как и твоей маме. Моя младшая сестра держала окаменевшие обеды под кроватью, для пыльных кроликов, которых она там воспитывала.

Я сложила игру в аккуратную стопку. — Не хочешь сыграть в Морской бой? — Я не оставлю его одного тут с этой штукой.

Чад вооружился блокнотом, и мы пошли на войну. Исторически сложилось так, войны часто используются, как отвлечение внимания на проблемы у себя дома.

Мы оба лежали на животе на полу лицом друг к другу и стреляли из ракет. Позвонил Адам, и я сказала ему, что он должен подождать — битвы должны быть в приоритете перед романтикой. Он засмеялся, пожелал мне спокойной ночи и удачи, как тот старый военный корреспондент.

Двухточечные лодки Чада были чертовски хорошо спрятаны, и он уничтожил мой флот, в то время как я охотилась на него бесплодно.

— Ох! — Я плакала с чувством. — Ты потопил мой линкор!

Лицо Чада осветилось смехом, и кто-то постучал в дверь. Я предположила, что не должна была произвести много шума, так как Чад не мог слышать меня в любом случае.

— Входите, — сказала я. Прочитав по моим губам, Чад вдруг посмотрел на меня с ужасом, и я протянула руку, похлопав его по плечу.

Дверь распахнулась, и я развернулась в пол-оборота, оглянувшись к своим ногам, как бы посмотреть, кто это. Большинству людей, пришлось бы посмотреть, поэтому я так и поступила, но я слышала, что он идет — и Эмбер в своей жизни никогда не подкрадывалась рассердившись. Топала, да. Подкрадывалась, нет. Поверьте мне-любой хищник знает разницу.

— Разве уже не пора спать? — сказал Корбан. Он был одет в потную и старую футболку с логотипом «Сиэтл Сихокс». Его волосы были растрепаны, словно он был в постели. Я предположила, что разбудила его.

— Нет, — сказала я ему. — Мы играем в игры и ждем пока призрак себя обнаружит. Хочешь присоединиться к нам?

— Призраков не существует, — сказал он своему сыну, вслух и знаками.

Я начал любить Корбана за обедом, он походил на приличного парня. Но сейчас он вел себя как хулиган.

Я повернулась, пока не оказалась к нему лицом. — Неужели?

Он нахмурившись посмотрел на меня. — Не существует таких вещей, как призраки. Я рад, что ты приехала, и посетила нас, но я не одобряю поощрение всякой ерунды. Если ты скажешь ему, что здесь никого нет, он поверит тебе. У Чада и без того достаточно тех, кто и без повода считает его сумасшедшим. — Он продолжал подавать знаки, хотя говорил со мной. Я не знала, что он рассчитывал на то, что я приеду и просто скажу Эмбер и Чаду об отсутствии призраков.

— Он чертовски хороший флотоводец, — сказала я Корбану. — И я думаю, что он слишком умен, чтобы выдумывать призраков.

Он передал знаком мой ответ, тоже. Затем он сказал, — Он просто хочет внимания.

— Ему хватает внимания, — сказала я. — Он хочет перестать бояться, чего-то, что он не может видеть и слышать, и что устраивает беспорядок в его комнате. Я думала, ты тот, кто предложил, чтобы я приехала проверить это. Зачем ты это сделал если не веришь в призраков?

Раздался громкий хлопок, поскольку автомобиль, находящийся на вершине комода Чада, слетел вниз в попытке самоубийства, перелетел три фута через комнату, ударился о книжный шкаф, и упал на пол. Я наблюдала как он катался взад и вперед, слегка, краем глаза в течение последних пятнадцати минут, поэтому не подпрыгнула от неожиданности.

Чад не мог этого услышать, так что и он не подпрыгнул. Но Корбан сделал это.

Я встала и подняла машинку. — Можешь сделать это снова? — спросила я, поставив машинку обратно на шкаф.

Я опустилась на колени рядом с Чадом и посмотрела на него, чтобы он мог увидеть мой рот. — Это заставило упасть машинку. Мы сейчас все посмотрим и увидим, сможет ли оно это сделать снова.

Подавленный падением автомобиля, Корбан сел рядом с Чадом и положил руку ему на плечо, и мы все наблюдали, как машинка медленно поворачивается на месте, затем падает за шкаф.

Тогда книжный шкаф упал на пол вниз лицом, поверх пластмассового океанского флота Чада. Я мельком увидела кого-то стоящего там, с поднятыми вверх руками, затем ничего — и сладко-соленый запах крови, который я чувствовала, как только зашла в комнату, исчез.

Я осталась там, где была, в то время как Корбан проверил книжный шкаф и автомобиль на предмет устройств или цепей или чего бы то ни было еще. Наконец, он снова посмотрел на Чада.

— Ты сможешь спать здесь?

— Он ушел, — сказала я им обоим, и Корбан обязал меня показать это знаком.

Чад кивнул, и его руки взлетели. Когда он закончил, Корбан усмехнулся. — Я думаю, что это верно. — Он посмотрел на меня. — Он сказал мне, что призрак еще не убил его.

Корбан поднял книжный шкаф в вертикальное положение снова, и я посмотрела на разбросанные в беспорядке книги и части от игры.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я ждала, пока Чад не проследил мой путь. Тогда я указала на его эсминец с двумя отверстиями, явно видимого, окруженного белыми, бесполезными ракетными

ориентирами. — Так вот где ты спрятал его, ты маленький подхалим.

Он усмехнулся. Не полноценной улыбкой, но достаточной для того, чтобы я знала, что он будет в порядке. Крепкий малыш.

Я оставила их своим мужественным ночным ритуалам и вернулась в свою комнату, отложив все мысли о возвращении домой завтра. Я не собиралась оставлять Чада с призраком. Я до сих пор понятия не имела, как избавиться от него, но, возможно, я могла бы помочь ему жить с ним вместо этого. Он был уже на полпути.

Корбан постучал в мою дверь, через несколько минут, а затем резко открыл ее.

— Мне не нужно разрешение, чтобы войти, — сказал он. После чего уставился на меня мрачно. — Скажи мне, что ты не какой-то там инженер. Я проверил на провода и магниты.

Я подняла бровь. — Я никакой не инженер. Поздравляю. Ваш дом не дает покоя.

Он нахмурился — Я очень хорошо чувствую лож.

— К лучшему для тебя, — сказала я ему, искренне. — Сейчас я устала, и мне нужно идти спать.

Он отступил от моей двери и начал спускаться в холл. Но он не сделал и двух шагов, прежде чем повернул назад. — Если это призрак, в безопасности ли Чад?

Я пожала плечами. Честно говоря, запах крови беспокоил меня. Призраки, по моему опыту, как правило, пахнут, как и прежде. Миссис Ханна, которая иногда посещала мой магазин — как когда она была жива, так и после смерти — пахла мылом, ее любимыми духами, и кошками, которые делили с ней ее дом. Я не думаю, что кровь была хорошим знаком.

Тем не менее, я постаралась рассказать ему правду. — Я ни разу не была ранена призраком, и знаю лишь несколько историй, где кто-то пострадал, но в основном только ушибы. Колпак ведьмы, якобы, убил человека по имени Джон Белл в штате Теннесси пару веков назад, но это было, вероятно, нечто иное, нежели призрак. И старый Джон умер от яда, что Ведьма, как предполагалось, подбросила в его лекарство, что-то подобное могли сделать руки и более приземленные.

Он пристально посмотрел на меня, и я вернулась

— Ты встречаешься с оборотнем, — сказал он.

— Верно.

— И ты говоришь, что призраки существуют.

— И Другие, — сказала я ему. — Я работаю с одним. После вервольфов и Других, привидения не такой скачок теперь, не так ли?

Я закрыла дверь и легла спать. Через несколько долгих минут, он вернулся обратно в свою спальню.

Я обычно с трудом засыпаю в странных местах, но было очень поздно (или уже слишком рано), к тому же, мне не удалось вволю выспаться прошлой ночью. Я спала, как младенец.

Когда я проснулась на следующее утро, было два проколотых следа, в комплекте с изящным фиолетовым синяком, на моей шее. Они были прекрасным дополнением к швам на подбородке. И мое ожерелье с ягненком пропало.

Я рассматривала укус в зеркале в ванной и услышала в голове голос Сэмюэля, говоривший мне о том, что я не должна рассчитывать на Стефана, все еще являющегося моим другом … и Стефана дающего понять, что ему нужно кормиться, чтобы избежать обнаружения. Я знала, что были последствия укуса, но я не была уверена, какими они были.

Конечно, я встретила другого вампира прошлой ночью. На мгновение я надеялась, что это был он. Что Стефан не кусал меня, пока я спала. Тогда я действительно стала думать о том, чтобы быть укушенной Джеймсом Блэквудом, который пугал тех, кто пугал меня. И понадеялась, что это все таки был Стефан.

И все же, Стефан нуждался бы в приглашении в дом. Может я попросила его, и он каким-то образом стер память? Я надеялась на это. Это казалось меньшим из двух зол.

Дверь ванной распахнулась — я только что пришла, чтобы почистить зубы, поэтому она была не заперта. Чад уставился на мою шею, потом посмотрел на меня, широко раскрыв глаза.

И я надеялась, что это был Стефан, потому что я собираюсь остаться здесь, пока не помогу … так или иначе.

— Нет, — сказала я Чаду небрежно, — Я не лгала о вампирах. — Я решила, что не буду упоминать, что получила его вчера вечером, если он не догадался об этом сам. Он не должен был волноваться о вампирах так же, как о призраках.

— Я не должна была говорить тебе об этом, — сказала я. — И я была бы благодарна, если бы ты не говорил об этом своим родным. Вампирам больше нравится, если никто не знает, что они вокруг. И они принимают меры для обеспечения этого.

Он смотрел на меня мгновение. Затем застегнул воображаемую застежку-молнию через губы, запер невидимый замок, а ключ выбросил за спину: некоторые вещи универсальны.

— Спасибо. — Я закрыла крышкой зубную щетку и собрала свой комплект для ванной. — Больше не было проблем прошлой ночью?

Он покачал головой и провел запястьем по лбу, вытирая воображаемый пот.

— Хорошо. Призрак сильно активен в течение дня?

Он пожал плечами, подождал немного, потом кивнул.

— Так что я поговорю с твоей мамой, и, возможно, схожу на пробежку. — Не стоит бегать в форме койота по городу, особенно когда мои усилия остаться вне пути Джеймса Блэквуда уже потерпели неудачу так эффектно. Но если я не буду бегать много дней, то начну сходить с ума. — И затем мы сможем позаниматься твоей комнатой некоторое время. Где-нибудь еще призрак появлялся?

Он кивнул и изобразил еду и приготовление пищи.

— Только на кухне, или в столовой, тоже?

Он поднял два пальца.

— Хорошо. — Я посмотрела на часы. — Встретимся здесь в восемь. — Я вернулась в свою комнату, но я не почувствовала запах Стефана или что-нибудь из ряда вон выходящее. Не было никаких признаков моего ожерелья. Без него у меня не было никакой защиты от вампиров. Не то, чтобы оно принесло мне много пользы прошлой ночью.

Бегать по городу не одно из моих любимых занятий. Тем не менее, светило солнце, что делало маловероятным мое столкновение с вампиром, в ближайшее время. Я бегала в течении приблизительно полу часа, а затем помчалась к дому Эмбер.

Её машины не было на подъездной дорожке. У нее было чем заняться, она сказала мне — зайти по записи к парикмахеру, пробежаться по поручениям, и по магазинам. Я сказала ей — мы с Чадом развлечем себя самостоятельно. Тем не менее, я ожидала, что она дождется моего возвращения. Я не была уверенна, что оставила бы своего десятилетнего сына одного в доме с привидениями. Несмотря на это, он казался равнодушным, когда встретил меня у двери ванной, его часы, так же как и мои, показывали 8:00 утра.

Мы начали исследовать весь старый дом, с основания, и прокладывая путь все дальше. Не то, чтобы это было необходимым или важным для изучения, но мне нравятся старые дома, и у меня не было лучшего плана, кроме как ждать появления призрака. А если вдуматься, у меня не было плана лучше после того, как он появился.

Изгнание призраков не было тем, что я когда-либо пробовала, и все что я читала за эти годы (не так много) сводилось к тому, что сделать не правильно — гораздо хуже, чем не делать этого вовсе.

Подвал был переделан и обновлен некоторое время назад, но за небольшой старомодной дверью, была комната с земляным полом, заполненная деревянными ящиками из под молока и барахлом, которое некто хранил там достаточно долго.

Независимо от своей первоначальной цели, теперь это было идеальной средой обитания для черных вдов.

— Ничего себе. — Я указала в дальний угол потолка своим заимствованным фонариком. — Посмотри на размер этого паука. Я не знаю, видела ли когда-нибудь настолько больших.

Чад похлопал меня, и я посмотрела на его круг света, сосредоточенный на сломанном стуле со спинкой из перекладин.

— Да, — согласилась я. — Этот больше. Я думаю, что мы сейчас просто уйдем отсюда и посмотрим в другом месте, по крайней мере, пока не обзаведемся хорошей банкой спрея от пауков. Я закрыла дверь чуть более твердо, чем могла бы. Я не возражаю против пауков, и черная вдова — одна из красавиц своего вида … но они кусают, если вы стоите на их пути. Точно так же, как вампиры. Я потерла шею, чтобы удостовериться, что воротник моей рубашки и волосы все еще прикрывают мой собственный укус. Во второй половине дня я пройдусь по магазинам. Мне нужно подобрать шарф или рубашку с высоким воротом, чтобы лучше скрыть его от Эмбер и Корбана. Возможно, я смогу найти и другое ожерелье с ягненком.

Остальная часть подвала была удивительно чистой от мусора, пыли и пауков. Вероятно, Эмбер не была так запугана вдовами, как я.

— Мы не пытаемся узнать, кто этот призрак, — сказала я ему. — Хотя, я предполагаю, мы можем сделать это, если хочешь. Я просто смотрю вокруг, чтобы понять, что я могу заметить. Если это окажется уловкой, и кто-то с нами играет, я не хочу участвовать в этом.

Он хлестнул руками вниз, что не нуждалось в переводе, его глаза светились гневом.

— Нет, я не думаю, что ты это делаешь. — сказала я ему твердо. — Если вчера вечером это была фальшивка, то явно не любительского происхождения. Возможно, что кто-то сводит таким образом счеты с твоим отцом, и использует тебя для этого. — Я колебалась. — Но я не думаю, что это была подделка. — Зачем кому-то использовать запах свежей крови, слишком слабый для человеческого носа, например. Тем не менее, я чувствовала, что обязана быть настолько уверенной, насколько могла, в том, что никто не пытается нас обмануть.

Он обдумал это в течение некоторого времени, а затем, торжественно кивнув, указал на интересную вещь. В небольшой, пустой комнате за толстой дверью, которая, возможно, уже не отапливалась. Располагался старый желоб для спуска угля, с коробкой старых одеял в конце. Я просунула голову в металлический туннель и понюхала, лишь для того, чтобы подтвердить мои подозрения. Чад скатывался вниз по угольному желобу для удовольствия.

Его глаза озабоченно всматривались из под слишком длинных волос. Это не выглядело

опасным для меня, а скорее забавным. Более забавно, если об этом никто не знал, у меня было несколько мест, таких как это, когда я была в его возрасте. Так что, я ничего не сказала.

Я показала ему старые оголенные медные электрические провода, которые больше не используются, но все еще присутствуют, и следы разломов на гранитной брусчатке, использованной для стен в подвале. Мы проверили потолок подвала под кухней и столовой. Так как я не знала точно, что происходило в кухне и столовой, я не знала, что искать. Но причина его нынешнего состояния, была заложена незадолго до начала преследований — которые начались всего несколько месяцев назад. Все в той части подвала выглядело так, словно было старше меня.

Следующие два этажа были далеко не такими интересными, как подвал — никаких черных вдов. Кто-то полностью модернизировал их и осталось не так много следов на старых служебных лестницах и кухонном лифте.

Работа по дереву — красива, но из хвойной, а не лиственной древесины — хороший мастер, но не экстраординарный. Дом был построен кем-то из верхушки среднего класса, насколько я могла судить, а не одним из по-настоящему богатых. Мой трейлер был построен для действительно бедных, так что я хорошо разбираюсь в таких вещах.

Призрак не появлялся в комнате Чада с прошлой ночи — все было аккуратно — на местах. Как и сказал Корбан, не было никаких признаков проводов или цепи или чего-нибудь, что могло бы позволить автомобилю выстрелить через всю комнату. Я предположила, что это могло бы быть вызвано магией, я не много знаю о ней. Но я её не почувствовала, а я обычно могу сказать, если кто-то использует магию рядом со мной.

Я посмотрела на Чада. — Если мы не найдем что-то действительно странное на этаже выше твоей комнаты, я вполне уверена, что это реальное дело.

В моей комнате, щетка лежала на полу, но я не могла поклясться, что не оставила её там. Под буравящим взглядом Чада, я застелила свою кровать и засунула одежду, которую разбросала по всему полу, в свой чемодан.

— Реальная проблема заключается в: — Я сказала ему, когда привела в порядок мой беспорядок, и он сел на кровать, — том, что я не знаю, как заставить призрака оставить тебя в покое. Я вижу это лучше, чем ты, мне кажется — ты ничего не видел вчера, кроме того, как вещи перемещались вокруг?

Он покачал головой.

— Я видела. Не ясно, но я могла видеть его. Впрочем, я не знаю, как заставить его уйти. Это не призрак-ретранслятор, который просто повторяет определенные действия снова и снова. Здесь же, за всем, что он делает, стоит интеллект. — Я должна была проговорить ему это дважды, прежде чем он все понял.

Когда он это сделал, лицо Чада искривилось в сердитом ворчании и он зашипел.

Я кивнула. — Оно рассержено. Возможно, если мы сумеем понять, по какому поводу этот гнев, то мы сможем..

Что-то произвело огромный шум. Моя реакция, должно быть, передалась ему, потому что Чад встал и тронул меня за плечо.

— Что-то внизу, — сказала я ему.

Мы нашли источник в кухне. Холодильник был открыт и подвешен, а стена напротив него вмята, и измазана влажным и липким веществом, которым, вероятно, был апельсиновый сок. Контейнер лежал открытым на полу, вместе с полудюжиной бутылок

различных приправ. Кран включен на полную силу. Раковина закрыта пробкой и оперативно заполнялась горячей водой.

В то время, как Чад выключал воду, я осматривала комнату. Я покачала головой, когда Чад коснулся моей руки. — Я не вижу его.

Вздохнув, я начала уборку. Кажется, я часто занималась этим здесь. Я вымыла стену, а Чад пол шваброй. Не было ничего, что я могла бы сделать с вмятинами на стене, и, глядя на них, думала, может быть, некоторые из них были старыми.

Как только, все стало настолько хорошо, насколько могло, я организовала бутерброды и жареный картофель на обед. Подкрепившись, мы продолжили наши исследования, поднимаясь на чердак.

Было фактически два чердака. К тому, что был над комнатой Чада, вела узкая лестница, скрытая в шкафу в коридоре (возможно последний остаток лестницы для слуг). Я почти ожидала увидеть пыль и контейнеры для хранения, но на чердаке оказался современный офис с профессионально выглядящим компьютером, установленном на вишневом столе. В крыше были окна, создающие ощущение простора, чтобы компенсировать вишневые стены книжных шкафов адвокатской, отягощенных юридическими томами в кожаном переплете. Единственной причудливой особенностью была кружевная подушка на узком сиденье у окна перед единственным окном.

— Ты сказал есть еще один? — спросила я, стоя на лестнице, поскольку, войти в комнату, казалось, вторжением.

Чад направился к другой стороне второго этажа, и в спальню его родителей. Я удивлялась, почему офис был персонализированным и очаровательным, в то время, как спальня, профессионально оформлена до такой степени, что в ней могло быть одинаково комфортно, как в универмаге, так и в старом доме, безлико и холодно.

Внутри гардеробной, была большая прямоугольная дверь в потолке. Мы должны были достать стул и подтащить его под дверь прежде, чем я смогла дотянуться рукой до затвора, но дверь оказалась складной лестницей. Как только мы убрали стул в сторону, лестница опустилась вплоть до пола.

С фонарями в руках, мы, бесстрашные исследователи поднялись на чердак, который был более подходящим этому дому, чем предыдущий. По структуре, это было зеркальное отображение офиса, за исключением окон в крыше и великолепного вида. Свет пробивался через слой белой краски, который покрывал единственное окно, мерцая на частицах пыли, чей покой мы нарушили своим присутствием.

Четыре старых пароходных чемодана выстроились у стены рядом с педальной швейной машиной «Зингер», надпись была небрежной с замысловатыми золотыми буквами на поцарапанной деревянной стороне корпуса.

Здесь было гораздо больше пустых ящиков из под молока, но на чердак, по крайней мере, кто-то нашел способ не пустить пауков. Я не видела ползучих тварей вообще. Или даже большое количество пыли. Эмбер вполне можно доверять очистку чердака.

Чемоданы были заперты. Но увидев разочарованное выражение на лице Чада, я достала свой перочинный нож. Немного пошевелив, немного раскачав — в противном случае бесполезной — зубочисткой и острием ножа, и первый чемодан был открыт прежде, чем вы могли бы пропеть три стиха из «Девяноста девяти Бутылок Пива». Я знаю, потому что напеваю, когда вскрываю замки — дурная привычка. Так как у меня нет никакого желания, становиться профессиональным вором, тем не менее, я не потрудилась попробовать

оградить себя от этого.

Пожелтевшее постельное белье с плетеным кружевом по краям и вышитыми весенними корзинами, или цветами или какими-либо другими соответствующими женскими образами, заполняли первый чемодан, но второй оказался более интересным. Планы дома (которые мы вынули), дела, старые дипломы людей, имена которых были незнакомы Чаду, и горстка газетных статей, относящихся ко времени 1920-ых о людях с такой же фамилией, как в дипломах и делах. Главным образом смерть, рождение и уведомления о браке. Не было ни одного извещения о смерти, в которым бы упоминалось, что человек умер насильственной смертью, или в слишком молодом возрасте, я заметила.

В то время, как Чад детально изучал планы дома, расположившись на закрытой крышке первого чемодана, я остановилась, чтобы прочесть о жизни Эрмэлинды Гэй Холфенстер МакГиннис Кертис Олбрайт, заинтригованная чрезмерной фамилией. Она умерла в возрасте семидесяти четырех лет в 1939 году. Ее отец был капитаном по ту сторону гражданской войны, увез семью на запад, чтобы попытаться заработать состояние на древесине и железных дорогах. У Эрмэлинды было восемь детей, четверо из которых пережили ее и имели огромное количество своих детей. Дважды вдова, она вышла замуж за третьего за пятнадцать лет до своей смерти. Он был, если читать между строк, гораздо моложе, чем она.

— Вы идете, девушка, Сказала я восхищенно- в этот момент лестница захлопнулась так сильно, что результирующая вибрация по этажу, заставила отрываться Чада от своих планов. Но все же, он не услышал щелк замка.

Я нырнула к двери слишком поздно, конечно. Когда я приложила к ней свой нос, то не почувствовала ни единого запаха. В любом случае, я не могла придумать ни какой причины, по которой кто-то стал бы запирать нас на чердаке. Это не выглядело так будто мы были близки к гибели здесь … если кто-то не соберется поджечь дом или что-то в этом роде.

Мне в голову пришла полезная мысль и я решила, что, вероятно, это наш призрак. Я читала о привидениях которые поджигают дома. Не был ли Ханс Хольцер Борлей священник якобы сожжен своим привидением? Но тогда я была уверена, что Ханс Хольцер был мошенником в какой-то момент …

— Хорошо, — сказала я Чаду, — В любом случае, это говорит нам, что наш призрак мстителен и умен. — Он выглядел довольно потрясенным, сжимая планы таким образом, что заставил бы любого историка съежиться так же, как морщилась хрупкая бумага в его руках. — Мы могли бы продолжить исследования, тебе не кажется?

Он все еще выглядел испуганным, когда я сказала ему, — Твоя мама будет дома рано или поздно. Когда она поднимется наверх, мы сможем попросить ее выпустить нас. — Тогда у меня возникла идея. Я вынула телефон из своего переднего кармана, но когда позвонила по номеру, отложила это, так как услышала звонок ее телефона в спальне.

— У твоей мамы есть сотовый телефон? — Как оказалось был. Он набрал номер, и я стала слушать, как ее сотовый телефон рассказывал мне о том, что она была не доступна. Таким образом, я сказала ей, где мы были и что произошло.

— Когда она получит сообщение, то придет освободить нас, — сказала я Чаду, когда закончила. — Если она этого не сделает, позвоним твоему отцу. Хочешь узнать что в последнем чемодане?

Он был не в восторге от этого, но оперся на мое плечо, а я вскрыла последний замок.

Мы оба уставились на сокровище, которое обнаружили, когда открыли последний чемодан

— Ничего себе, — сказал я. — Интересно, твои родители знают, что здесь. — Я сделала паузу. — Интересно, стоит ли это чего-нибудь?

Последний чемодан был абсолютно полон старых записей, в основном черные, виниловые на вид и пометкой 78 оборотов в минуту. Должно быть, это был способ хранения, который я обнаружила. В одной куче были сложены все детские развлекательные истории о Гайавате, различные детские песни. И сокровища, Белоснежка в комплекте со сборником рассказов в альбомной обложке, которая выглядела, как будто это было сделано примерно в то же время, как в кино. Чад сунул нос в Белоснежку, так что я положил ее обратно в кучу.

Зазвонил мой сотовый телефон, и я проверила номер. — Не твоя мама, — сказала я Чаду. Я щелкнула, открыв телефон.

— Привет, Адам. Ты хоть раз слушал «Mello-Kings»?

Была небольшая пауза, и Адам запел сносным басом, — Цып, Цып, Цып пошла маленькая птичка … и что-то, что-то, что-то пошло мое сердце. Я предполагаю, что есть причина, раз ты спрашиваешь?

— Чад и я разбираем коробку со старыми записями, — сказала я ему.

— Чад? — Его голос был осторожно нейтральным.

— Десятилетний сын Эмбер. Я держу в руках пластинку «Mello-Kings» 1957 года выпуска. Я думаю, это может быть самая свежая здесь — нет. Чад только что нашел альбом Beatles … хм, обложка. Похоже, что запись отсутствует. Таким образом, «Mello-Kings», вероятно, самая новая вещь здесь.

— Понимаю. Не повезло в охоте на призраков?

— В некотором роде. — Я посмотрела с сожалением на закрытую дверь, что держала нас в плену. — А что насчет тебя? Как переговоры с Госпожой?

— Уоррен и Даррил должны встретиться с парой ее вампиров сегодня вечером.

— Какими?

— Бернардом и Вульфи.

— Скажи им, чтоб были осторожны, — сказала я ему. — Вульфи нечто большее, чем просто вампир. — Я столкнулась с Бернардом лишь раз, и он не произвел на меня впечатление или, может быть, я просто вспомнила реакцию Стефана на него.

— Иди поучи свою бабушку высасывать яйца, — сказал Адам спокойно. — Не волнуйся. Ты видела Стефана?

Я коснулась пальцами шеи. Как ответить на этот вопрос. — Я не знаю, возможно, он укусил меня вчера вечером, — казалось, это не совсем то, что нужно сказать. — Он скрывается до сих пор. Возможно, сегодня появится, чтобы поговорить.

Я услышала, как внизу открылась дверь. — Мне пора идти, Эмбер вернулась.

— Хорошо. Я позвоню тебе сегодня вечером. — И он повесил трубку.

Кто-то взбежал вверх по лестнице и в спальню. — Твоя мама дома, — сказала я Чаду, и начала складывать пластинки на место. Они были тяжелыми. Я не могла себе представить, сколько же весит весь чемодан. Возможно, их упаковали в чемодан когда он уже был на чердаке, или нашлось восемь здоровых вервольфов, чтобы внести его.

— Заперто, — сказала я Эмбер, когда она гремела дверью. — Я думаю, что на твоей стороне есть защелка.

Она тяжело дышала, когда стащила лестницу вниз.

Её внимание было полностью сосредоточено на Чаде, и она не потрудилась прибегнуть к речи, когда ее руки танцевали.

— У нас все хорошо, — прервала я ее. — У вас здесь есть пластинки в приличном состоянии. Вы их не оценивали?

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, как будто забыв обо мне. Её зрачки были… странными. Слишком расширенными, решила я, даже для тускло освещенного чердака.

— Записи? Я думаю, Корбан нашел их, когда мы купили этот дом. Да, он проверил их. В них нет ничего особенного. Просто старые.

— Ты хорошо провела время, делая покупки?

Она посмотрела на меня безучастно. — Покупки?

— Эмбер, с тобой все в порядке?

Она моргнула, потом улыбнулась. Она была настолько полна сладости и света, что по моей коже поползли мурашки. В Эмбер со читалось многое, но она не была сладкой. Что-то с ней было не так.

— Да. Я купила свитер и несколько ранних рождественских подарков. — Она отмахнулась. — Как вы застряли здесь?

Я пожала плечами, вернув на место последнюю пластинку, и затянув замок на чемодане. — Если у вас нет того, кто проникает в ваш дом, чтобы разыгрывать противные розыгрыши, я бы сказала, что это был призрак.

Я встала, собравшись пройти мимо нее в открытую дверь. И почувствовала запах вампира. Может быть Стефан остается здесь? Я сделала паузу, чтобы осмотреться, в то время как Чад прогремел вниз по чердачной лестнице, оставив свою мать и меня в покое с запахом вампира и свежей крови.

— Что случилось? — сказала Эмбер, делая шаг вперед.

От нее пахло потом, сексом и вампиром, который не был Стефаном.

— Все что ты делала, это только ходила по магазинам? — спросила я.

— Что? Мне привели волосы в порядок, я заплатила несколько счетов-вот и все. С тобой все в порядке?

Она не лгала. Она не знала, что была закуской для вампира. Сегодня.

Я посмотрела на дневной свет пробивающийся сквозь окна и знала, что мне отчаянно нужно поговорить со Стефаном.

Глава 7

Я ждала до темноты, потом спокойно пробралась через заднюю дверь во двор.

— Стефан? — позвала я тихо, чтобы никто в доме не услышал меня.

Это было не так глупо, как призывать его. Он пришел сюда, чтобы следить за мной. Это имело смысл, что он будет рядом, где-то. Наблюдать.

Я ждала полчаса, и все же, никакого Стефана. Наконец, я вошла внутрь и обнаружила Эмбер, которая смотрела телевизор.

— Я иду спать, — сказала я ей.

Её шея, я заметила, была открыта миру и не опорочена, но есть другие места, из которых может питаться вампир. Моя собственная шея была обмотана шарфом, одним из нескольких, купленных тем днем, во время веселого шоппинга, мной и Чадом. Единственной вещью, найденной мной, имеющей сходство с ягненком была заколка с овцой из мультфильма. Не совсем то, чтобы взывать к защите Сына Божия.

— У тебя усталый вид, — сказала она, зевая. — Я знаю, что опустошена. — Она приглушила телевизор и взглянула на меня.

— Корбан рассказал мне о прошлой ночи. Даже если ты не сможешь сделать ничего больше, это много значит для меня, ты убедила его, что Чад не делает все эти вещи сам, разыгрывая нас.

Я потерла укус вампира, надежно скрытый под ярко-красным шелком. У Эмбер была проблема гораздо серьезнее, чем призрак, но я понятия не имела, как помочь ей в этом.

— Хорошо, — сказала я. — Увидимся утром.

Как только я оказалась в своей комнате, я не смогла заставить себя заснуть. Я подумала, знал ли Корбан, кем был его клиент и знал ли, что вампир питался от его жены, или же он был жертвой обмана, как Эмбер. Я удивлялась странности Корбана, который не верил в призраков, но предложил Эмбер пригласить меня приехать и помочь им с ним. Но если это вампир решил привести меня сюда … Я понятия не имела, почему. Если это был не какой-то секретный заговор, путь для Марсилии, чтобы избавиться от меня, наказать меня за мои грехи, не беспокоясь о волках. Но я не видела, что бы Марсилия стремилась задолжать какому-либо вампиру — а вампир, который был настолько территориальным, что не позволял никаким другим вампирам охотиться в ее пределах, плохой кандидат для совместного решения проблем.

К слову о Блеквуде… он призвал Эмбер к себе днем. Я никогда не слышала о вампире, который был жив в течение дня, хотя по общему признанию мой опыт с вампирами был ограничен. Я задавалась вопросом, где же Стефан.

— Стефан? — сказала я, понизив голос. — Выходи, выходи, где же ты. — Возможно он не мог войти, потому что не был приглашен. — Стефан? Войди. — Но он все еще не отвечал.

Мой телефон зазвонил, и я не смогла унять глупых бабочек в животе, когда ответила.

— Привет, Адам, — сказала я.

— Я подумал, тебе будет интересно узнать, что Уоррен и Даррил вернулись живыми из логова вампиров.

Я затаила дыхание. — Ты согласился на встречу на территории Марсилии?

Он засмеялся.

— Нет, все оказалось лучше, чем ожидалось: они встретились в Denny’s. Это, конечно,

не очень романтично, но он открыт всю ночь, а на ярко освещенной стоянке нет темных мест, где можно было бы устроить засаду.

— Они добились чего-нибудь?

— Не совсем. — Он не казался взволнованным. — Переговоры требуют времени. Этот раунд был полон позерства и угроз. Но Уоррен говорит, что думает, вероятно, Марсилии нужно нечто большее, нежели твоя хорошенькая шкурка — Вульфи обронил пару намеков. Марсилия знает, что я буду непреклонен в отношении тебя, но она, возможно, готова вести переговоры относительно чего-то еще. Как у тебя дела?

— Посох последовал за мной сюда, — сказала я ему, поскольку знала, что это снова заставит его засмеяться.

Что он и сделал. И грубая нежность его радости заставила плавиться мои кости. — Просто не покупай овец, пока не вернешься, и будешь в безопасности.

У посоха, который следовал за мной домой и, в данном случае, в Спокан первоначально была власть, дающая всем овцам, принадлежащим его владельцу, по два ягненка-близнеца. Как и большинство даров фейри, рано или поздно он возвращался назад к Малому Народу — оставляя в опале своего владельца. Я не знала, работал ли он еще по такому принципу, как не знала и то, почему он преследовал меня, но я в каком-то роде уже привыкла к этому.

— Как успехи с твоим призраком?

Теперь, когда мы благополучно выбрались с чердака, я могла рассказать ему об этом, не рискуя, что он тут же бросится спасать меня. Если Блэквуд проигнорировал меня — по большей части, во всяком случае — он, конечно, не станет игнорировать Альфу Стаи Бассейна Колумбии.

Когда я закончила, он спросил, — Почему он заманил тебя в ловушку на чердаке?

Я пожала плечами и поерзала на кровати, чтобы найти более удобное положение. — Я не знаю. Наверное возможность просто представилась. Есть Другие, которые наносят вред, как эти — лешие, домовые и тому подобное. Но это был призрак. Я видела его. То, что я не видела, могло означать присутствие Стефана. Я немного беспокоюсь о нем.

— Он там, чтобы убедиться, не отправила ли Марсилия кого-нибудь за тобой. — Сказал Адам.

— Верно. — сказала я. — Пока все хорошо. — Я коснулась больного места на шее. Могло ли этому быть другое объяснение? Возможно, это был один из вампиров Марсилии?

Но неприятное ощущение в животе сказало мне, что этого не могло быть. Не с Блеквудом, способным свободно приходить и уходить в дом Эмбер. Не когда он вызывает, соблазняет и питается то Эмбер, при свете дня.

— Не возможно быть настолько старым, как Стефан, не будучи в состоянии позаботиться о себе.

— Ты прав, — сказала я, — но он был брошен на произвол судьбы, и я была бы счастливее, если бы он хоть иногда показывался.

— Он не сильно помог бы в охоте на призрака — разве призраки не избегают вампиров?

— Бран говорил, призраки и кошки, — сказала я ему. — Но моя кошка любит Стефана.

— Твоя кошка любит любого, кого сможет убедить себя погладить.

Кое-что в том, как он это сказал — с лаской в голосе — заставило меня насторожиться. Я внимательно вслушалась и услышала его, слабое мурлыканье.

— Она любит тебя, в любом случае, — сказала я. — Как она уговорила тебя пустить ее

снова в твой дом?

— Она вопила у задней двери. — Он казался робким. Я никогда не видела, и не слышала о кошке, которая бы общалась с оборотнями и койотами, пока Медея не заявила о своем присутствии у двери моего магазина.

Собаки — да, как и любой другой домашний скот, но не кошки. Медея любит тех, кто гладит ее … или имеет потенциал к этому. Мало чем отличаясь от некоторых людей, которых я знаю.

— Она играет с тобой и с Сэмюэлем, с каждым из вас, — сообщила я ему. — И вы, мой уважаемый господин, только что уступили ее хитрости.

— Моя мать предупредила меня об уступках, — сказал он кротко. — Ты должна спасти меня от меня самого. Когда у меня есть ты, чтобы приласкать, она мне не нужна.

Слабо, через его телефон, я услышала звонок в дверь.

— Довольно поздно для посетителей, — сказала я.

Адам рассмеялся.

— Что?

— Это — Сэмюэль. Он просто спросил Джесси, не видели ли мы твою кошку.

Я вздохнула. — Полегче парень. Тебе лучше пойти и признаться в своих грехах.

Отключившись, я уставилась в темноту, желая сейчас же оказаться дома. Если бы Адам спал рядом со мной, то чертов вампир не кусал бы меня в шею. Наконец, я встала, включила свет и достала старинную книгу фейри. Через несколько страниц, я перестала волноваться о вампире, натянув одеяло ближе, обняла себя за плечи и ушла с головой в историю о Ревущем Быке и других фейри.

Я проснулась, дрожа, некоторое время спустя, сжимая в руке посох, который я видела в последний раз, прислоненным к стене рядом с дверью. Древесина под моими пальцами была горячей, в отличие от остальной части комнаты. Холод был настолько сильным, что мой нос онемел, а дыхание было подернуто туманной дымкой.

Спустя момент после того, как я проснулась, высокий, атональный вопль пронзил стены дома, резко оборвавшись.

Я сбросила покрывало на пол. Редкую старую книгу постигла та же участь, но я слишком беспокоилась о Чаде, чтобы остановиться и поймать ее. Я выбежала из своей спальни и сделала необходимые четыре шага в сторону комнаты мальчика. Дверь не открывалась.

Ручка повернулась, а значит было не заперто. Я приложилась плечом к двери, но она не сдвинулась с места. Попыталась использовать посох, который был еще теплее, чем должен быть, как лом, чтобы открыть дверь силой, но и это не сработало. Там нигде не было подходящего места, чтобы им воспользоваться.

— Позволь мне, — прошептал Стефан позади меня.

— Где ты был? — сказала я, облегчение заставило меня быть резкой. С вампиром здесь, призрак уйдет.

— Охотился, — сказал он, приложившись плечом к двери. — Ты выглядела так, словно у тебя все под контролем.

— Да, — сказала я. — Ну, внешность может быть обманчива.

— Я вижу это.

Я слышала, как дерево начало разрушаться, поскольку подавалось неохотно первые несколько дюймов. Затем отпрянуло от вампира и бросилось к стене со злобным ударом,

заставив Стефана споткнуться в спальне.

Если моя комната была холодной, то комната Чада — просто ледяной. Мороз расстелился по всей комнате, как неземное кружево. Чад лежал неподвижно, словно мертвый, в центре кровати — он не дышал, но глаза были открыты и в панике.

Мы оба, Стефан и я, побежали к кровати.

Не смотря на это, призрак не исчез, Стефан не спугнул его. Мы не могли вытащить Чада из кровати. Стеганное ватное одеяло примерзло к нему и кровати, и не позволяло освободить его. Я уронила посох на пол, схватив одеяло обеими руками, и потянула. Оно дрожало в моих руках, как живое существо, влажное от мороза, который таял от контакта с моей кожей.

Стефан протянул руки прямо под подбородок Чада и разорвал одеяло пополам. Быстрым движением, как удар змеи, он поднял Чада и спрыгнул с кровати.

Я взяла посох, и последовала за ними из комнаты в коридор, жалея, что не освежала свои навыки первой помощи со школы.

Но, благополучно покинув комнату, Чад начал впитывать воздух, как вакуум.

— Тебе нужен священник, — сказал мне Стефан.

Я проигнорировала его в пользу Чада. — Ты в порядке?

Мальчик взял себя в руки. Его тело может и слабое, но дух — чистый вольфрам. Он кивнул, и Стефан поставил его на ноги, поддержав немного, когда Чад покачнулся.

— Никогда не видела ничего подобного, — призналась я. Я могла видеть, как внутри комнаты Чада бежала вода, по быстро очищающемуся окну. И, взглянув на Стефана, произнесла. — Я думала, призраки избегают вас.

Он тоже всматривался в комнату. — Я тоже. Я… — Он посмотрел на меня и замолчал. Наклонив подбородок, он посмотрел на мою шею, с обеих сторон. И я поняла, что была укушена уже дважды. — Кто это пожевал тебя, моя милая?

Чад посмотрел на Стефана, затем зашипел и использовал свои пальцы, чтобы изобразить пару клыков вампира.

— Да, я знаю, — сказал ему Стефан — показав это и в знаках, тоже. — Вампир. — Кто знал? Стефан мог общаться знаками; так или иначе, не казалось, что вампирам нужно уметь делать подобные вещи.

У Чада еще было, что сказать. И когда он закончил, Стефан покачал головой.

— Тот вампир не здесь; она не покинула бы Тройной город. Это другой. — Он посмотрел на меня, повернув лицо таким образом, что Чад не мог увидеть того, что он сказал. — Как ты это сделала? — спросил он в ходе беседы.

— Как у тебя получилось, попав в город с населением в полмиллиона, привлечь единственного живущего здесь вампира? Что ты сделала, столкнулась с ним во время ночной пробежки?

Я проигнорировала панику в животе, вызванной двумя укусами на шее, которые оставлены вампиром с которым я виделась лишь однажды. Проговорив это, паника отпустила. Но Джеймс Блэквуд укусил меня два раза, пока я спала… и что еще хуже, он заставил меня забыть это.

— Просто повезло, я думаю, — сказала я. Мне не хотелось говорить об этом при Чаде. Он будет в большей безопасности, если не будет знать о том, что Джеймс Блеквуд вампир.

Чад сделал еще несколько движений рукой.

— Прости, — сказал Стефан. — Я Стефан, друг Мерси.

Чад нахмурился.

— Он один из хороших парней, — сказала я ему. Он посмотрел на меня, — хорошо, но что он делает в моем доме в середине ночи. — Я сделала вид, что не понимаю, что это значит. И я не говорила на языке Амслен, к тому же. Не справедливо, предположила я, но я не хотела лгать ему — и, в то же время, не хотела говорить ему всю правду.

— Они должны уйти отсюда, — сказал Стефан. — И я забираю тебя обратно в Тройной город. — Казалось, он хотел сказать что-то еще, но взглянул на Чада и покачал головой. Наверное, что-то большее о Блеквуде.

— Позволь мне одеться, — сказала я. — Думаю, будет лучше, если я не стану бегать вокруг в футболке и нижнем белье.

Я одевалась в ванной, получив прекрасную возможность рассмотреть след второго укуса, что я и сделала. Затем, я прикрыла оба следа своим новым красным шелковым шарфом.

Вернуться домой? Чего я добьюсь этим? Если на то пошло, чего я добилась здесь?

Я приехала, чтобы помочь Эмбер и исчезнуть из поля зрения Марсилии на некоторое время. Это удалось — или, по крайней мере, не мешает переговорам Адама. Я не знала, помогла ли я Эмбер вообще… пока нет.

Я уставилась на бледное, изголодавшееся по сну лицо, и задалась вопросом, как я собиралась сделать это. Они были под заботой Блеквуда.

Я вздрогнула. Хотя нет, я ничего не могла определить точно, не было ни холода, ни запаха, ни звука — но я чувствовала как нечто наблюдает за мной. — Оставь мальчика в покое, — сказала я моему невидимому наблюдателю.

И каждый волос на голове ощущался с покалыванием.

Я ждала, что он атакует или покажется. Но ничего не случилось, просто мгновенная связь, которая исчезала медленнее, чем пришла.

Стефан постучал. — Все в порядке?

— Все хорошо, — сказала я. Что-то случилось, но я понятия не имела, что именно. Я устала, и испугана, и зла. Так что, я почистила зубы и открыла дверь ванной.

Стефан и Чад стояли, опираясь на противоположные стороны коридора, обсуждая что-то, что держало их руки в постоянном движении.

— Стефан.

Он развел руками и обратился ко мне. — Как он может думать, что Драконий жемчуг Зет лучше, чем

Скуби-Ду? Это поколение совсем не ценит классику.

Я встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Держа рот отвернутым от Чада, я сказала: — Ты хороший парень.

Стефан погладил меня по голове.

Я проверила спальню Чада, но она выглядела так, будто ничего не произошло, не осталось и следа влаги от мороза. Только два куска от стеганого одеяла по обе стороны кровати Чада, намекали на какие-либо неприятности.

— Есть несколько вампиров, способных делать такие вещи, как это, — сказал Стефан, обводя рукой комнату Чада.

— Перемещать предметы, не касаясь их, убивать людей, не будучи в комнате. Но я никогда не слышал о призраке, обладающем такой мощью. Они имеют тенденцию быть жалкими вещами, которые пытаются делать вид, что еще живы.

Я не чувствовала запаха вампира, только крови — постепенно рассеивающийся, вместе с морозом. Я видела призрака не ясно, но он там был. Тем не менее, я повернулась так, чтобы Чад не смог прочитать по моим губам. — Ты думаешь, Блеквуд притворяется призраком?

Стефан покачал головой. — Нет, это не Монстр. Неправильное наследие. Был индийский вампир в Нью-Йорке — Он посмотрел на меня и усмехнулся. Прижав палец ко лбу. — Индийский с точкой, а не пером. Во всяком случае, он и все принадлежащие ему, могли сделать нечто, что мы видели сегодня вечером … за исключением холода. Но только вампиры, которых он обратил непосредственно, могли это сделать — и он превращал в вампиров только индийских женщин. Они были все убиты столетие или более назад, и я думаю, что Блэквуд был его предшественником так или иначе.

Чад наблюдал за губами Стефана со всеми признаками восхищения. Он сделал несколько жестов, и Стефан подал знак, говоря: — Они мертвы. Кто-то убил их колом. Да, я уверен, что это был кто-то другой. — Он взглянул на меня. — Не хочешь, объяснить ребенку, что я больше Спайк, чем Баффи? Злодей, не супергерой?

Я похлопала ресницами, глядя на него. — Ты мой герой.

Он дернулся на несколько шагов от меня, будто я его ударила. Это заставило меня задуматься, что Марсилия сказала ему, когда пытала его.

— Стефан?

Он повернулся к нам с шипением и выражением, которое заставило Чада отступить ко мне. — Я вампир, Мерси.

Я не позволю ему уйти угрюмым, ненавидящим себя вампиром. Он заслуживает лучшего, чем это.

— Да, мы это проходили. Эти клыки, прямое доказательство. Переведи это для Чада, пожалуйста.

Я молчала, пока он делал это, его руки двигались рывками с раздражением. Чад спокойно стоял напротив меня.

Стефан продолжил общаться при помощи жестов, и сказал, почти с вызовом, — Я ни для кого не герой, Мерси.

Я повернула лицо, пока не взглянула непосредственно на Чада. — Как ты думаешь, это означает, что я не увижу его в спандексе?

Чад одними губами произнес последнее слово с озадаченным видом.

Стефан вздохнул. Он коснулся плеча Чада, и когда мальчик поднял голову, он пальцем написал «спандекс» — медленно. Чад сделал неприязненное лицо.

— Эй, — сказала я им, — понаблюдать за тем, как красивый мужчина бегает в облегающем костюме, находится достаточно высоко в моем списке вещей, которые я хотела бы сделать, прежде чем умру.

Стефан сдался и засмеялся. — Я не буду им. — сказал он мне. — Так что же нам делать дальше, Преследующая Охотница?

— Это довольно хромое супергеройское имя, — сказала я ему.

— Скуби-Ду уже занято, — сказал он с достоинством. — Все остальное звучит хромым в сравнении.

— Серьезно, — сказала я, — Я думаю, нам лучше пойти найти его родителей. — Которые, надо надеяться, мирно спят, несмотря на крик Чада и двери, сталкивающиеся со стенами, не говоря уже обо всем разговоре, который здесь состоялся. Теперь, когда я думала

об этом, это был плохой знак, что они не суетились здесь.

— Мы? Ты хочешь, чтобы я прошел с вами? — Стефан поднял бровь.

Я не стану просить Чада лгать своим родителям. И если что-то случилось с Эмбер и ее мужем, я хотела, чтобы Стефан был рядом. Их спальня была на противоположной стороне дома, от Чада и моей, их дверь была толстой — и они не обладали отличным слухом, как Стефан и я. Может быть, они спали. Я схватилась за посох.

— Да. Пойдем с нами, Стефан. Но, Чад? — Я удостоверилась, что он видел мое лицо. — Ты не станешь рассказывать своим близким, что Стефан вампир, ладно? По тем же причинам, которые я назвала тебе прежде. Вампирам не нравятся люди, знающие о них.

Чад напрягся и посмотрев на Стефана, вышел.

— Эй. Нет, не Стефан, — сказала я. — Он не против. Но другие будут. — И его отец, вероятно, также не поверит ему в этом и может рассказать обо всем Блеквуду. Блеквуд, в свою очередь, я уверена, не будет счастлив, если Чад будет знать о вампирах.

Таким образом, мы перекочевали в комнату Эмбер и открыли дверь. Внутри было темно, и я могла видеть две фигуры, все еще в постели. На мгновение я замерла, а затем поняла, что слышу их дыхание. На тумбочке рядом с Корбаном был пустой стакан, из под бренди — теперь я могла чувствовать его запах, упущенный в момент паники. А на стороне Эмбер стояла бутылочка с рецептом.

Чад скользнул мимо меня, перелез через подножки и к ним в постель. Здесь рядом с родителями, он уже не обязан быть храбрым. Холодные ноги сделали то, что не удалось всему произведенному шуму, и Корбан сел.

— Чад… — Он увидел нас. — Мерси? Кто это с тобой, и что вы делаете в моей спальне?

— Корбан? — Эмбер перевернулась. Голос у нее был немного вялый, но проснулся мгновенно, когда она заметила Чада, а затем и нас. — Мерси? Что случилось?

Я сказала им, опустив вампирский статус Стефана. На самом деле я не упоминала о нем, кроме как «мы». Они не заботились. Как только услышали, что Чад не дышал, они не волновались о Стефане вообще.

— Я никогда не видела ничего подобного, — призналась я им обоим. — Я вне своей лиги. И думаю, вам нужно увезти

Чада отсюда, в отель сегодня же вечером.

Корбэн выслушал все с каменным лицом. Он встал с кровати и схватил одежду, двигаясь почти в той же манере. Я слышала, как он идет по коридору, но он не вошел в комнату Чада. Просто остановился за ее пределами на мгновение и возвратился. Я знала, что он видел — только разорванное одеяло — и была рада, что он был там во время маленькой демонстрации с игрушечным автомобилем.

Он стоял в дверях своей спальни и смотрел на нас. — Во-первых, мы соберемся в течение нескольких дней.

Во-вторых, мы найдем отель. В-третьих, я поговорю с моим шурином, он священник-иезуит.

— Я отправлюсь домой, — произнесла я прежде, чем он мог сказать мне уйти и никогда не возвращаться. Мне нужно помочь им сделать что-то с Блеквудом, который перекусывал Эмбер, но я не знала что. И по слухам, никто и никогда не был в состоянии сделать что-то с этим вампиром. — Нет ничего, чем я могу помочь вам, и у меня есть работа, которую нужно выполнять.

— Спасибо, что пришла. — сказала Эмбер. Она встала с кровати и обняла меня. И я знала, что она была очень благодарна за убеждение ее мужа в том, что Чад не лгал. А я в свою очередь считала, что это было наименьшим из ее забот.

Через плечо, Корбан уставился на меня, как будто подозревал, что я каким-то образом вызвала все это. Я тоже думала об этом. Что-то усугубило поведение призрака, и я была очевидным местом для поиска причины.

Оставив их своим заботам, я упаковала свои собственные сумки, и обняла Эмбер снова, перед тем как уехать.

Она по-прежнему пахла вампиром — но с другой стороны, Стефан и я так же.

Стефан ждал, пока мы не выехали из Спокана, и проехали аэропорт прежде, чем он заговорил. — Хочешь, поведу я?

— Нет, — ответила я. Может быть, я устала, но мне не нравится давать водить мой Ванагон кому-либо. Как только Зи, и я вместе соберем Кролика, фургон вернется в гараж. Кроме того… — Я не думаю, что я буду спать снова в любое время в следующем тысячелетии. Как он укусил меня дважды без моего ведома?

— Некоторые вампиры могут сделать это, — сказал Стефан, таким же успокаивающим голосом, какой используют врачи, сообщая вам о том, что вы неизлечимо больны. — Это не входит в мои способности — или любого из наших, за исключением, возможно, Вульфи.

— Он укусил меня дважды. Это гораздо хуже, чем просто один раз, не так ли? — За моим вопросом последовала тишина.

Что-то зашевелилось в моем переднем кармане. Я дернулась, затем поняла, что произошло. Я вытащила свой вибрирующий сотовый телефон, не взглянув на номер. — Да? — возможно, прозвучало резко, но мне было страшно и Стефан не ответил мне.

После недолгой паузы, Адам сказал, — Что случилось? Твой страх разбудил меня.

Я быстро мигнула, жалея, что еще не была дома. Дома с Адамом, вместо того, чтобы ехать в темноте с вампиром.

— Мне жаль, что я побеспокоила тебя.

— Преимущество связи стаи, — сказал мне Адам. Затем, поскольку знал меня, добавил, — Я Альфа, и поэтому все узнаю первым. Больше никто из стаи этого не почувствовал. Что напугало тебя?

— Призрак, — сказала я ему, и вздохнув порывисто, добавила. — И вампир.

Он вытянул из меня всю историю. Затем вздохнул. — Только ты могла поехать в Спокан, и быть укушена единственным на весь город вампиром. Ему не удалось обмануть меня. За всей веселостью в его голосе, я, также, смогла услышать гнев.

Но если он притворяется, могу притворяться и я. — Это в значительной степени то же, что сказал и Стефан. Я не думаю, что это справедливо.

Откуда мне было знать, что лучший клиент мужа Эмбер — вампир?

Адам одарил меня печальным смехом. — Реальный вопрос состоит в том, почему мы не подозревали, что это могло произойти. Но теперь ты в безопасности?

— Да.

— Тогда это подождет, пока ты не доберешься сюда.

Он повесил трубку, не попрощавшись.

— Так, — сказала я, — скажи мне, что Блэквуд может сделать мне теперь, когда он кормился от меня два раза.

— Я не знаю, — сказал мне Стефан. Затем вздохнул. — Если я обменяюсь кровью с

кем-то дважды, я всегда могу найти его, не зависимо от того, куда он идет. Я могу призвать его — и если он рядом, я могу вынудить его приехать ко мне. Но это — при истинном обмене кровью — твоя мне, моя тебе. В конце концов … Можно создать отношения ведущий-ведомый с тем, с кем ты обмениваешься кровью. Предосторожность, я предполагаю, потому что недавно превращенный вампир может стать угрозой. Простое кормление менее рискованно. Но твоя реакция не всегда обычна. У тебя могут и не проявиться негативные последствия вовсе.

Я думала об Эмбер, которая кормила вампира, кто знает, сколько времени, и ее муже, который мог быть в том же положении, и чувствовал себя больным. — Из сковороды и в огонь, — сказала я. — Проклятие.

Хорошо. Мыслим позитивно. Если бы я не поехала в Спокан вообще, то у вампира все еще были бы Эмбер и ее муж, только никто не знал бы. — Если я была без сознания, он мог насильно обменяться со мной кровью?

Он вздохнул и опустился на свое место. — Ты не помнишь, как он укусил тебя. Но это не значит, что ты была без сознания.

Я не ожидала этого. У меня не было их после отъезда из Тройного города. Но мне удалось съехать на обочину, выпрыгнуть из фургона, и добраться до впадины холма у обочины дороги прежде, чем он настиг меня. Это была не болезнь… а чистый, абсолютный ужас. Паническая атака, которая должна положить конец всем паническим атакам. Мое сердце болело, голова болела, и я не могла перестать плакать.

И затем это остановилось. Теплота пробежала через меня и вокруг меня: стая. Адам. Вот так, не утруждая своих волков, которые уже были недовольны мной, моими проблемами. Стефан вытер мое лицо Клинексом и бросил его на землю, прежде чем взять меня на руки и отнести к машине. Он не посадил меня на водительское сиденье.

— Я могу вести, — сказала я ему, но не было никакой силы в моем голосе. Магия стаи прервала паническую атаку, но я все еще могла чувствовать ее в ожидании и готовности.

Готовую снова спасти меня.

Он проигнорировал мой слабый протест и включил передачу на старом фургоне.

— Есть ли причина, по которой он бы просто питался от меня, без обмена кровью? — спросила я, больше из болезненного желания знать все, а не испытывая реальную надежду.

— При обмене кровью, ты так же можешь призвать его, — сказал Стефан неохотно.

— Сколько? Всего один обмен?

Он пожал плечами. — Варьируется от человека к человеку. С твоей идиосинкразией к магии вампиров, на это могут потребоваться сотни или лишь раз.

— Когда ты говоришь, я могу позвать его. Означает ли это, он должен прийти ко мне?

— Отношения между вампиром и тем, от кого он питается, не равны, Мерси, — отрезал он. — Нет. Он слышит тебя. Вот и все. Если ты будешь обмениваться кровью со всей своей пищей — он осекся — голоса в голове могут свести тебя с ума. Так что мы делаем это лишь со своими овцами. Есть некоторые преимущества. Овца становится сильнее, не восприимчива к боли в течение короткого времени, как ты знаешь из собственного опыта. Вампир получает слугу, и в конечном итоге раба, который охотно кормит его и заботиться о его потребностях в течение дня.

— Прости, — сказала я ему. — Я не хотела разозлить тебя. Я просто должна знать, что мне противостоит.

Он протянул руку и похлопал меня по колену. — Я понимаю. Извини. — Следующие

слова шли медленнее. — Это стыд для меня, быть тем, кто я есть. Человек, которым я был, никогда не согласился бы жить за счет стольких. Но я не он, больше.

Он вжал педаль в пол (мы шли в гору). — Если бы он кормился от тебя, потому что ты была удобна, то он, вероятно, не делал обмен … если только …

— Если только — что?

— Я не думаю, что он смог бы заблокировать твою память так хорошо, без реального обмена. С человеком, да. Но ты упряма. — он пожал плечами. — Большинство сильнейших вампиров кормится от других вампиров. Блеквуд не потерпит никаких других вампиров на его территории, и я не знаю, как у него это получается. Может быть, он компенсирует разницу путем обмена кровью, когда питается.

Я размышляла над тем, что он сказал мне, и немного задремала. Я вздрогнула и проснулась, когда мы въехали на шоссе 395 в Ритцвилле. Только чуть больше семидесяти миль, пока мы не вернемся домой.

— Он не сможет заставить тебя, если ты найдешь другого вампира, и свяжешь себя с ним, — сказал Стефан.

Я посмотрела на него, но он пристально смотрел на дорогу, как будто мы прокладывали себе путь через горы Монтаны, а не скользили вниз по пустому участку, в основном равного и прямого тротуара.

— Ты предлагаешь?

Он кивнул. — Я рискованно нуждаюсь в еде. Обмен накормит меня лучше, и я не должен буду охотиться снова в течение нескольких ночей.

Я на минуту задумалась. Не то, чтобы я собиралась это сделать, но за его предложением стояло гораздо больше — с вампирами, я знала, было именно так. Со Стефаном, не обязательно означало, что он скрывает какую-либо пользу для себя.

— И ты наживешь себе врага, — догадалась я. — Джеймс Блэквуд занимает Спокан, совершенно один, вопреки всем сверхъестественным народам, а не только вампирам. Значит он одержим собственничеством — и жестокостью. Он не обрадуется, узнав, что ты защищаешь меня от него.

Он пожал плечами.

— Он, вероятно, не может вызвать тебя на всем пути от Спокана и когда ты находишься в Tri-Cities. Он, вероятно, даже не попробовал бы, если он обменивает кровь каждый раз, когда питается. Но если ты будешь привязана ко мне, то в этом можно быть уверена. — Он говорил медленно. — У нас уже был один обмен крови. И я могу уверять, что это не будет ужасно.

Если Блеквуд призовет меня к себе, если захочет взять меня, как одну из своих овец, Адам приведет стаю, чтобы спасти меня. Мэри Джо уже едва не заплатила самую высокую цену за мои проблемы. А до тех пор, пока я остаюсь в Тройном Городе, он даже может не понять, что причина, по которой он не может призвать меня, Стефан.

— Адам моя пара, — сказала я ему. Я не знала, должна ли я сказать ему, что Адам сделал меня одной из стаи. — Может ли Блеквуд заполучить Адама через меня?

Стефан покачал головой. — Я не могу так или иначе. Это пробовали сделать. Наш старый Господин … создатель Марсилии, любил волков и экспериментировал. Узы крови работают на другом уровне, от стаи вервольфов. Он взял подругу Альфы, она тоже была вервольфом, в свой зверинец, с надеждой контролировать Альфу и всю его стаю через нее, и потерпел неудачу.

— Марсилия любит оборотней на обед, — сказала я. Я видела это своими глазами.

— Из того, что я видел, я бы сказал, что кормление от них вызывает привыкание, — он взглянул на меня. — Я никогда не делал этого сам. Лишь в ту ночь. Я не собираюсь делать этого снова.

Я собиралась принять или самое глупое решение в моей жизни, или самое умное.

— Это навсегда? — спросила я. — Эта связь между нами?

Он наградил меня острым взглядом. Начал что-то говорить, но остановился прежде, чем слова слетели с его губ. Наконец, он сказал: — Я уже рассказал тебе сегодня вечером такие вещи, о которых многие вампиры не знают. Запрещенные вещи. Если бы я принадлежал Марсилии по-настоящему, или если бы она не разорвала мою связь с семьей, я бы не смог рассказать тебе большую часть.

Он постучал пальцем по рулю и гигантский Honda Accord пронесся мимо нас.

— Он двигается как вялый школьный автобус, — сказал он. — Странный, это должна быть такая забава.

Я ждала. Если ответ был да, и связь является постоянной, он не был бы таким нерешительным. Если это не так то, как только будет ликвидирован Блэквуд, она может быть удалена. Временная связь со Стефаном была не так страшна, как, скажем, более постоянные связи между Адамом и мной.

— Марсилия может разорвать связи между ведущим и овцой, сказал он. — Она может либо взять их себе, или просто распустить их.

— Это не очень полезная информация, — сказала я ему. — У меня сложилось впечатление, что она убьет нас, как только увидит.

— Есть такое, — сказал он тихо. — Да. Но я думаю о нескольких вещах, на которые он намекал, Вульфи также может сделать это. — Его голос стал очень холодным и не-похожим-на-Стефана. — И Вульфи должен мне на столько, что даже после того, как Марсилия объявила меня врагом Семьи, он не сможет отказать мне в просьбе. — Он расслабился и покачал головой. — Но как только связь между нами разорвется, ты будешь снова уязвима перед Блеквудом.

Я не находила Вульфи менее опасным, чем Марсилия. Но тогда, у меня не было выбора, не так ли? Я оставила Эмбер, пока я не могла ей помочь, но я не могла оставить Эмбер, чтобы она умерла от прихоти Блэквуда. Я задалась вопросом, чувствовал ли Зи все еще себя достаточно должным мне, за мою помощь в спасении его жизни, чтобы позволить мне использовать вновь его ножа и амулета, с которыми я уже охотилась на вампиров. Возможно даже есть волшебный кол.

Я никогда не рассматривала всерьез убийство Марсилии, как способ спастись. Во-первых, я была в Семье.

Во-вторых, у нее слишком много приспешников, которые в свою очередь убьют меня.

Так почему же я думаю, что я могу убить Блеквуда?

Я знала, я знала, что Джеймс Блэквуд показал не свое истинное лицо вампира. Но я встречалась с ним, и он был не слишком страшным. У него не было фаворитов. И он использовал Эмбер без ее ведома или разрешения, превратив ее в своего раба: женщину, которая оставила своего ребенка в одиночестве в доме с привидением и почти незнакомцем. Я не могла помочь Эмбер с призраком … может быть, из-за меня стало бы даже еще хуже. Но я могу помочь ей с вампиром.

— Хорошо, — сказал я. — Я бы предпочла, чтобы — я чуть не задохнулась от

следующего слова — слушать тебя, чем его.

Он посмотрел на меня с большим удовольствием. — Ладно, согласился он.

Он остановился в зоне отдыха. Был ряд трейлеров припаркованых на ночь, но много мест для машин еще пустовало. Он расстегнул ремень безопастности и прошел между передними сиденьями к задней части фургона. Я медленно последовала за ним.

Он сел на заднее сиденье и похлопал по месту рядом с ним. Когда я начала колебаться, он сказал: — Ты не обязана делать этого. Я не собираюсь заставлять тебя.

Если бы Стефан не вмешался, Блеквуд, вероятно, смог бы заставить меня делать то, что хотел. И у меня не осталось бы никакого способа, чтобы помочь Эмбер.

Конечно, если Марсилия убьет меня первой, то мне не придется беспокоиться об этом.

— Я подвергаю Адама и его стаю большой опасности? Спросил я.

Стефан оказывал мне любезность, хотя я могла чувствовать запах его нетерпения: он ощущался, словно волк идущий по горячим следам за чем-то вкусным. Если бы я побежала, я задавался вопросом, был бы он вынужден преследовать меня, как это сделал бы оборотень?

Я смотрел на него и напомнила себе, что я знала его давно. Он никогда не сделал бы и шага, если по его мнению, это причинит мне вред. Это был Стефан, а не какой-то безымянный охотник.

— Я не вижу, как, — сказал он мне. — Адаму не понравится, я уверен в этом. Вспомнить только его реакцию, когда я позвал тебя случайно. Но он человек практичный. Он знает все об отчаянных мерах.

Я села рядом с ним, слишком сознавая прохладную температуру его тела, холодильник, подумал я как обычно. Я была рада узнать, что это поможет ему, тоже. Я очень, очень устала от того, что не приношу своим друзьям ничего, кроме горя.

Он пригладил волосы на моей шее, и я поймал его за руку.

— А как насчет запястья? Последний раз он укусил мое запястье.

Он покачал головой. — Это более болезнено. Слишком много нервов вблизи поверхности. Он посмотрел на меня. — Ты мне доверяешь?

— Я бы не стала этого делать, если бы не доверяла тебе.

— Хорошо. Я собираюсь удерживать тебя немного, потому что если ты попытаешься вырваться пока я еще у твоей шеи, ты можешь заставить меня прорезать неправильные вещи, и ты можешь истечь кровью до смерти. — Он не оказывал давление на меня, просто сидел на плюшевом сидении, как будто он мог остаться там до конца своей жизни.

— Как. Спросила я.

— Я положу руки на твой живот, и я буду держать их там.

Я проверила себя на панику, но Тим никогда не удерживал меня так. Я старалась не думать о том, как он держал меня и это помогла мне.

— Подойди к передней части фургона, сказал Стефан. — Ключи в замке зажигания. Тебе придется отправиться домой, потому что я не могу остаться. Я должен охотиться сейчас.

Обняв себя я прижалась к нему. — Хорошо, сделай это.

Его рука медленно легла мне на плечи и прошлась по моей правой руке. Когда я остался на месте, он положил руку на руку таким образом, что я не могла освободиться.

— Все в порядке? Спокойно спросил он, как будто это было необходимо, он посмотрел на меня и глаза его были яркими, как рождественские огни в темноте фургона.

— В порядке. Сказала я.

Зубы должно быть были острыми как бритва, потому что я не почувствовала как они прорезли кожу, только прохладную влажность его рта. Только когда он начал вытягивать кровь я почувствовала боль.

Кто кормится за моим столом?

Рев в голове заставил меня паниковать, поскольку это было не от укуса Стефан. Но я вела себя очень тихо, как мышь, когда она впервые замечает кошку. Если вы не двигаетесь, она не может атаковать.

На мгновение рот Стефана остановился. Затем он возобновил кормление, похлопывая меня по колену свободной рукой. Это не должно было быть утешить меня, но так произошло. Он также услышал страшного монстра, и у того ничего не вышло.

Через некоторое время боль уменьшилась, и сквозь нее бессловесный рев гнева эхом отдававшийся в моей голове стал приглушенным. Я начал чувствовать холод, как будто это была не просто кровь которую он пил, а словно все тепло выкачивалась из моего тела. Затем рот оторвался от шеи, и он стал зализывать раны языком.

— Если ты посмотришь в зеркало, прошептал он: — Ты не увидишь мои проколы. Он хотел, чтобы ты увидела то, что он сделал.

Я вздрогнула беспомощно, и он поднял меня на колени. Он был теплый, горячий против моей холодной кожи. Он поднял меня немного и вытащил складной нож из кармана. Он использовал нож чтобы порезать себе запястье, как сделал бы тот, кто хочет покончить жизнь самоубийством.

— Я думала, что запястье было слишком болезненным, мне удалось протолкнуть через вибрирующие челюсти мою вялую мысль.

— Для тебя, сказал он. — Пей, Мерси. И заткнись. Легкая улыбка появилась на его лице, он откинул голову назад, чтобы я не могла больше увидеть выражение его лица.

Может быть, это должно было обеспокоить меня больше. Может быть, так бы и случилось, если это происходило обычной ночью. Но брезгливость была выше моего понимания. Я охотилась, как койот в течение большей части моей жизни, и никогда не отказывалась от еды. Вкус крови не был ничем новым или ужасным для меня, и даже не тогда, когда это была кровь Стефана, он не умрет и ему не будет больно или что-нибудь еще.

Я приложила губы к его запястью и закрыла рот над разрезом. Стефан шумно втянул воздух, но это не прозвучало, словно ему было больно. Он положил свободную руку на мою голову, потом убрал ее, как будто он не хотел принуждать меня даже немного. Это был мой выбор, который должен быть сделан свободно.

Его кровь не была на вкус как у кролика или мыши. Это было больше, горькая и сладкая, в одно и то же время.

В основном она была горячей, раскаленной, а мне было холодно. Я пила, пока порез под моим языком медленно не закрылся. И я вспомнила этот вкус. Как еда в Макдональдсе два раза в день, и тот же заказ еды. У меня была мгновенная вспышка памяти, просто голос Блэквуда в моих ушах.

Я не помню, что он сказал или что сделал, но после краткого воспоминания я свернулась калачиком на сидении, мой лоб оказался на бедре Стефана, а я плакала. Стефан убрал свое запястье в сторону и использовать другую руку, чтобы погладить меня по голове.

— Мерси, сказал он мягко. — Он не сможет сделать это снова. Не теперь. Ты моя. Он не сможет затмить твой разум или заставить тебя сделать что-нибудь.

Своим приглушенным тканью его джинсов голосом я сказала: — Значит, ты можешь

читать мои мысли?

Он рассмеялся. — Только в то время когда ты пьешь. У меня нет такого таланта. Твои мысли находятся в безопасности. Его смех смыл голос Блэквуда.

Я подняла голову. — Я рада, что я не помню ничего больше из того, что он сделал, сказала я Стефану. Но я думала, что мое желание увидеть тело Блэквуда горящим, как это было с Андре более личная причина, чем просто то, что он сделал с Эмбер.

— Как ты себя чувствуешь? спросил он

Я перевела дыхание и оценила себя. — Потрясающе. Как будто я смогу добежать отсюда до Тройного Города быстрее, чем ван сможет нас довести.

Он рассмеялся. — Я не думаю, что это правда … если только у нас спустит колесо.

Он встал, и казалось выглядел лучше, чем я видела его с тех пор … с тех пор, как он упал на пол моей гостиной, выгледя как нечто, что было похоронено более ста лет. Я встала и должна была снова сесть.

— Баланс, сказал он. — Это немного похоже на опьянение. Это скоро пройдет, но я бы лучше отвез нас домой.

Я должна была чувствовать себя ужасно. Какой-то слабый голосок мне подсказывал, что я должна была поговорить с моим Альфой прежде чем что-либо делать … необратимое.

Но я чувствовала себя прекрасно, лучше чем прекрасно и это была не просто кровь вампира. Я чувствовала, что действительно контролирую свою жизнь, в первый раз после нападения Тима. Которое было довольно забавно в данных обстоятельствах.

Но я приняла решение отдать себя во власть Стефану.

— Стефан? Я смотрела на фары проезжающих мимо машин на другой стороне дороги.

— Хмм.

— Кто-нибудь говорил тебе, что кто-то нарисовал на двери моего магазина? Я постоянно забываю спросить его об этом, хотя последующие события сделали это более очевидным, что это было своего рода угрозой Марсилии.

— Никто не говорил мне ничего, сказал он. — Но я видел это сам. Фары отразились красным в его глазах. Как вспышка камеры, только страшнее. Это заставило меня улыбнуться.

— Это сделала Марсилия?

— Почти наверняка.

Я, возможно, оставила бы все так. Но у нас было время, и я словно слышала голос Брана в моей голове который говорит, информация важна, Мэрси. Узнай все подробности которые только сможешь.

— Что же это значит?

— Это знак предателя, сказал он. — Это означает, что один из наших собственных предал нас, и она, и все, кто принадлежит к ней ставят метку. Объявление войны.

Это было не больше, чем я ожидала. — Там какая-то магия в нем, сказал я ему. — Что она делает?

— Не позволяет тебе закрашивать это долгое время, сказал он. — И если он остается там на долго, ты начнешь привлекать гадости, которые не имеют никакого отношения к вампиру.

— Потрясающе.

— Ты всегда можешь заменить дверь.

— Да, сказала я ему мрачно. Может быть, страховая компания сможет заменить ее,

когда я объясню, что кости не могут быть закрашены, но это лишь мои надежды.

Мы ехали некоторое время молча, и я беспокоилась о последних нескольких днях, пытаясь увидеть, было ли что-то, что я пропустила или что-то, что я должна была сделать по-другому.

— Эй, Стефан? Почему я не смогла почувствовать запах Блеквуда после того как он укусил меня? Сегодня вечером я немного отвлеклась, но вчера, после первого укуса, я проверила.

— Он понял кто ты после того как попробовал тебя. Стефан потянулся, и фургон качнулся немного с его движением. — Я не знаю, возможно он пытался заставить тебя считать его человеком, или может он всегда ведет за себя таким образом. В прежние времена, на нас охотились не только по запаху, и не только оборотни, но и по вещам, которые остались позади, волосы, слюна или кровь. Многие из старших вампиров всегда удаляли следы от своего логова и из их охотничьих угодий.

Я почти забыла, что они могли бы сделать это.

Изменения в звуке двигателя автомобиля, когда он замедлился из-за городского движения, разбудил меня.

— Ты хочешь, пойти к себе домой или к Адаму? спросил он.

Хороший вопрос. Хотя я была уверена, что Адам понял бы, почему я это сделала, но я точно не ждала с нетерпением обсуждения этих вопросов с ним. И я слишком устала, чтобы проити через то, что я хотел сделать и что я собиралась убить Блеквуда. Я действительно хотела поговорить с Зи, прежде чем поговорю с Адамом, и я хотела, получить хороший, долгий сон, прежде чем сделаю все это.

— Ко мне.

Я снова задремала, когда фургон резко замедлился. Я посмотрел вверх и увидела, почему: там кто-то стоял посреди дороги, глядя вниз, как будто она что-то потеряла. Она не обращала никакого внимания на нас.

— Ты знаешь ее? Мы были на моей дороге, всего в нескольких минутах от дома, поэтому вопрос Стефана был разумным.

— Нет.

Он остановился около десятка метров, и она, наконец, подняла голову. Урчание двигателя фургона улеглось, и Стефан оглянулся, а затем открыл дверь и вышел из машины.

Неприятности.

Я сняла одежду, распахнула дверь, и перешла в другую форму, как только выскочила. Койот не может быть большим, но у него есть клыки и когти, которые бывают удивительно эффективным. Я скользнула под фургон и под передний бампер, где Стефан склонился, скрестив руки на груди.

Девушка уже была не одна. Три вампира стояли рядом с ней. Первых двух я видела и раньше, но я не знаю их имен. Третьей была Эстель.

В логове Марсилии когда-то было пять вампиров, которые достигли такой силы, что они не зависели от Хозяйки в борьбе за выживание: Стефан; Андре, которого я убила; Вульфи, мастер в теле мальчика; Бернард, который напоминал мне купца из романа Диккенса, и Эстель, Мэри Поппинс живых мертвецов. Я никогда не видела чтобы она одевалась, как гувернантка короля Эдуарда, и сегодняшний вечер не стал исключением.

Как будто он ждал меня, чтобы я появилась на его стороне, Стефан посмотрел на меня, потом сказал: — Эстель, как приятно тебя видеть.

— Я слышала, что она не уничтожила тебя, Эстель сказала в своей чопорной английской манере. — Она тебя пытала, морила голодом, изгнала тебя, потом послала убить твою маленькую суку койота.

Стефан развел руками, как будто, чтобы продемонстрировать себя, что он жив … цел и невредим. — Это, как вы слышали. В голосе его звучали музыкальные интонации, и акцент был более итальянским, чем обычно.

— Но вот ты, ты и эта сука.

Я зарычала на нее, и услышала улыбку Стефана в его ответе. — Я не думаю, что ей нравится, когда ее называют сукой.

— Марсилия сумасшедшая. Она была безумной, еще когда проснулась двенадцать лет назад, и она не стала лучше со временем. Голос Эстель смягчился, и она шагнула вперед. — Если бы она была не в обиде, она никогда не замучила бы твоих фаворитов.

Она, очевидно, ждала ответа от Стефана, который не прозвучал. — У меня есть предложение для тебя, сказала она ему.

— Вместе, мы сможем положить конец страданиям Марсилии. Ты знаешь, что она бы призвала тебя, если бы только поняла кем она стала. Она нас всех уничтожит из-за ее одержимости возвращением в Италию. Это наш дом, где мы не будем присмыкаться ни перед кем. Италия ничего не значит для нас.

— Нет, сказал Стефан. — Я не пойду против Госпожи.

— Она твоя хозяйка не более, зашипела Эстель. Она шагнула вперед, пока я не прижалась к ноге Стефана. — Она пытала тебя, я сама это видела, видела то, что она сделала. Тебя, того который любит ее, она издевалась и морила голодом, и сдирала кожу с тебя. Как ты можешь поддерживать ее сейчас?

Стефан не ответил.

И я знала, с абсолютной уверенностью, что я была права, доверяя ему, чтобы защитить меня, он не превратит меня в свою бессмысленную рабыню. Стефан не отвернется о тех, кого любит. Это не имеет значения.

Эстель всплеснула руками. — Идиот. Дурак. Она уйдет, либо от моей руки либо Бернарда. И ты знаешь, что лучше будет в моих руках, чем этого дурака Бернарда. У меня есть контакты. Я могу сделать нас процветающими, пока даже королевский двор Италии не сможет создать нам конкуренцию.

Стефан спокойно прислонился к фургону. Он плюнул на землю с нарочитой медлительностью.

Она напряглась, в ярости от оскорбления, и он мрачно улыбнулся. — Сделай это, сказал он и, движением запястья и магией, словно в эпизоде Горца, он держал меч в одной руке. Это было скорее эффективно, а не красиво: смертельно.

— Солдат, ты пожалеешь об этом, сказала Эстель.

— Я сожалею о многих вещах, — ответил он, и голос его был острым и холодным, охваченый гневом. — Сегодня вечером я даю тебе возможность уйти. Может быть, я не должен этого делать.

— Солдат, — сказала она. — Вспомни, кто был тем, кто предал тебя. Ты знаешь, как связаться со мной, не жди, пока это станет слишком поздно.

Вампиры покинули это место со сверхъестественной скоростью, словно гонятся за своими человеческими приманками. Стефан ждал с мечом в руке, в то время как автомобиль мурлыкнул и ожил и одна из черных фар Мерседеса загорелась. Он промчался мимо нас и

исчез в ночи.

Он огляделся, затем спросил меня:

— Ты чувствуешь что-нибудь Мэрси?

Я понюхала воздух, но не было ни кого за исключением Стефана, вампиры ушли … или находились против ветра. Я покачал головой и побежала назад к фургону. Стефан, как джентльмен, остался ждать снаружи, пока я не оделась.

— Это было интересно, сказал я, когда он сел в машину и включил передачу.

— Она дура.

— Марсилия?

Стефан покачал головой. — Эстель. Она не сможет противостоять Марсилии. Бернард … он жестче и сильнее, даже если он моложе. Вместе, они смогут управлять, но это будет без меня.

— Мне показалось, что они не смогут работать вместе. Сказала я.

— Они будут работать вместе, пока не достигнут своих целей, будут бороться за них. Но они дураки, если думают, что смогут дойти до этого. Они забыли или никогда не знали, чем Марсилия может быть.

Он остановился на дороге, и мы оба вышли из фургона.

— Если я буду нужен тебе, если ты снова услышишь голос Блеквуда, позови меня- просто подумай, назови мое имя, как ты хочешь, чтобы я оказался рядом, и я приду. Он выглядел мрачным. Я надеялась, что это было из-за встречи с Эстель, а не волнение из-за меня.

— Спасибо.

Он провел большим пальцем по моей щеке. — Подожди некоторое время, прежде чем благодарить меня. Ты можешь изменить свое мнение.

Я погладила его по руке. — Решение принято.

Он отвесил мне небольшой поклон и исчез.

— Это просто так здорово, — сказала я в пустоту, и вдруг так устала, что едва могла держать глаза открытыми, я вошла в дом и заснула, добравшись до постели.

Глава 8

Адам сидел на ногах в моей кровати, когда я проснулась следующим … днем. Он прислонился к стене читая старый экземпляр Книги Пяти Колец. Она покоилась на спине Медеи, которая мурлыкала, виляя хвостом-и издавала звуки которые издают скорее собаки, чем кошки.

— Разве ты не должен быть на работе? спросил я.

Он перевернул страницу и сказал с отсутствующим голосом, — Мой босс очень уступчив.

— Однако не платят зарплату за уклонение, размышлял я. Где я могу найти такого босса, как твой?

Он усмехнулся. — Мэрси, даже если Зи был бы твоим боссом, он не такой. Я понятия не имею, как тебе удается найти кого-нибудь кто бы хотел слушать …, если ты сама не хочешь. Он отметил свое место и положил книгу рядом с собой. — Мне очень жаль, что с экзорцизмом ни чего не вышло.

Я так не считала. — Это зависит от твоего мировоззрения, я полагаю. Я узнала кое-что … ты знал, что Стефан знает язык жестов? Ты думаешь, почему вампиры должны научиться жестам? Всегда ли призраки безвредны. Я всегда думала, единственное как призрак может убить, это если он просто испугает кого-то до смерти.

Он ждал, проводя пальцами по моим пальцам ног сквозь одеяло. Другой рукой он растирал голову Медеи, просто чесал за ушами. Адам умеет слушать лучше, чем большинство людей. Так что я рассказал ему то, что я не сказала раньше.

— Я думаю, что это, возможно, была моя вина.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока я не пришла, он не делал ничего такого … просто, обычные вещи полтергейста. Перемещал предметы. Страшно конечно, но все было в порядке, не было опасно. Когда я приехала все изменилось. Чада почти убили. Призраки просто не поступают так, даже Стефан это сказал. я думаю, что я сделала что-то, из-за чего стало только хуже.

Он крепче сжал мои пальцы. — Случалось ли что-то подобное когда-либо с тобой раньше?

Я покачал головой.

— Тогда, возможно, ты просто утверждаешь то, во что веришь. Может быть, это произошло бы в любом случае, и если ты не была там со Стефаном, мальчик бы умер.

Я не была уверена, что он был прав, но признаться мой страх отступил и это позволило мне чувствовать себя лучше, во всяком случае.

— Как Мэри Джо? Спросил я.

Он вздохнул. — Она — все еще немного … не в себе, но Сэмюэль теперь уверен, что она будет в порядке через несколько дней. — Он расслабился и улыбнулся мне немного. — Она готова выйти и взять на себя всю семью совершенно одна. Она также сказала Бену, что если он будет держать язык за зубами, то она с удовольствием разденется рядом с ним. Мы решили, что будем знать о ее полном выздоровлении, когда она перестанет флиртовать с ним.

Я не смогла удержаться от смеха. Мэри Джо была раскрепощенной настолько, насколько это только могла женщина, и обращение в вервольфа ничуть этого не изменило.

Бен был женоненавистником самого высокого (или самого низкого, в зависимости от вашей точки зрения) порядка, и в качестве бонуса имел грязный рот. Вдвоем они походили на пламя и динамит.

— Нет больше проблем с вампирами? Спросил я.

— Нет.

— Но на переговорах не многого добились, сказал я.

Он кивнул спокойно. — Не волнуйся так, Мэрси. Мы можем позаботиться о себе.

Может быть, было именно так, как он сказал …

— Ну и что ты сделал?

— У нас есть пара гостей, проживающих у нас. Ни один из них, кажется, ни имеет способность Стефана исчезать по желанию.

— И вы будете держать их, пока …

— Пока мы не простим их за события у дяди Майка и не получим оплату за вред нанесенный Мэри Джо. А так же соглашение, что они не повторят что-то подобное снова.

— Как ты думаешь, вы получите это?

— Бран позвонил ей, чтобы передать наше требование. Я уверен, что мы получим все.

Напряженность в моей груди ослабла. Единственной вещью, о которой действительно заботилась Марсилия, была семья. Если Бран будет вовлечен в битву, семья Марсилии погибнет. У вампиров в Тройном городе нет той численности, которую Маррок может ввести в игру — и Марсилия знает это.

— Так ей придется сосредоточиться на мне, сказал я.

Он улыбнулся. — Соглашение состоит в том, что она не нападет на стаю, если только один из нас вновь и непосредственно не нападет на нее.

— Она не знает, что я в стае, — сказала я.

— После того как мы получим извинения и обещания от нее в письменной форме, я с большим удовольствием сообщю ей об этом.

Я села и повернулась, пока не оказалась на четвереньках и мое лицо было в дюйме от его. Я легонько поцеловала его. Он держал руки на кошке.

— Мне нравится, как вы работаете, мистер, сказал я. — Могу ли я вас заинтересовать блинчиками, которые я собираюсь сделать после того, как приму душ?

Он склонил голову и углубил поцелуй, хотя он оставил свои руки, там где они были. Когда он отодвинулся, ни один из нас ровно не дышал.

— Теперь ты можешь сказать мне, почему ты пахнешь Стефаном, сказал он, почти нежно.

Я подняла руку и понюхала. Я действительно пахла как Стефан, хоть нам и пришлось ехать домой в фургоне.

— Странно.

— Почему от тебя пахнет вампиром, Мэрси?

— Потому что мы обменялись кровью, сказал ему я, а потом объяснила, что Стефан рассказал мне о вампирских укусах на пути из Спокана. Я не могла вспомнить, какая часть должна была быть тайной, а какие части нет, но он не задавал вопросов. я не собиралась утаивать что-нибудь от Адама, не тогда, когда он включил меня часть своего договора.

Стефан был уверен, что ни он, ни Блеквуд не были бы в состоянии влиять на волков через меня. Но я не знаю достаточно о магии пары, чтобы быть уверенной, и я не думаю, что он знал. Единственное, что я поняла, что Адам был согласен с тем, что я сделала, хотя я

знала, что он не в восторге по этому поводу.

К тому времени, как я закончила, он сбросил Медею на пол (теперь он должен был бы искупить свою вину, если хотел прикоснуться к ней снова сегодня) и начал ходить по комнате. Он продолжал ходить по кругу. Остановился он, когда был в другом конце комнаты и бросил на меня несчастный взгляд.

— Стефан лучше, чем Блеквуд.

— Я тоже так думаю.

— Почему ты не рассказала мне о Блеквуде после первого укуса? спросил он. Он звучал … болезненно.

— Я не знаю.

Он издал короткий, надрывный смешок. — Я пытаюсь. Я действительно пытаюсь. Но ты тоже должна немного склониться Мэрси. Почему ты не сказала мне, что происходит, пока вы не были еще на обратном пути сюда? Пока не было еще слишком поздно что-либо делать с этим.

— Я должна была.

Он посмотрел на меня темным, раненым взглядом. Так что я попытался это исправить.

— Я не привыкла расчитывать на других людей, Адам. Я начал медленно, но слова пришли быстрее, поэтому я продолжила.

— И … я обхожусь тебе так дорого в последнее время. Я думала об укусе вампира. Ик. Страшно … Но это, казалось, не слишком вредно. Как гигантский комар или … привидение. Пугающе, но не вредно. Я была укушена раньше, ты помнишь, и ничего плохого не случилось. Если бы я сказала тебе, ты заставил бы меня вернуться домой. а там был Чад, тебе бы он понравился, этот десяти-летний ребенок такой смелый, гораздо смелее чем большинство взрослых, которого терроризируют призраки. я думала, что смогу помочь. и я могла оставаться на расстоянии от Марсилии так, что она выслушает вас. Он не был взволнован до Стефана, и это было правильно, прежде чем мы вернулись домой, но после второго укуса, я поняла, что существует нечто более опасное около них.

Я беспомощно пожал плечами, смаргивая слезы, которые непроизвольно потекли. — Мне очень жаль. Это было глупо. Я глупая. Я не могу двигаться вперед, не делая все только хуже. Я отвернула свое лицо.

— Нет, сказал он. Кровать осела когда он сел рядом со мной. — Все в порядке. Он осторожно толкнул меня плечом. — Ты не глупа. Ты права. Я бы заставил тебя вернуться домой, даже если бы мне пришлось забирать тебя самому связаной и с кляпом во рту. И этот мальчик, Чад, умер бы.

Я наклонился немного к его плечу, и он подался немного назад.

— Ты никогда не попадала в беду, такую как эта — развлечение сквозило в его голосе. — За исключением нескольких памятных событий. Может быть, этим ты и понравилась той женщине, у дяди Майка. Он не назвал, имя Бабы Яги. Я не виню его. — Может быть, ты превращаешься в маленького Койота, и хаос следует за тобой. Он коснулся моей шеи слегка. — Этот вампир пожалеет об этом.

— Стефан?

Он засмеялся, и на этот раз искренне. — Он, тоже, наверное. Но я не буду ничего делать по этому поводу. Нет, я говорил о Блеквуде.

Адам, был рядом, пока я принимала душ, и он ел блины, которые я сделала после этого. Самуэль вернулся домой в то время пока мы ели. Он выглядел усталым и пахло от него

антисептиками и кровью. Не говоря ни слова, он вылил остатки теста в сковороду.

Когда Самуэль выглядил так, это значило, что у него был плохой день. Кто-то умер или остался калекой, и он не был в состоянии это исправить.

Он взял приготовленные блины и сел за стол рядом с Адамом. После того, как он облил их кленовым сиропом, перестал двигаться. Просто смотрел на лужицу жидкого сахара, как если бы он раскрыл тайны Вселенной.

Он покачал головой. — Я предполагаю, что мои глаза были больше, чем мой аппетит. Он бросил еду в мусоропровод и запустил его, затем посмотрел вниз.

— Так что же на этот раз? Спросил я. — Джонни упал и сломал руку или моя жена врезался в дверь?

— Малышку Элли покусал ее питбуль, — проворчал он, щелкнув выключателем, воспользовавшись паузой. И искусственно высоким голосом он сказал, — Но Игги такой хороший. Уверена, он кусал меня пару раз. Но он всегда обожал Элли. Он присматривал за ней, пока я принимала душ. — Он немного спустил пар, а потом сказал, уже своим голосом, — Ты знаешь, это не питбули. Это люди, которые владеют ими. Те люди, которые хотят питбуля — это самые последние люди, у которых должна быть собака. Или ребенок. Кто оставит двухлетку наедине с собакой, которая уже убила щенка? Так что, теперь собака умрет, девочка пройдет курс реконструктивной хирургии и, вероятно, у нее останутся шрамы, а ее мать — идиотка, которая вызвала все это, останется безнаказанной.

— Его мама, вероятно, будет винить себя всю оставшуюся часть ее жизни, решила я. — Это не тюремное заключение, но она будет наказана.

Самуэль посмотрел на меня исподлобья. — Она была слишком занята убедившись, что все знают, что это не ее вина. Через некоторое время, люди будут сочувствовать ей.

— То же самое произошло и с немецкими овчарками пару десятков лет назад, сказал Адам. — Потом с доберманами и ротвейлерами. И те, кто страдает это дети и собаки. Ты не способен изменить человеческую природу, Сэмюэль. Кто-то, кто видел столько, сколько ты, должен знать, когда не стоит бороться.

Самуэль повернулся, чтобы что-то сказать, получил хороший вид на мою шею, и замер.

— Я знаю, сказала я. — Только я могла приехать в Спокан и получить единственного вампира во всем городе который укусил меня в первый день как только я оказалась там.

Он не смеялся. — Два укуса означают, что он владеет тобой Мэрси.

Я покачал головой. — Нет два обмена кровью означает, что он владеет мной. Так я попросила Стефана укусить меня снова, и теперь мной владеет Стефан вместо Бугимена из Спокана.

Он оперся бедром о стойку, скрестил руки на груди, и посмотрел на Адама. — Ты одобрил это? Он звучал недоверчиво.

— С каких это пор Мэрси стала бы посить моего одобрения или утверждения … или у кого-то еще, прежде чем она сделала что-то? Но я бы сказал ей идти вперед, если бы она спросила меня. Стефан лучше чем Блеквуд.

Сэмюэль нахмурился. — Она сейчас занимает второе место в вашей стае. Это придает прав Стефану в вашей стае, а также над Мэрси.

— Нет, сказал я ему. — Стефан сказал нет. Он говорит, что уже были такие случаи и это не сработало.

— Вампир создает своих овец. Голос Самуила стал громче, более глубоким и грубым с беспокойством, так что я не обиделась на указание овцы. Однако я могла бы при других

обстоятельствах, даже если бы это было правдой.

— Когда он говорит тебе призвать волка, у тебя не будет никакого выбора. И если вампир, у которого ты раб, рассказывает другую историю-я знаю, что однажды я бы усомнился в этом. Старые вампиры лгут лучше, чем говорят правду.

Последнее был афоризм оборотней. И правда ли, что ложь вампира может быть трудно обнаружить. У них не было ни пульса, и они не потели. Но до сих пор их ложь чувствовалась.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть как будто Самуэль не беспокоит меня. — Ты можешь спросить Стефана, сегодня вечером о том, как это работает, если ты хочешь.

— Если она призавет стаю, то должна использовать меня, чтобы это сделать, сказал Адам. — Она не сможет сделать это, если я не позволяю ей.

Я старалась не показывать что почувствовала облегчение. — Хорошо. Не позволяй мне призывать стаю некоторое время, хорошо?

— Некоторое время? Сказал Самуэль. — Разве Стефан сказать тебе, что он в силах отпустить тебя через некоторое время? Может быть, когда Блеквуд потеряет интерес? Вампир никогда не отпускает своих овец, кроме как в смерти.

Он был напуган из-за меня. Я видела это. Вот только это не остановит меня от огразания на него в любом случае. — Смотри. У меня были варианты. Я не говорила им, что мог Вульфи разорвать связь между Стефаном и мной. Это было сказано мне по секрету, и я действительно стараюсь не рассказать все, что кто-то говорит мне в тайне. За исключением, может быть, Адаму.

Он закрыл глаза и выглядел больным. — Да. Я знаю. — Вампир не может взять Альфа волка в качестве своей овцы, сказал Адам. — Может быть, мы сможем поработать над тем, чтобы освободить Мэрси, когда появится такая возможность. Что мы не можем себе позволить, так это оказаться неподготовленными чтобы избавиться от Стефана. — Он иронически приподнял брови — с Бугименом из Спокана необходимо покончить. Я с Мэрси. Если тебе придется слушаться вампира, то Стефан не худший выбор.

— Почему вампир не может взять Альфу? Спросил я.

Это был Сэмюэль, тот кто ответил мне. — Я почти забыл это. Это способ того, как работает стая, Мерси. Если вампир недостаточно силен, чтобы подчинить каждого волка в стае, и всех сразу, он не сможет захватить Альфу. Это не значит, что подобное не может произойти, есть пара вампиров в Старом Свете … нет, большинство из них ушли, я думаю. Во всяком случае, здесь нет ни одного, способного на это.

— А как насчет Блеквуда? Спросил я.

Сэмюэль с сожалением пожал плечами. — Я никогда не встречал Блэквуда, и я не уверен, встречал ли Па. Я спрошу.

— Сделай это, — сказал Адам. — Тем временем это делает Стефана еще более благоприятным выбором. Он не стремится к власти. Я думаю, что в основном стоит обратить внимание на тесные связи между Блеквудом и твоей подругой Эмбер.

Я потеряла аппетит. Выскоблив начисто свою тарелку, я положила ее в посудомоечную машину. Мне тоже. Убийство Блеквуда было единственным решением, которое я видела. Я начала ставить свой стакан в посудомоечную машину, но передумала и снова наполнила его клюквенным соком. Его резкость подходит моему настроению.

— Мерси? — Адам, очевидно, спросил меня о чем-то, что я не слышала.

Я посмотрела на него, и он спросил меня снова. — У Блэквуда есть отношения и с

Эмбер и с ее мужем?

— Верно, — сказала я ему. — Ее муж-его адвокат, и Блеквуд, питается Эмбер и… — казалось, это то, что я должна скрывать. Но я ощущала запах секса на ней. — В любом случае, я не думаю, что она знает что-либо. Она думала, что в свое отсутствие делала покупки. — Ее муж? Я не хочу, чтобы он был частью этого.

— Я вполне уверена, он не знает, что его клиент охотится на Эмбер. Но я не знаю, сколько еще он знает.

— Когда появился призрак? — Сэмюэль выглядел мрачным. — Как долго у них были проблемы с призраком?

Я должна была подумать об этом. — Не долго. Несколько месяцев.

— Примерно в то время, когда обнаружился вампир, находящийся во власти демона, — сказал Адам.

— И что? — сказала я. Это никогда не попадет в газеты.

Адам повернулся к Сэмюэлю, двигаясь так, что каждый, кто видел бы это знал, что он был хищником.

— Что тебе известно о Блеквуде?

Голос и поза Адама были слишком агрессивны для альфы, стоя в кухне Самуэля.

В другой день, в другой раз, Сэмюэль бы отступил. но у него был плохой день … и я думаю, случай с вампиром этому поспособствовал. Он зарычал и выдернул руку, чтобы оттолкнуть Адама назад.

Немного отступая, Адам поймал его и ударил, затем прочно встал на ноги.

Плохо, я думаю, что старалась даже не двигаться. Это было очень плохо. Мощность, сила с ароматом мускуса вибрировала по всему дому, делая воздух плотным.

Они оба были на пределе. Они были бы доминантами-тиранами, если бы я позволила им это. Но их самая сильная, самая настоятельная необходимость была защитить.

Недавно, находясь под их защитой. мне был причинен вред, Первый раз Тимом, а второй Блеквудом и в меньшей степени — Стефаном. Это сделало их так опасно агрессивным.

Быть оборотнем не тоже самое, что быть человеком с горячим нравом — это баланс: человеческой души против инстинктивных побуждений хищника. Надавите на это слишком сильно, и животное выйдет из под контроля, и волка не беспокоит, кто именно причинил боль.

Самуэль был более доминирующим, но он не был альфой. Если дело дойдет до драки, ни одному из них не поздоровится. Через несколько вдохов, пауза перед боем окажется слишком долгой, и кто-то умрет.

Я схватила полный стакан сока и вылила его на них, словно тушение лесного пожара наперстком клюквенного сока. Они стояли почти нос к носу, так что я попала в них обоих. Ярость в их глазах, когда они обратили свой взгляд ко мне вызвала бы у обычного человека желание бежать. Но я знала, что лучше.

Я съела кусочек блина из тарелки Адама, который приклеился к задней части моего горла. Потом потянулась через стол и взяла чашку кофе Самуэля, прополоскав клейкий комок в моем горле.

Вы не можете притворяться, что не боитесь оборотней. Они знают. Но вы можете встретить их взгляд, если вы достаточно сильны. И если они позволяют вам это.

Адам закрыл глаза и сделал несколько шагов назад, пока его спина не уперлась в стену.

Самуэль кивнул мне, но я увидела больше, чем он бы хотел мне показать. Он был гораздо лучше, но не был счастливым волком с которым я выросла и которого знала. Может, он не был столь спокойным, как я когда-то думала, но он был лучше, чем сейчас.

— Прости, сказал он Адаму. — Плохой день на работе.

Адам кивнул, но не открыл глаз. — Я не должен был на тебя нажимать.

Самуэль взял полотенце из ящика и намочил его в раковине. Он вытер клюквенный сок с лица и протер им волосы, что заставило их торчать в разные стороны. Если вы не могли увидеть его глаза, то, возможно, подумали бы, что он был еще ребенком.

Он схватил второе полотенце и тоже намочил его. Потом сказал:-Вытрись, и бросил его Адаму. Тот поймал его одной руке даже не глядя. Это могло бы выглядеть более впечатляющим, если бы одна мокрая часть не ударила его по лицу.

— Спасибо, сказал он … сухо, а вода стекала по его лицу вместе с клюквенным соком. Я съела еще кусок блина.

К тому времени, как Адам очистился, его глаза стали ясными и темными, а я покончила со своими блинами и взяла использованное полотенце Самуэля, чтобы вытереть беспорядок на полу. Я думаю, что Самуэль сделал бы это сам, но не перед Адамом. Кроме того, это я устроила весь этот беспорядок.

— Итак, сказал он Самуэлю, не глядя прямо на него. — Знаешь ли ты что-нибудь о Блеквуде кроме того, что он опасная часть работы, и что нужно держаться подальше от Спокана?

— Нет, сказал Самуэль. — Я не думаю, что мой отец тоже что-то знает. Он махнул рукой. — Но, я спрошу. Он найдет информацию о том, сколько стоят его бизнес-интересы. Где он проживает и имена всех людей, которых он подкупил, чтобы не вызывать ни у кого подозревая, что он есть. Но это не слишком то и важно, зная Блеквуда. я бы с уверенностью сказал, что он большой и очень плохой, в противном случае, он бы не оставался в Спокане в последние шестьдесят лет.

— Он активен в течение дня, сказал я. — Когда он взял Эмбер, это было днем.

Они оба уставились на меня, и помня о своем последнем доминировании, я опустила глаза.

— Что ты думаешь? спросил Адама, его голос был все еще более хриплым, чем обычно. Он был с горячим нравом, в отличии от Самуэля в лучшие времена. — Знает ли он, о Мэрси?

— У него был миньон который вызвал ее на его территорию, и он пердъявил на неё свои права, я бы сказал, что это было сделано намеренно. Зарычал Сэмюэль.

— Подождите минуточку, сказал я. — Что может вампир от меня хотеть?

Сэмюэль поднял брови. — Марсилия хочет убить тебя, Стефан хочет — следующие три слова он поизнес с Румынским акцентом — сосать твою кровь и, видимо, Блеквуд желает тебя по той же причине.

— Вы думаете, что он сделал все это только, чтобы заманить меня в Спокан? Удивленно спросил я. — Прежде всего, было привидение. Я видела это сама. Не глупые трюки вампира или любой другой вид трюков. Это был призрак. Призраки не любят вампиров. — Хотя этот один застрял там дольше, чем я ожидала. — Во-вторых, почему я?

— Я не знаю, по поводу призрака, сказал Самуэль. — Но второй вопрос имеет множество возможных ответов.

— Первое, что мне приходит в голову — Адам все еще не опускает глаз вниз — это Марсилия, полагаю она сразу поняла, что случилось с Андре. Она знает, что не может

прийти за тобой, так что она обменивается интересами с Блеквудом…. Здесь приходит очередь Эмбер, он идет к девушке, а когда представляется такая возможность, он посылает её к тебе, так же, как Марсилия бросает Стефана в середине твоей гостиной. и как только ты не умераешь — Эмбер приходит и зовет тебя в Спокан. Пострадало всего несколько волков-

— Мэри Джо чуть не умерла, сказала я. И могло быть еще хуже. Я подумала про снежного эльфа, и сказала: — намного хуже.

«Марсилия позаботилась? Знает о твоих друзьях, и сообщила, что скрещенные кости на двери твоей мастерской означает, что все твои друзья в опасности — ты ухватываешься за ниточку спасения, что Блэквуд бросил тебе. И ты проглотила наживку и поехала в Спокан.»

Самуил покачал головой. «Это совсем не то», — сказал он. «Вампиры не взаимодействуют между собой, как волки. У Блэквуда не та репутация, чтобы помогать кому-нибудь.»

«Эй, моя красавица, — сказал Адам имитируя голось диснеевской ведьмы, «хотели бы вы попробовать что-нибудь сладкое? Все, что вам нужно сделать, это заманить Мерси в Спокан.»

«Нет, — сказал я. «Это элементарно, но только если не смотреть в суть. Я могу ошибаться, но отношения между мужем Эмбер и Блэквудом длятся несколько лет, а не месяцев. Поэтому он знал все о них. Если Марсилия просто призвала его и дала ему имя мое, было бы маловероятно, что он знал, что Эмбер знала меня, — мы не общались после окончания колледжа.»

Я ощутила паранойю в виновности Эмбер. Но не Марсилия послала его в дом Эмбер. Я втянула носом воздух. «Я думаю, что Блэквуд думал, что я человек, по крайней мере, до тех пор, пока он укусил меня в первый раз.

Бран сказал, что я пахну койотом — или собакой, если вам не знаком запах койота — но не магией. Стефан сказал мне, что Блеквуд узнал о том, что я не была человеком, лишь после того, как попробовал меня.

Теперь оба вервольфа смотрели на меня.

— Несчастья не случаются просто так, — сказала я им.

— Блэквуд, кажется, не похож на вампира, способного сделать одолжение для другого вампира, — голос Сэмюэля казался почти радостным.

Он бы не сделал. Вампиры были злыми, территориальными, и … интересная мысль возникла в моей голове.

— А что, если он ведет игру, чтобы добавить Тройной Город к своей территории? — спросила я. — Возможно, что он читал о нападении на меня и узнал, что я была подругой Адама. Может быть, у него есть связи и он увидел видео, где Адам разрывал тело Тима, так что он знает, что наши отношения не случайны. Возможно Корбэн видит, что он читает статью, и упоминает, что его жена знала меня, и вампир видит возможность заставить оборотней Тройного Города сотрудничать с ним, чтобы приблизится к Марсилии. Может быть, он не знает, что не может использовать меня, чтобы взять контроль над стаей. Возможно он использовал бы меня в качестве заложника. Призрак — случайность. Просто удобный повод, чтобы Эмбер меня пригласила.

— Марсилия потеряла двух важных мужчин, — сказал Сэмюэль, — Андрэ и Стефана. Она уязвима теперь.

— У нее есть три других влиятельных вампира, — сказал я ему. — Но Бернард и Эстель не кажутся довольными Марсилией в последнее время. — я сказала им о конфликте. — Есть

Вульфи, я предполагаю, но он …

Я пожала плечами. — Я не хочу полагаться только на Вульфи для верности-он не из таких.

— Вампиры — хищники, — сказал Адам. — Так же как и мы. Если Блэквуд чувствует запах слабости, тогда я предполагаю, что имеет смыл, то что он захотел больше территории.

— Мне нравится, — сказал Сэмюэль. — Блэквуд не командный игрок. Это соответствует. Это не значит, что вывод полностью верен, но он подходит. — Адам потянул шею, избавляясь от напряжения, и я услышала хруст позвонков. Он слегка улыбнулся мне.

— Сегодня вечером, я позвоню Марсилии, и расскажу ей о том, к чему мы только что пришли. Это не догма, но вполне вероятно. Бьюсь об заклад, мы добьемся от Марсилии более тесного сотрудничества. — Он посмотрел на Сэмюэля. — Если ты дома, мне лучше вернуться к работе. Я скажу Джесси приехать сюда после школы — если ты не возражаешь. Ауриэль занята, Хани есть над чем поработать, а Мэри Джо … не в форме.

После того, как Адам уехал, Сэмюэль лег спать. Если бы что-то произошло, он поднялся бы достаточно быстро — но это сказало мне, что Сэмюэль, по крайней мере, не думал, что днем может произойти нападение.

Ни один из них даже не вспомнил о том, что я вылила на них клюквенный сок.

Несколько часов спустя подъехала машина и из нее вышла Джесси. Она помахала в след удаляющейся машине, а затем на волне позитива влетела в дом. Волосы Джесси были выкрашены в черный с синими прядками. Я зажала нос:

— Что за духами ты пользуешься?

Она смеялась: — Прости, я пойду помою руки. Натали купила новые духи и настояла на том, чтобы все побрызгались ими.

Я махнула ей в сторону своей спальню рукой, которая не зажимала мой нос:

— Иди воспользуйся моей. Сэмуель спит рядом с главной ванной.

А когда она не сдвинулась с места, я дополнила:

— Поспеши, ради Пита. Этот запах ужасен.

Она понюхала свою руку. — Не для меня. Она пахнет розами.

— Не розами, — сказала я ей, — формальдегидом.

Она усмехнулась, затем шмыгнула в мою ванную, чтобы отмыться.

— Так, — сказала она, когда вернулась, — поскольку мы находимся под домашним арестом, пока вампы не успокоятся, и раз я была сегодня первоклассным студентом, и сделала всю домашнюю работу в школе — почему бы нам с тобой не сделать пирожных с орешками?

Мы сделали пирожные, и она помогла мне сменить масло в моем фургоне. Уже темнело, когда мы настроили воздушный компрессор, выдувая воду из моей маленькой подземной спринклерной системы, когда Сэмюэль появился в дверях с мутными глазами, ворчанием, и пирожным в одной руке.

Он немного поворчал о девчонках, пишущих в твиттере, которые наделали слишком много шума. Я посмотрела вверх, на темное небо и, решила, что поздний час был больше связан с его пробуждением, чем рев моего воздушного компрессора.

Он рассмешил Джесси своим брюзжанием. Сделав оскорбленный вид, он повернулся ко мне. — Ты закончила?

Он видел, как я скручиваю шнуры и шланги, так что я закатила глаза, посмотрев на него.

— Непочтительность, — сказал он Джесси, грустно качая головой. — Это все, что я

получаю. Может быть, если я возьму тебя и накормлю, она начнет относиться ко мне с уважением, которого я заслуживаю.

Но он схватил компрессор, прежде чем я смогла откатить его к опоре сарая.

— Куда ты ведешь нас? — сказала Джесси.

— В Мексиканец, — сказал он уверенно.

Она застонала и предложила русское кафе, которое только что открылось поблизости. Они спорили о выборе ресторана на всем пути до сарая и обратно, и в машине.

В конце концов мы выбрали пиццерию «Колумбия» — шумное место с детской площадкой и вкусной едой.

Адам ждал нас, смотря небольшой телевизор в моей кухне, когда мы возвратились. Он выглядел усталым.

— Босс тебя перегружает? — спросила я сочувственно, протягивая ему пирожные.

Он посмотрел на него. — Это сделала ты, или Джесси?

На ее возмущенное «Папа», он наградил ее нераскаявшейся усмешкой. — Просто шучу, — сказал он, пока ел.

— Я не ложился спать несколько ночей, — сказал он мне. — Я оказался между вампирами и Вашингтонскими важными шишками, на сон совсем не хватает времени, лишь дремота, как два года назад.

— Неприятности? — спросил Сэмюэль осторожно.

Он имел в виду, проблема по поводу меня или, точнее сказать, по поводу того ужасного видео, на котором Адам, на половину сменивший ипостась, разрывает труп Тима.

Адам покачал головой. — Нет. В основном все то же самое.

— Ты звонил Марсилии? — спросила я.

— Что? — Джесси наливала стакан молока своему отцу, и поставила его слишком громко.

— Мерси, — прорычал Адам.

— Одна из причин, по которой ты здесь в том, что твой отец, держит в своей безопасной комнате пару вампиров в заложниках, — сообщила я ей.

— Мы ведем переговоры с Марсилией, таким образом, она оставит попытку убить всех.

— Я не знаю и половины того, что происходит, — сказал Джесси.

Адам закрыл глаза в притворно-раздраженной манере, и Сэмюэль рассмеялся. — Эй, старик. Это верхушка айсберга. Мерси еще будет водить тебя вокруг с кольцом в носу. — Но что-то было в его глазах, что противоречило веселью.

Я не думаю, что кто-либо еще заметил странную несчастную нотку в его голосе. Сэмюэль не хотел меня, по-настоящему. Он не хотел быть Альфой — … но он хотел то, что имел Адам, Джесси, так же как и я, размышляла я, — семью: детей, жену, белый забор или что-то эквивалентное тому, что было, когда он был ребенком.

Он хотел дом, и его последний дом умер с его последней супругой человеком задолго до того, как я родилась. Он посмотрел на меня именно в этот момент, и я не знала, что отразилось в моем лице, но оно остановило его. Просто остановило всю выразительность, и на мгновение он стал удивительно похож на своего сводного брата, Чарльза одного из самых страшных людей, которых я когда-либо встречала. Чарльз может просто смотреть на разбушевавшихся вервольфов и заставить их, тем самым, скулить в углу.

Но это было лишь мгновение. Он погладил меня по голове и сказал что-то смешное Джесси.

— Так, — сказала я. — Ты звонил Марсилии, Адам?

Он смотрел на Сэмюэля, но сказал, — Да, мэм. Я добрался до Эстель. Она должна передать Марсилии мое сообщение и попросить ее перезвонить мне.

— Она играет в доминирование, — заметил Сэмюэль.

— Позволим ей, — сказал Адам. — Это не значит, что я должен сделать то же самое.

— Поскольку у тебя есть преимущество, — сказала я с удовлетворением. — Большая угроза.

— Что? — спросила Джесси.

— Большой плохой вампир бугимен из Спокана, — сказала я, сидя на столе. — Он идет за ней.

В этом деле было много неясного, но это не значит, что мы не могли убедить Марсилию в своей правоте.

Если бы я была Марсилией, то я была бы взволнована по поводу Блэквуда.

Адам и Джесси пошли домой. Сэмюэль лег спать и я тоже. Когда зазвонил мой телефон, я видела сон: мусорные баки и лягушки — не спрашивай, я все равно не расскажу.

— Мерси, — промурлыкал Адам.

Я посмотрела вниз на ноги, где спала Медея. Она мигнула мне большими зелено-золотыми глазами и замурлыкала снова.

— Адам.

— Я звоню, чтобы сказать тебе, что я наконец вышел на контакт с самой Марсилией.»

Я сидела, внезапно сон сошел на нет.

— И?

— Я сказал ей о Блэквуде. Она выслушала и благодарила меня за мое беспокойство, а потом повесила трубку.

— Она едва собирается показывать панику по телефону и клясться быть вечными друзьями, — сказала я, и он рассмеялся.

— Конечно же нет. Но я думаю, что внесу свою лепту для установки доброжелательных отношений и позволю ее двум маленьким вампам идти.

— Кроме того, теперь, когда Джесси знает, что они там, ты не сможешь держать ее подальше.

— Спасибо за это.

— В любое время. «Заложники-Холдинг " для плохих парней.

Он снова засмеялся, на этот раз горько. — Очевидно, что ты еще не видела хороших парней в действии.

— Нет, — я сказала ему. — Возможно, ты просто ошибся в том, кем были хорошие парни.

Наступила долгая пауза, и сказал он мягким голосом: — Возможно, ты правы.

— Ты — хороший парень, — объяснила я ему. — Таким образом, ты должен справиться со всеми правилами хорошего парня.

К счастью, у тебя есть исключительно талантливый и невероятно одаренный друг…

— Который превращается в койота, — сказал он, с улыбкой в голосе.

— Так что тебе не придется беспокоиться о плохих парней очень много.

И мы увлеклись этим немного серьезным, ускоряющим ритм сердцебиения флиртом. По телефону страсть не навлекла приступа тревоги.

Я повесила трубку, в конце концов. Нам обоим нужно вставать рано утром, но звонок

встревожил меня и спать нисколько не хотелось. Через несколько минут я встала и долго смотрела на швы на моем лице. Они очень маленькие и аккуратные, индивидуально связанные, и когда мое лицо меняет форму, они не тянут. Доверила оборотню, сделать мне стежки, и вот, я могла двигаться вместе с ними.

Я избавилась от одежды и открыла дверь спальни. И, как койот, выскочила из недавно установленной двери для собак и рванула в ночь.

Я покрыла несколько миль, прежде чем отправиться к реке и моей любимой местности для пробежки. Так было, пока я не остановилась, чтобы напиться из реки, тут я почувствовала запах вампира — и не моего вампира. Я стояла на отмели реки и плескались в воде, как если бы ничего не почувствовала.

Но это не имело значения, поскольку у этого вампира не было никакого желания оставаться незамеченным. Если бы я не почувствовала его запаха, характерный звук патрона ружья, вставшего на свое место было достаточным заявлением о намерениях. Он, должно быть, следовал за мной от дома. Или, может быть, его обоняние было таким же хорошим, как у вервольфа. Во всяком случае, он знал, кто я.

Бернард стоял на берегу, держа оружие явно не в первый раз, направив дуло на вашу покорную слугу. Вампир с ружьем — это слегка походило на Челюсти с цепной пилой, слишком хорошо. В данном случае, я предпочла бы цепную пилу. Я ненавижу ружья. У меня есть шрамы на заднице от выстрелов с близкого расстояния, но это был не единственный раз, когда в меня выстрелили-только худший. Скотоводам Монтаны не нравятся койоты. Даже койоты, которые просто проходят мимо, и никогда не нападут на ягненка или курицу. Неважно, насколько весело гоняться за курами…

Я повиляла вампиру хвостом.

— Марсилия была настолько уверена, что он убьет тебя, — сказал мне Бернард. Он всегда звучал для меня, как один из Кеннеди, широко и плоско. — Но я вижу, что он обманул ее. Она не так умна, как ей кажется — и из-за этого она падет. Ты мне нужна для вызова своего Хозяина, так чтобы я мог поговорить с ним.

Мне потребовалось время, чтобы вспомнить, какого Хозяина он имел в виду. И потом, я не знаю, как это сделать. У меня было так много новых связей, и я не знала, как использовать любую из них. А что, если я позову Стефана и в итоге придет Адам?

Я собиралась слишком долго. Бернард нажал на курок. Я думаю, он не целился в меня — если только он не был по-настоящему плохим стрелком. Но некоторые из этих глупых гранул отскочили, и я резко тявкнула. Он зарядил следующий патрон в ружье прежде, чем я перестала жаловаться.

— Позови его, — сказал Бернар.

Хорошо. Думаю, это не так уж и сложно, иначе Стефан рассказал бы мне подробнее о том, как это сделать. Я надеялась на это. Стефан? Я думала, как могла, это оказалось сложнее. Стефан!

Если бы я решила, что он будет в опасности, я бы никогда не позвала его. Но я была уверена, что Бернар, как и Эстель, собирался попытаться просто переманить Стефана на свою сторону в гражданской войне против Марсилии.

Он не пытался сделать что-либо сразу же, и после того, как Стефан имел дело с Эстель, я не волновалась о Бернарде, до тех пор, пока элемент неожиданности не сыграл свою роль.

Бернард был одет в джинсы, кроссовки и полу-повседневную рубашку на кнопках спереди — но он все еще был похож на бизнесмена девятнадцатого века. И хотя его обувь

была с галочками светящимися в темноте, он не был тем, кто смешался бы с толпой.

— Мне очень жаль, что ты так упряма, — сказал он. Но прежде, чем он смог применить оружие для заключительного, болезненного, и, возможно, фатального выстрела, Стефан появился от … откуда-то и выдернул оружие из его рук. Он ударил его стволом о камень, затем передал, ставший не таким полезным, назад Бернарду.

Я выбралась из воды и отряхнулась, так что вода попала на них обоих, но никто не отреагировал.

— Чего ты хочешь? — спросил Стефан хладнокровно. Я подошла к нему и села у его ног. Он посмотрел на меня и, прежде чем Бернард мог ответить на его первый вопрос, он сказал: — Я чувствую запах крови. Он тронул тебя?

Я открыла рот и по волчьи улыбнулась ему. Я знала по опыту, что несколько дробин вошли не глубоко в мой зад, возможно, даже не достаточно глубоко, чтобы пробиться через шерсть — у меха есть много преимуществ. Я не слишком рада произошедшему, но Стефан не понимал волчий язык тела. Таким образом, я сказала ему, что все прекрасно способом, который он не смог перепутать — и моя поясница заболела, когда я виляла ему хвостом.

Он кинул на меня взгляд, который, при других обстоятельствах, возможно выражал сомнение.

— Хорошо, — сказал он, затем просмотрел на Бернарда, который вращал сломанное ружье.

— О-о, — сказал Бернар. — Это что, моя очередь? Ты нянчился со своей милой новой рабыней? Марсилия была уверена, что ты так любил свое прежнее стадо, что не скоро решишься заменить его.

Стефан замер. Он был настолько зол, что даже прекратил дышать.

Бернард поставил ружье на землю прикладом вверх и схватил его одной рукой, облокотившись, как если бы это была одна из тех коротких тростей, с которыми раньше танцевал Фред Астэр.

— Ты бы слышал их крики, они звали тебя, — сказал он. — Ах да, я забыл, ты чувствовал.

Он напряг все мышцы для атаки, которая так и не последовала. Вместо этого, Стефан сложил руки и расслабился. Он даже снова начал дышать, за что я была благодарна.

Вы когда-нибудь сидели рядом с тем, кто затаил дыхание? Некоторое время это не беспокоит вас, но в конце концов вы начинаете задерживать дыхание вместе с ними, желая, чтобы они снова начали дышать. Это один из тех автоматических рефлексов. К счастью, единственному вампиру, который во многом связан со мной, нравится говорить — так что он дышит.

Я сидела рядом с ним, стараясь выглядеть безобидной и веселой — но, оглядываясь вокруг в поисках большего количества вампиров. Был один на деревьях, она позволила себе показаться кратким силуэтом на фоне неба. Не было никакого способа сообщить Стефану, что я увидела, как это было с Адамом. Он понял бы все по наклону головы и лапе на его ноге. Словесная атака Бернарда совсем не имела эффекта, он ожидал … или, по крайней мере, был к этому готов. Но, похоже, это не заботило его. Он улыбнулся, показав клыки. — У нее оставался только ты, — сказал он Стефану. — Вульфи был нашим в течение многих месяцев, как и Андре. Но он боялся тебя, так что не позволил бы нам сделать что-нибудь. — В последних словах была мировая скорбь, и он дернул пистолетом, бросил его небрежно, через плечо, и стал расхаживать.

Впервые он посмотрел на меня таким, каков он был. Так или иначе, прежде он всегда выглядел для меня, как нечто из кинофильма Диккенса — кто-то полный великолепия и церемонности, и ничего более. Теперь, в движении, он был похож на хищника, фасад короля Эдуарда только тонкая оболочка, чтобы скрыть то, что было внутри.

Эстель всегда нервировала меня, но я обнаружила, что не боялась Бернарда, до этого момента. Стефан молчал, пока Бернард разглагольствовал. — Он оказался хуже Марсилии, в конце концов. Он принес эту вещь … мерзость среди нас, не поддающуюся контролю. — Он замолчал и уставился на меня. Я опустила глаза сразу, но чувствовала, как его внимательный взгляд жжет мою кожу. — Хорошо, что твоя овца убила его, даже если Марсилия не смогла этого увидеть. Это погубило бы нас — и она сделала нам второе одолжение, убив Андрэ.

Он замолчал на мгновение, но его глаза были все еще направлены на меня, прожигая сквозь мех, чтобы увидеть меня. Это было неудобно и страшно.

Мы позволили бы ей жить — а если Марсилия будет стоять на ее пути, она мертва — точно так же, как твой последний зверинец. — Бернард ждал этого, чтобы копнуть глубже. — У Марсилии есть приспешники, работающие днем… адские. Со скрещенными костями на двери, объявляющими ее предателем, сколько, ты думаешь, проживет этот койот? Гоблины, гончие, питающиеся падалью — у Марсилии много союзников, которые охотятся днем.

— Она — подруга Альфы. Волки будут охранять ее, когда я не смогу.

Бернард рассмеялся. — Есть некоторые из них, кто убьет ее быстрее, чем когда-либо станет Марсилия. Койот? Пожалуйста. — Его голос смягчился. — Ты знаешь, что она умрет. Если Марсилия хотела убить ее за убийство Андре, как ты думаешь, она будет чувствовать себя теперь, когда ты сделал ее своей? Ты ей не нужен, но наша Госпожа всегда была ревнива. И ты защищал ее в течение многих лет, когда должен был рассказать нам все, о ходячей, что живет среди нас. Ты рискнул ради нее — что произошло бы, если бы другой вампир заметил, кем она была? Марсилия знает, что ты заботишься о ней, больше, чем когда-либо о своих овцах, которыми питался. В конце концов, Мерседес умрет, и это будет твоя вина.

Стефан вздрогнул. Мне не нужно смотреть на его лицо, чтобы увидеть это, потому что я почувствовала, как он отдернулся от меня.

— Кому-то необходимо будет умереть, Марсилии или Мерси, — сказал Бернар. — Кого любишь ты, Солдат? Ту, кто спас тебя или ту, кто бросил тебя? Кому же ты служишь?

Он ждал, так же, как и я.

— Она была такой дурой, когда отпустила тебя живым, — пробормотал Бернард. — Было двое, кому она доверила знание о месте, где она спит. Андре мертв. Но ты знаешь, не так ли? И ты поднимаешься на час раньше, нежели это делает она. Ты можешь предотвратить кровавую битву с многочисленными жертвами. Кто умрет? Лили, наш одаренный музыкант, почти наверняка. Эстель ее ненавидит, зная — она талантлива и прекрасна, а Эстель совсем нет. И Марсилия нежно любит ее. Лили умрет. — Затем он улыбнулся. — Я убил бы ее сам, но я знаю, что ты заботишься о ней, тоже. Ты мог бы защитить ее от Эстель, Стефан.

И он продолжал называть имена. Немного вампиров, подумала я, но люди Стефана заботили.

Когда он закончил, он смотрел на упрямое лицо Стефана и с раздражением покачал головой. «Стефан, ради Бога. Что ты делаешь? Ты никому не нужен. Ты ей не нужен. Она

решила, что может просто убить тебя. Эстель глупа. Она думает, что может управлять, когда уйдет Марсилия. Но я знаю лучше. Ни один из нас не достаточно силен, чтобы управлять семьей, если бы мы смогли сотрудничать — но мы не будем. Нет никаких связей между нами, никакой любви, а это — единственный способ, чтобы два почти равных вампира могут долгое время сотрудничать. Но ты сможешь. Я хотел бы служить тебе верой и правдой, как ты служил все эти годы.

— Мы нуждаемся в тебе, если мы хотим выжить. — он снова начал ходить. — Марсилия убьет нас всех. Ты это знаешь. Она сумасшедшая, только сумасшедшая женщина могла доверять Вульфи. Из-за нее снова появятся люди, охотящиеся на нас, не только на эту семью, но и на весь наш вид. И мы не сможем выжить. Пожалуйста, Стефан.

Стефан опустился на одно колено и обнял меня за плечи. Он склонил голову и прошептал мне. — Мне очень жаль. — Затем он встал. — Я старый солдат, — сказал он Бернару. — Я служу только одной, хотя она оставила меня. — Он протянул руку, и на этот раз я почувствовала, что он что-то тянет — от меня, когда меч появился в его руке. — Ты осудил бы меня здесь? — спросил он.

Бернард издал разочарованный звук, затем вскинул руки в театральном жесте. — Нет, нет, пожалуйста, Стефан. Просто останься в стороне, когда борьба начнется.

И он повернулся и бежал. Это не походило на способ, которым мог исчезнуть Стефан, но это заставит меня оставаться с ним — а я быстр. Это было достаточно быстро, что он, вероятно, не слышал, как Стефан сказал: — Нет.

Он стоял около меня и наблюдал за Бернардом, пока вампир не скрылся из поля зрения. И он ждал немного больше. Я увидела, как женщина выскользнула из деревьев, и заметила еще одного, когда он оставил свое укрытие. Стефан поднял руку и получил в ответ такое же приветствие.

— Это будет кровавая баня, — сказал он мне. — И он прав. Я мог остановить его. Но я не буду.

Я внезапно задалась вопросом, почему Марсилия позволила ему жить. Если он знал, где она спала и больше никто, если он встал перед ней и мог сделать все что захочет, то он представляет собой угрозу для нее. Она, конечно, знала это, если знал Бернард.

Стефан сидел на валуне и, вероятно, соединив руками колени. — Я хотел прийти к тебе, когда стемнело, — сказал он мне. — Есть вещи, которые мне необходимо рассказать тебе об этой связи между нами — Он посмотрел на меня с тенью своей обычной улыбки. — Ничего страшного.

Он посмотрел на воду. — Но я решил, что сперва хочу немного очистить свое крыльцо. Газеты накапливались, поскольку никто не живет там теперь. У меня было дурное предчувствие, я знала, где это происходило.

— Я подумал, что должен позвонить, чтобы их перестали приносить — и затем я прочитал газету. О человеке, которого ты убила. И тогда, я отправился к Зи и получил полную историю.

Он посмотрел на меня. — Я сожалею, — сказал он.

Я встала и встряхнулась намеренно, как будто мой мех был влажным.

Он улыбнулся снова, просто причуда его губ. — Я рад, что ты убила его. Жаль, меня не было там, чтобы это увидеть.

Я вспомнила, где он уже побывал, на пытке Марсилии, и мне было жаль, что я не могу понаблюдать за тем как бы он убил ее. Я вздохнула и подошла к нему, затем положила

подбородок на колени. Мы оба наблюдали за потоком воды под осколком луны. Неподалеку были дома, но где мы сидели, были только мы и река.

Глава 9

Наконец я оставила Стефана, мне нужно было рано вставать, чтобы вернуться к работе, а для этого было бы не плохо выспаться. Когда я оглянулась через плечо бросая последний озабоченный взгляд, он ушел. Я надеялась, что он не вернется в свой дом — это, казалось, не самым умным местом для него, чтобы болтаться там — но он будет делать то, что ему вздумается. В этом он похож на меня.

В доме горел свет, и я удвоила темп, как только увидела его. Я нырнула через дверь для собак, и увидела, как Уоррен вышагивает по гостиной. Медея сидела на спинке дивана и смотрела на него с раздраженным взглядом на мордочке.

— Мерси, — сказал Уоррен с облегчением. — Меняйся; одевайся. Мы должны присутствовать на обсуждении мира с вампирами, и тебя требовали в особенности.

Я побежала в свою комнату и сменила форму на человеческую. Что было первым делом, а с другим, у меня была комната, полная грязной одежды и ничего более. — Мы говорим о временном мирном договоре? — спросила я, бросив грязные штаны через плечо.

— Мы на это надеемся, — сказал Уоррен, следуя за мной в комнату. — Кто в тебя стрелял?

— Вампир, не из важных персон, — сказала я. — Он не стремился убивать. Я даже думаю, что не было ни одного прицельного выстрела.

— Нет, но ты не будешь счастлива присаживаясь сегодня вечером.

— Я никогда не бываю счастлива, когда мне приходится сидеть в окружении вампиров — Стефан, обычно, исключение. Что сказала Марсилия?

— Не она пригласила нас, и мы не смогли получить больше смысла от вампира, который это сделал. Она прочитала записку, а после много хихикала.

— Лили? — я посмотрела на Уоррена.

— Это — то, что сказал Сэмюэль. — Он стащил рубашку со своего плеча, куда я, должно быть, забросила ее, и уронил на пол.

— Она пригласила и его?

Он пожал плечами. — Да. Марсилия хочет, чтобы он тоже там был. Нет, я не знаю, о чем оно, и что делает Адам. Тем не менее, маловероятно, что она собирается уничтожить нас, как только мы туда доберемся. Адам послал меня сюда, чтобы привезти тебя, когда ты вернешься. И все же, я думаю, он хотел, чтобы ты была одета.

— Самоуверенный тип, — сказала я ему, запрыгивая в джинсы. Я нашла приличный бюстгальтер и надела его. Я наконец нашла чистую футболку, свернутую в ящике для рубашек. Интересно, кто положил ее туда.

Не то, чтобы я не аккуратна. В моем гараже каждый инструмент возвращается на свое место в конце дня. Иногда появляются некоторые разногласия, когда там побывает Зи, поскольку у него и у меня различные мысли по поводу того, где должны находиться некоторые инструменты.

Когда-нибудь, когда представится время, я уберу свою комнату. Наличие соседа вынуждает меня сохранять остальную часть дома в относительной чистоте. Но никто не заботится о моей комнате, и это ставит ее достаточно низко в списке моих дел. К примеру, гораздо ниже, чем поддержание платежеспособности, спасение Эмбер от Блеквуда, и присутствие на встрече с Марсилией. Я почти наверняка доберусь до нее, прежде чем найду

время для посадки сада.

Я надела чистую футболку. Темно-синюю и украшенную надписью «BOSCH подлинные немецкие автомобильные детали». Не та футболка, которую я выбрала бы, для формального визита к Королеве Вампиров, но я предположила, что она должна принять это как хочет. По крайней мере, не было никаких масляных пятен.

Уоррен поднял кучу джинсов, под которой была погребена моя обувь. — Теперь все, что тебе нужно, это носки, и мы можем идти.

Зазвонил его телефон, и он, бросив мне обувь, ответил. — Да, босс. Она здесь и почти одета.

Голос Адама был слегка приглушенным, и он говорил очень тихо, но я все равно слышала его. Он звучал немного задумчиво.

— Почти, да?

Уоррен усмехнулся. — Да. Извини, босс.

— Мерси, давай пошевеливайся, — сказал Адам уже громче. — Марсилия держит в руках все, пока ты не будешь здесь — поскольку ты была существенной частью недавних беспорядков.

Он повесил трубку.

— Я шевелюсь. Я шевелюсь, — бормотала я, натягивая носки и обувь. Мне бы хотелось, чтобы у меня был шанс поискать замену моему ожерелью.

— На тебе разные носки.

Я направилась к двери. — Спасибо. С каких это пор ты стал модником?

— С тех пор как ты решила носить зеленый носок и белый носок, — сказал он, следуя за мной. — Мы можем взять мой грузовик.

— У меня есть еще пара таких же как эти, — сказала я. — Где-то. — За исключением того, подумала я, что выбросила пару от зеленого носка на прошлой неделе.

Кованные ворота Семьи были открыты, но дорога — забита автомобилями, поэтому, мы припарковались на подъездной аллее покрытой гравием. Глинобитное ограждение выполненное в испанском стиле освещалось оранжеватыми фонарями, которые были сделаны на манер пламени, и мерцали почти как настоящие.

Я не знала вампира в дверях и, он был очень не похож на вампира, он просто открыл дверь и сказал, — К лестнице в конце коридора и вниз на дно.

Я не помню, чтобы там была лестница в конце зала, когда я была здесь раньше. Вероятно потому, что огромная, во всю длину, а затем и еще несколько картин из испанской виллы, были перед ней, вместо того, чтобы стоять, прислонившись к боковой стенке.

Хотя мы вошли на первый этаж, лестница, по которой мы спускались, уходила вниз на два пролета. Я могу видеть в темноте почти так же хорошо, как кошка, и, тем не менее, лестничная клетка была темной для меня — человек был бы и вовсе почти беспомощен. Пока мы спускались, запах вампира забил мой нос.

Там была маленькая прихожая с единственным вампиром — еще одним, которого я не узнала. Я фактически не знаю больше, чем горстку вампиров Марсилии в лицо. У этого были серебристо-седые волосы и очень моложавое лицо, он был одет в традиционный черный похоронный костюм. Он был усажен за очень маленький столик, но, когда мы делали последние три шага, спускаясь, он встал.

Он полностью проигнорировал Уоррена, и сказал, — Вы — Мерседес Томпсон. — Он не столько задавал вопрос, сколько делал бесспорное заявление. У него был небольшой

акцент, но я не смогла отнести его к какому либо из известных мне.

— Да, — сказал Уоррен кратко.

Вампир открыл дверь и отвесил нам короткий поклон.

Комната, в которую мы вошли, была огромной для дома — скорее небольшой спортивный зал, чем комната. Там были стоячие места — трибуны, во всю длину по обе стороны комнаты. Заполненные молчаливыми наблюдателями. Я не успела понять, что было так много вампиров во всем Тройном городе, и тут заметила, что большинство присутствующих были людьми — овцы, подумала я, как и я.

А в самом центре комнаты стояло огромное дубовое кресло, украшенное резьбой, с акцентами потускневшей латуни. Я не могла их видеть, но я знала, что латунные шипы на подлокотниках кресла были острыми и темными от старой крови… часть ее была моей.

Это кресло было одним из сокровищ семьи, объединяющее магию вампиров и старое волшебство. Вампиры использовали его, чтобы определить истинность любого несчастного, пронзая его руки латунными шипами. Ужасно уместно, что большая часть волшебства вампиров имела отношение к крови.

Наличие кресла вызывало подозрения, что это не похоже на переговоры о мире между вампирами и вервольфами. В последний раз я видела это кресло на суде. Это заставило меня нервничать, и я пожалела, что не знала какие слова были использованы, чтобы пригласить нас сюда.

Было легко выделить оборотней — они стояли перед двумя рядами пустых мест: Адам, Сэмюэль, Даррил и его подруга, Ауриэлль, Мэри Джо, Пол и Алек. Я задавалась вопросом на кого из них указала Марсилия, и кого выбрал Адам.

Даррил был первым, кто заметил нас, потому что дверь была почти так же тиха, как толпа вампиров. Его глаза охватили меня с ног до головы, и мгновение он выглядел потрясенным. Затем он оглядел толпу — все вампиры и их зверинцы были одеты во все лучшее, будь то бальное платье или двубортный костюм. Мне показалось, что я заметила по крайней мере одного в жакете армии Союза. Он посмотрел на мою футболку, а затем расслабился и одарил меня тонкой улыбкой.

Казалось, он решил, что это хорошо, я не одета, для встречи с врагом. Адам разговаривал довольно пристально, с Сэмюэлем (о предстоящем футбольном матче, как я позднее узнала — мы не обсуждаем важные вопросы перед плохими парнями), он смотрел на него секунду, затем поднял глаза, когда мы подошли к нему.

— Мерси, — сказал он, и его голос прозвенел в комнате, будто она была пуста. — Слава богу. Может быть, теперь мы сможем добиться некоторого продвижения в делах.

— Возможно, — сказала Марсилия.

Она была прямо за нами. Я знала, что ее не было там мгновение назад, поскольку Уоррен не подпрыгнул, в отличие от меня. Уоррен был более осторожен, чем я: никто не мог подкрасться к нему. Никогда. Побочный эффект, охоты себе подобных на протяжении большей части последнего столетия и половины длинной жизни.

Он повернулся, толкнув меня за спину, и зарычал на нее — что-то, что он обычно не делал. Все вампиры в комнате встали на ноги, и их предвкушение крови было ощутимо.

Марсилия рассмеялась, красивым, звонким смехом, который остановился за секунду до того, как я ожидала, что, доставило больше тревоги, чем ее внезапное появление. И ее неожиданно деловой внешний вид. Единственный раз когда я ее видела, она носила одежду, направленную на привлечение внимания к ее красоте. На этот раз она была одета в деловой

костюм. Единственной уступкой женственности была узкая юбка вместо брюк и насыщенный винный цвет шерсти.

— Сесть, — сказала она — как будто разговаривала с пуделем — и все вампиры в комнате сели. Она не отводила от меня взгляд.

— Как любезно с твоей стороны появиться, — сказала она, в ее бездонных-темных глазах была холодная власть.

Только теплота Уоррена позволила мне ответить ей чем-то близким к спокойствию. — Как любезно с вашей стороны выпустить приглашения заранее, так, чтобы я смогла прибыть вовремя, — сказала я. Может быть, не слишком благоразумно — но, эй, она уже ненавидела меня. Я чувствовала это по запаху.

Она смотрела на меня момент. — Она подшучивает, — сказала она.

— Это грубо, — я вернулся, делая шаг в сторону. Если я свела ее с ума достаточно, чтобы напасть на меня, я не хотела,

чтобы Уоррен принял удар.

И только когда обошла его, поняла, что встретила ее взгляд. Глупо. Даже Сэмюэль не выдержал проверки против силы ее глаз. Но я не могла посмотреть вниз, не с властью Адама, возрастающей, и удушающей меня. Здесь я была не просто койотом, я была подругой Альфы Стаи Бассейна Колумбии — потому что он так сказал, и потому что я так сказала.

Если я посмотрю вниз, то признаю ее превосходство, но я не сделаю этого. Так что я встретилась с ней глазами, и она решила, позволить мне сделать это.

Она опустила веки, не настолько чтобы прервать наш непринужденный контакт взглядов, но достаточно, чтобы скрыть ее выражение. — Я думаю, — сказала она голосом, столь мягким, что только Уоррен и я слышали ее, — Я думаю, что если бы мы встретились в другом месте и времени, я могла бы полюбить тебя. — Она улыбнулась, показав клыки. — Или убить.

— Хватит игр, — сказала она, громче. — Позови его для меня.

Я замерла. Вот почему я была нужна ей. Она хотела вернуть Стефана. На мгновение все, что я могла видеть, это почерневший мертвый предмет, который она бросила в моей гостиной. Я вспомнила, сколько времени у меня заняло, чтобы понять, кто это был.

Она сделала это с ним, а теперь хочет его вернуть. Нет, если я могла избежать этого.

Адам так и не сдвинулся с места, где стоял, говоря о комнате, в которой он доверил мне о себе позаботиться. Я не была уверена, что он действительно так думал — я не знала — но он был нужен мне, чтобы стоять на своих двоих. — Позвать кого? — спросил он.

Она улыбнулась ему, не отрывая от меня взгляда. — А ты не знал? Твоя подруга принадлежит Стефану.

Он засмеялся, странно счастливый звук в этой обители скорби — в тени комнаты. Это был хороший повод, чтобы отвернуться от Марсилии и бросить играть в игры взглядов. Повернуться спиной означало, что я ничего не теряла — только что состязание закончилось.

Я пыталась не позволить болезненному страху, который я ощущала, отразиться на лице. Стараясь быть той, в ком нуждался Адам — и Стефан.

— Как кайот, Мерси может приспосабливаться, — сказал Адам Марсилии. — Она принадлежит тому, кого она выберет. Она принадлежит ровно столько, сколько она хочет, — он представил это как хорошую новость.

Тогда он сказал, — Я думал, все это ради предотвращения войны.

— Так и есть, — сказала Марсилия. — Зови Стефана.

Я подняла подбородок и посмотрела на нее через плечо. — Стефан мой друг, — сказала я ей. — Я не приведу его на казнь.

— Великолепно, — сказала она мне оживленно. — Но твое беспокойство неуместно. Я могу обещать, что ему не причинят физическую боль, ни я, ни кто-то из моих, сегодня вечером.

Я покосилась на Уоррена, и он кивнул. Вампиров может быть трудно прочесть, но он лучше чувствовал ложь, чем я, и его нос согласился с моим: она была правдива.

— Или удерживать его здесь, — сказала я.

Запах ее ненависти стих, и я не могла ничего сказать о том, что она чувствовала. — Или удерживать его здесь, — она согласилась. — Свидетели!

— Засвидетельствовано, — сказали вампиры. Все они. Все точно в одно и то же время. Как марионетки, только более жуткие. Она ждала. Наконец, она сказала:-Я имею в виду не повредив ему.

Я размышляла, ранее сегодня вечером, он отверг Бернарда, даже при том, я была уверена, что он согласился с оценкой Бернарда о ее длительном правлении семьей. В конечном счете, он любил ее больше, чем свою семью, свой зверинец из овец, или свою собственную жизнь.

— Ты причиняешь ему вред своим длительным существованием, — сказала я ей, так тихо, как только могла. И она вздрогнула. Я подумала об этой дрожи … и о том, как она позволила ему жить даже при том, что он, из всех ее вампиров, имел причины видеть ее мертвой — и имел все средства для этого. Может быть, Стефан был не единственным, кто любил.

Тем не менее, это не мешало ей мучить его.

Я закрыла глаза, доверяя Уоррену, доверяя Адаму свою безопасность. Мне только было жаль, что я не могла сохранить в безопасности Стефана. Но я знала, что он захочет, чтобы я сделала это.

Стефан, позвала я, как делала это раньше — потому что знала, что он хочет этого. Конечно, он знает, куда я его зову и придет готовый защитить себя.

Ничего не произошло. Стефана не было.

Я посмотрела в сторону Марсилии и пожал плечами. — Я позвала, — сказала я ей. — Но он не обязан прийти, когда я зову.

Это, казалось, не беспокоило ее. Она просто кивнула-удивительно деловой жест от женщины, на которой шелковое платье эпохи Ренессанса и драгоценности, смотрелись бы более ожидаемо, нежели ее современный костюм.

— Тогда я открываю эту встречу, — сказала она, прогуливаясь к старому похожему на трон креслу в центре комнаты.

— Сперва, я бы вызвала к креслу Бернарда.

Он пришел, сопротивляющийся и окоченевший. Я узнала структуру его движений — он был похож на волка, которого призывают против его воли. Я знала, что не она его создала, но, тем не менее, также имела власть над ним. Он все еще был в той одежде, что я видела его в последний раз. От света флюоресцентных ламп резко вспыхнуло маленькое лысеющее пятно на вершине его головы.

Он сел неохотно.

— Здесь, дорогой, позволь мне помочь. — Марсилия взяла каждую его руку и пронзила о торчащие латунные шипы. Он боролся. Я видела это в свирепости его лица и по

напряжению мышц. Я не могла видеть, чего стоило

для Марсилии — держать его под контролем.

— Ты был непослушным, нет? — спросила она. — Не верным.

— Я не был не верен по отношению к семье, — произнес он сквозь зубы.

— Правда, — сказал мальчишеский голос.

Самого Волшебника. Я не видела его — хотя смотрела. Его светло-золотые волосы были подрезаны, близко к черепу. На лице была смутная улыбка, когда он прогуливался вниз от верхней части трибуны напротив нас. Используя места на трибуне в качестве лестницы.

Он был похож на молодого студента средней школы. Он умер прежде, чем его черты имели шанс измениться к зрелости. Он выглядел мягким и молодым.

Марсилия улыбнулась, когда увидела его. Он перепрыгнул через последние три места и легко приземлился на паркет. Она была ниже, чем он, но поцелуй, которым он поприветствовал ее, заставил болезненно сжаться мой живот. Я знала, что ему сотни лет, но это не имело значения, потому что он похож на ребенка.

Он отстранился и, протянув палец, провел им по руке Бернарда и вниз к подлокотнику.

Когда он подхватил ее, потекла кровь. Он облизывал ее медленно, позволив нескольким каплям скатиться по ладони его руки, по запястью, пока они не окрасили светло-зеленые рукава его рубашки.

Я задалась вопросом, для кого он устроил это представление. Конечно, вампиров не должно волновать это показное облизывание крови — и я была одновременно права и нет. Взволнованными они не были, но было дружное движение с трибун, поскольку вампиры наклонились вперед, и некоторые из них даже облизали губы. Тьфу.

— Ты предал меня, не так ли, Бернард? — Марсилия все еще смотрела на Вульфи, и он протянул руку. Она взяла ее и проследила по дорожке запекшийся крови, позволяя рту задержаться на его запястье, Бернард дрожал, стараясь не отвечать на вопрос.

— Я не предал семью, — сказал Бернард снова. И хотя она допрашивала его десять минут или больше, это было все, что он сказал.

Стефан появился рядом со мной. Его взгляд был направлен на рукав его белой рубашки, когда он небрежно устанавливал запонку, затем он потянул за рукав, своего серого костюма в тонкую полоску, со справедливо-правильным рывком. Он посмотрел на меня, а Марсилия посмотрела на него.

Она махнула рукой на Бернарда. — Вставай — Вульфи, прошу тебя, не разместишь ли его где-нибудь на виду?

Дрожа и спотыкаясь, Бернард поднялся, с его рук капало на тусклый пол на протяжении всего пути до трибун, где Вульфи расчистил пространство на нижнем ярусе для них обоих. Он начал очищать руки Бернарда, как кошка, облизывающая мороженое.

Стефан ничего не сказал, просто пробежался по мне глазами в быстром обследовании. Затем он посмотрел на Адама, который по-королевски кивнул назад, хотя и слегка улыбнулся при этом, и я поняла, что он и Стефан были одеты в одно и то же, за исключением того, что на Адаме была темно-синяя рубашка.

Мэри Джо увидела сходство и усмехнулась. Она повернулась, чтобы что-то сказать Полу, подумала я, но тут ее взгляд пронзило удивление и она просто упала. Алек поймал ее прежде, чем она упала на пол, как будто это было не в первый раз, когда она сделала нечто подобное. Я надеялась, что это лишь пережитки от близкой смерти, а не действия вампиров.

Стефан ушел от меня к Мэри Джо. Он коснулся ее горла, игнорируя тихое рычание

Алека.

— Расслабься, — сказал Стефан волку. — Я не причиню ей никакого вреда.

— Она делала это не раз, — сказал Адам Стефану. — То, что он не встал между уязвимым членом его стаи и вампиром, было бесхитростным сообщением.

— Она приходит в себя, — сказал Стефан, как раз перед тем, как глаза распахнулись.

И только после того, как Мэри Джо окончательно пробудилась, Стефан посмотрел на Марсилию.

— Подойди к креслу, Солдат, — сказала она ему.

Он смотрел на нее так долго, что я задалась вопросом, сделает ли он это. Он мог любить ее, но на данный момент она не нравилась ему очень сильно — и, я надеялась, он также не доверял ей.

Но он похлопал Мэри Джо по колену и вышел туда, где ждала его Марсилия.

— Подожди, — сказала она, прежде чем он сел. Она посмотрела на трибуны напротив нас, где находились вампиры и их еда. — Ты хочешь, чтобы я сперва призвала к ответу Эстель? Чтобы сделать тебя счастливее?

Я не могла сказать, с кем она говорила.

— Хорошо, — сказала она. — Принесите сюда Эстель.

Я не заметила, как открылась дверь на дальней стороне комнаты, и Лили, одаренная пианистка и довольно безумный вампир, которая никогда не покидала семью и защиту Марсилии, пришла и принесла Эстель, как новоиспеченный жених, нес свою невесту через порог. Лили даже была одета в белую пенистую массу кружев, что возможно было подвенечным платьем, к темному костюму Эстель. Хотя я никогда не видела невесту, с кровью на всем лице и вниз к платью. Если бы я была вампиром, я думаю, что носила бы только черный или темно-коричневый — чтобы скрыть пятна.

Эстель вяло свисала из объятий Лили, и ее шея выглядела так, словно ее пожевала стая гиен.

— Лили, — упрекнула Марсилия. — Разве я не говорила тебе не играть с едой?

Сапфировые глаза Лили сверкнули с голодной переливчатостью, видимой даже в чрезмерно ярко освещенной комнате.

— Сожалею, — сказала она, пропустив пару шагов. — Сожалею, Стел. — она белозубо улыбнулась Стефану, затем шлепнула безвольное тело Эстель в кресло, как куклу. Она поправила голову Эстель так, чтобы та не завалилась в сторону, после чего привела в порядок юбку. — Так хорошо?

— Хорошо. Теперь будь хорошей девочкой и пойди посиди рядом с Вульфи, пожалуйста.

Лили было около тридцати, подумала я, когда ее обратили, но ее разум остановился в развитии гораздо раньше. Она ярко улыбнулась и удрала к Вульфи, прыгнув на сиденье рядом с ним. Он похлопал ее по колену, и она положила голову ему на плечо.

Как и с Бернардом, Марсилия пронзила руки Эстель о шипы. Без вольность вампира перешла в визг, крик жизни, как только ее вторая рука была пробита.

Марсилия позволяла ей это в течение минуты, а затем сказала, — Стоп, — голосом, сходным с выстрелом пистолета 22 калибра. Скорее хлопок, чем гром.

Вопль Эстель оборвался на середине.

— Ты предала меня? — спросила Марсилия.

Эстель дернулась. Лихорадочно замотала головой. — Нет. Нет. Нет. Никогда.

Марсилия посмотрела на Вульфи. Он покачал головой. — Если ты контролируешь ее настолько, чтобы удерживать ее в кресле, госпожа, она не сможет быть правдива.

— А если я перестану, то все, что она будет делать, так это кричать. — Она посмотрела на трибуны. — Как я уже сказала. Вы можете попытаться сами, если захотите? Нет? — Она потянула руки Эстель от кресла. — Иди сядь к Вульфи, Эстель.

Испанец встал на ноги с одного из мест позади меня. У него была вытатуирована слеза чуть ниже глаза, как и Вульфи, он спрыгнул на пол через места, хотя и без изящества Вульфи. Это было больше, как если бы он медленно падал с открытой трибуны, приземлившись на руки и колени, на неумолимый пол.

— Эстель, Эстель, — простонал он, задев меня. Он был человеком, одним из ее овец, подумала я.

Марсилия подняла бровь, и вампир последовал за человеком Эстель, в три или четыре раза быстрее скорости человека… Он поймал его прежде, чем человек пересек половину комнаты. У вампира была внешность очень пожилого человека. Он выглядел, как будто он умер от старости прежде, чем быть обращенным в вампира, хотя не было ничего старого или шаткого в захвате, которым он держал борющегося человека.

— Что вы хотите от меня, Госпожа? — спросил старик.

— Я бы предпочла, чтобы ты не позволил ему прервать нас, — сказала Марсилия. Я взглянула на Уоррена, который нахмурился. Она лгала. Я так и думала. Это было частью сценария. После недолгих раздумий, Марсилия сказала, — Убей его.

Послышался щелчок, и мужчина упал на землю — и каждый вампир, находившийся неподалеку от того места, задержал дыхание. Эстель упала на пол, в четырех или пяти футах от Вульфи. Я отвела взгляд и неожиданно увидела, как Марсилия смотрит на меня. Она хотела моей смерти, я видела это в ее голодном взгляде. Но сейчас у нее были более насущные дела.

Марсилия указала на кресло, приглашая Стефана. — Прими мои извинения за задержку.

Стефан пристально посмотрел на нее. Если его лицо и выдавало, какие-либо эмоции, то я не смогла их прочитать.

Он сделал шаг вперед, и она остановила его еще раз. — Подожди. У меня есть идея получше.

Она посмотрела на меня. — Мерседес Томпсон. Подойди и дай нам вкусить твою истину. Свидетельствуй для нас, о том, что ты видела и слышала.

Я сложила руки на груди, не в прямом отказе — но я не спешила выполнять ее приказ. Это было шоу Марсилии, но я не позволю ей взять верх над всем. Уоррен рукой сжал мое плечо — демонстрируя поддержку, — подумала я. Или возможно он пытался предупредить меня.

— Ты сделаешь, как я говорю, потому что ты хочешь, чтобы я прекратила причинять твоим друзьям боль, — она мурлыкала. — Волки — более достойные цели …, но есть восхитительный полицейский — Тони, не так ли? И мальчик, который работает на тебя. У него есть такая многочисленная семья, не так ли? Дети так хрупки, — она смотрела на лежащего человека Эстель, почти мертвого, в ее ногах.

Стефан посмотрел на нее, потом на меня. И как только я увидела его глаза, я знала, что эмоции, которые он пытался сдержать … ярость.

— Ты уверен? — спросила я его.

Он кивнул. — Давай.

Я не была в восторге сделать это, но она была права. Я хотела, чтобы мои друзья были в безопасности.

Я села в кресло и двигалась вперед, пока мои руки не вытянулись, в попытке добраться до острых латунных шипов. Я хлопнула вниз обеими руками, стараясь не морщиться, поскольку шипы впились глубоко — или не задохнуться, когда магия стала пульсировать в моих ушах.

— Пальчики оближешь, — сказал Вульфи — и я чуть дернула свою руку обратно. Мог ли он попробовать меня через шипы, или просто пытался лишить меня равновесия?

— Я отправила Стефана тебе: — сказала Марсилия. — Не расскажешь ли ты нашим зрителям, на что он был похож?

Я посмотрела на Стефана, и он кивнул. Так что я описала иссохший предмет, который упал на мой пол, на столько точно, насколько могла помнить, прилагая усилия, чтобы мой голос звучал безразлично, а не разгневано, или как-нибудь еще…неуместно.

— Правда, — сказал Вульфи, когда я закончила.

— Почему он был в таком состоянии? — спросила Марсилия.

Стефан кивнул так что я ответила ей. — Потому что он пытался спасти мою жизнь, покрывая мое участие в … гибели Андре? Уничтожении? Как назвать это, когда вампира убивают навсегда?

Кожа на ее лице истончилась, пока я не смогла увидеть кости под ней. И она была еще более прекрасна, более страшна в своей ярости. — В смерти, — сказала она.

— Правда, — сказал Вульфи. — Стефан пытался скрыть твое участие в смерти Андре. — Он огляделся по сторонам. — Я

так же помог скрыть это. В то время, казалось, что нужно это сделать… хотя я позже раскаялся и признался.

— На двери твоего дома — скрещенные кости, — сказала Марсилия.

— Моей мастерской, — ответила я. — И да.

— Знаешь ли ты, — сказала она, — что ни один вампир, кроме Стефана не может зайти в твою мастерскую? Это твой дом в той же мере, что и жалкий трейлер в Финли.

Почему она сказала мне это? Стефан тоже наблюдал за ней.

— Расскажи нашим зрителям, почему кости.

— Предательство, — сказала я. — Или так мне сказали. Ты попросила меня убить одного монстра, а я решила убить двух.

— Правда, — сказал Вульфи.

— Когда Стефан узнал, что ты ходячая, Мерседес Томпсон?

— В первый раз я встретилась с ним, — сказала я ей. — Почти десять лет назад.

— Правда, — сказал Вульфи.

Она посмотрела на открытую трибуну снова и обратилась к кому-то там. — Запомните это. — Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, затем перевела взгляд на Стефана, когда спросила меня: — Почему ты убила Андре?

— Потому что он знал, как сделать вампира-колдуна одержимого демоном. Он сделал его однажды, и ты с ним планировала повторить это. Люди умерли из-за его игр — и больше людей умерло бы из-за тебя, обоих вас.

— Правда, — сказал Вульфи.

— Какая нам забота, как много людей умрет? — спросила Марсилия, махнув в сторону мертвого человека и обратилась к каждому присутствующему. — Они недолговечны, и они

еда.

Ее вопрос был риторическим, но я ответила ей так или иначе.

— Их много, и они могли бы уничтожить вашу семью за день, если бы узнали о вашем существовании. Им потребовался бы месяц, на то, чтобы прервать ваше существование по всей стране. И если бы вы создали монстров, как эта штука, что вызвал к жизни Андре, я хотела бы им помочь. — Я наклонилась вперед, когда говорила. Руки пульсировали в такт моему сердцебиению, и я нашла, что ритм моих слов следовал за болью.

— Правда, — сказал Вульфи удовлетворенным голосом.

Марсилия поднесла губы к моему уху. — Это было для моего солдата, — пробормотала она в тонах, которые достигали не далее, чем моих ушей. — Скажи ему это.

Она опустила рот, пока он не завис над моей шеей, но я не дрогнула.

— Я думаю, я любила бы тебя, Мерседес, — сказала она. — Если бы ты не была той, кто ты есть, а я не той, кто я есть. Ты овца Стефана?

— Мы обменялись кровью два раза, — сказала я.

— Правда, — сказал Вульфи, сдерживая смех.

— Ты принадлежишь ему.

— Это ты так думаешь, — согласилась я.

Она испустила шумный вздох от раздражения. — Ты делаешь эту простую вещь — сложной.

— Это ты все усложняешь. Хотя, я понимаю, о чем ты спрашиваешь, и ответ — да.

— Правда.

— Зачем Стефан сделал тебя своей?

Я не хотела говорить ей об этом. Я не хочу, чтобы она знала, что я имел какое-то отношение к Блеквуду,

хотя, вероятно, Адам уже сказал ей. Так что я перешла в нападение.

— Потому что ты убила его зверинец. Людей о которых он заботился, — сказала я горячо.

— Правда, — выдавил Стефан.

— Правда, — согласился Вульфи тихо.

Марсилия, ее лицо, повернутое ко мне, выглядело неясно удовлетворенным — Я получила от вас все в чем нуждалась, мисс Томпсон. Вы можете освободить кресло.

Я оторвала руки от кресла и постаралась не вздрогнуть-или расслабиться-по мере того как неприятный пульс волшебства покинул меня. Прежде чем я успела подняться, рука Стефана была у меня под рукой, поднимая меня на ноги.

Он повернулся к Марсилии спиной и все его внимание, казалось, было на мне — хотя у меня было ощущение, что все его существо было сосредоточено на бывшей хозяйке. Он взял мои руки в свои ладони и поднес ко рту, облизывая мои ладони самым тщательным и нежным образом. Если бы мы не были на публике, то я сказала бы ему, что думала об этом. Я думаю, что он уловил некоторые эмоции на моем лице, потому что уголки его рта слегка приподнялись.

Глаза Марсилии сверкнули красным.

— Ты сам перешел границы, — Это был Адам, но он не был похож на себя.

Я повернулась и увидела, как он бесшумно скользил через комнату. И если лицо Марсилии было пугающим, это было ничто по сравнению с его.

Стефан, не смущаясь, взял другую мою руку и поступил с ней точно так же — хотя был

немного более краток. Я не стала пробовать вырвать ее у него, поскольку не была уверена, что он позволит мне это — и борьба наверняка разрушит самообладание Адама.

— Я исцелил ее руки, — сказал Стефан, отпуская меня и отступая назад. — Это моя привилегия.

Адам остановился рядом со мной. Он взял мою руку — которая действительно выглядела лучше — и, коротко и резко кивнул Стефану. Обернул мою руку вокруг своего плеча, а затем вернулся со мной к волкам. Я чувствовала стук сердца, в напряжении его руки, он был на грани. Так что я уронила голову ему на руку, чтобы заглушить свой голос. И сказала ему, — Это все было направлено на Марсилию.

— Когда мы вернемся домой, — сказал Адам, не утруждая себя говорить тихо — ты позволишь мне просветить тебя в том, как кое-что, в одно и тоже время, может достигнуть более, чем одну цель.

Марсилия ждала, пока мы сели с остальными волками, прежде чем продолжить свою программу на вечер.

— И теперь для тебя, — сказала она Стефану. — Я надеюсь, ты не передумал насчет сотрудничества.

В ответ, Стефан сел в кресло, как на трон, поднял обе руки над острыми шипами, и швырнул их вниз с такой силой, что я могла слышать, как застонало кресло, с того места где я стояла.

— Что ты хочешь знать? — спросил он.

— Твоя еда сказала нам, что я убила твой бывший зверинец, — сказала она. — Откуда ты знаешь, что это правда?

Он поднял подбородок. — Я чувствовал как каждый из них умирал от твоей рукой. Каждый день, до тех пор, пока их не стало.

— Правда, — согласился Вульфи тоном, который я не слышала от него прежде. Это заставило меня посмотреть. Он сидел с Эстель, рухнувшей у его ног, Лили, прислонилась к одной стороне, и Бернард, сидел чопорно, с другой. Лицо Вульфи было мрачным и… грустным.

— Ты уже не из этой семьи.

— Я не служу этой семье, — согласился Стефан хладнокровно.

— Правда, — сказал Вульфи.

— Ты никогда не был моим, в действительности, — сказала она ему. — У тебя всегда была свободная воля.

— Всегда, — согласился он.

— И ты использовал это, чтобы скрыть от меня Мерси. От правосудия.

— Я спрятал ее от тебя, поскольку решил, что она не представляет опасность для тебя или семьи.

— Правда, — прошептал Вульфи.

— Ты спрятал ее, потому что она тебе нравится.

— Да, — согласился Стефан. — И потому, что не было бы никакой справедливости в ее смерти. Она не убивала ни одного из нас-и не будет, за исключением той задачи, которую ты поставила перед ней —. Впервые с момента, как он сел в кресло, он посмотрел прямо на нее. — Ты просила ее убить монстра, которого не смогла найти — и она это сделала. Дважды.

— Правда.

— Она убила Андрэ! — голос Марсилии перешел в рев, и мощь заключенная в нем, пронзила комнату и достигла нас. Свет ненадолго потускнел, а затем разгорелся в прежнюю силу.

Стефан неприятно улыбнулся ей. — Поскольку не было никакого выбора. Мы не оставили ей никакого выбора — ты, я и Андрэ.

— Правда.

— Ты предпочел ее мне, — сказала Марсилия, и ее сила странно осветила воздух. Я шагнула ближе к Адаму, и содрогнулась.

— Ты знал, что она охотилась на Андре, знал, что она убила его — и ты скрыл, что она сделала, от меня. Ты заставил меня пытать тебя и уничтожить твою власть. Ты должен ответить мне. — Ее голос гремел, заставляя вибрировать пол и грохотать стены. Подвесные фонари плыли вперед и назад, создавая игру теней.

— Нет больше, — сказал Стефан. — Я не принадлежу тебе.

— Правда, — рявкнул Вульфи, внезапно подойдя к его ногам. — Это — справедливая правда — ты сам это почувствовал.

Напротив нас, высоко на трибуне, встал вампир. У него были мягкие черты лица, широко расставленные глаза и вздернутый нос, что должно было заставить его выглядеть как нечто иное, нежели вампир. Как Вульфи и человек Эстель, он зашагал вниз по местам. Но не было никаких сильных ударов от его шагов или колебаний. Его путь, возможно, также был прямым и проложен в направлении тех кто мешал ему. Он приземлился на пол и подошел к Вульфи.

Он был одет в смокинг и пару темно-металлических перчаток. Он сгибал пальцы, и кровь капала из перчаток на пол.

Никто и не подумал убрать его.

Он повернулся, и произнес, голосом с легкой хрипотцой, — Принято. Он не твой воин, Марсилия.

Я понятия не имела, кто он был, но Стефан знал. Он застыл, на том месте где сидел, все его существо сосредоточилось на вампире в кровавых рукавицах. Лицо Стефана было пустым, будто весь мир перевернулся.

Марсилия улыбнулась. — Скажи мне. Обращался ли к тебе Бернард, с предложением предать меня?

— Да, — сказал Стефан, без выражения.

— Разве Эстель сделала то же самое?

Он сделал глубокий вдох, моргнул пару раз, и устроился в кресле. — У Бернарда, казалось, были интересы семьи в глубине души, — сказал он.

— Правда, — сказал Вульфи.

— Но Эстель, когда она попросила меня присоединиться к ней против тебя, Эстель просто хотела власти.

— Правда.

Эстель вскрикнула и попыталась встать на ноги, но она не могла отойти от Вульфи.

— И что ты им сказал? — спросила она.

— Я сказал им, что не пойду против тебя. — Стефан казался совершенно утомленным, но так или иначе его слова перекрывали шум, производимый Эстель.

— Правда, — заявил Вульфи.

Марсилия посмотрела на вампира в рукавицах, который вздохнул и наклонился к

Эстель. Он пару раз погладил ее по волосам, пока она не затихла. Мы все слышали треск, когда он сломал ей шею. Он потратил немного времени, отделяя ее голову от тела. Я отвернулась и с трудом сглотнула.

— Бернард, — сказала Марсилия, — мы считаем, что было бы хорошо, если бы ты вернулся к своему Создателю, до тех пор, пока верность не войдет у тебя в привычку.

Бернар встал. «Все это был трюк, — сказал он, и голос его дрожал. «Все дело техники. Ты убила людей Стефана, зная, что он любил их. Вы пытали его. Чтобы поймать Эстель и меня из-за нашего маленького восстания… восстания, рожденного из сердца вашего собственного Андре.»

Марсилия сказала, — Да. Не забудь, что я настропалила его маленькую любимицу, Мерседес, стать необходимым мне рычагом, чтобы перевернуть мир. Если бы она не убила Андрэ, если бы он не помог ей скрыть это, то я, возможно, не выслала бы его из семьи. Тогда я не смогла бы использовать его в качестве свидетеля против тебя и Эстель. Если бы я была вашим создателем, то избавиться от вас было бы гораздо легче, и стоило мне меньше.

Бернард посмотрел на Стефана, который сидел так, словно ему было больно двигаться, голова слегка наклонена.

— Стефан, единственный из всех, кто верен тебе до самой смерти. Так что, ты пытала его, убила его людей, выбросила его на улицу, поскольку знала — он откажется от нас. Так как его верность, была таковой, что, несмотря на то, что ты с ним сделала, он все равно останется твоим.

— Я рассчитывала на него, — сказала она. — При его отказе, ваше восстание теряет свою законность. — Она посмотрела на человека, который убил Эстель. — Ты, конечно, понятия не имел, что твои дети будут вести себя так.

Он улыбнулся ей как один хищник другому:

— Я не на стуле.

Он снял перчатки и кинул их на колени Вульфи:

— Даже с такой тонкой связью, — его руки были окровавлены, но я не могла сказать, было ли это от одной раны или многих.

— Я услышал твою истину и могу только надеяться, что ты найдешь ее столь же раздражающей как я.»

— Ну, Бернард, — сказал он. — Нам пора идти.

Бернард поднялся без протеста, но шок и смятение были в каждой линии его тела. Он следовал за своим создателем к двери, но обернулся, прежде чем покинуть комнату. «Боже, спаси меня», — сказал он, глядя на Марсилию, «от такой лояльности. Ты погубила его за своей прихоти. Ты не достойна его дара — так я ему сказал.

— Бог не спасет ни одного из нас, — сказал Стефан, понизив голос. — Все мы прокляты.

Он и Бернард смотрели друг на друга через всю комнату. Тогда младший вампир поклонился и последовал в дверь за своим создателем. Стефан освободил руки и встал.

— Стефан — сказала Марсилия, сладким голосом. Но прежде, чем она закончила последний слог, он ушел.

Глава 10

Марсилия замерла на мгновение смотря на место где только что был Стефан. Потом она посмотрела на меня, взгляд был настолько яростный, что я неосознанно сделала шаг назад, хотя между нами было очень большое расстояние.

Она закрыла глаза и вновь обрела контроль.

— Вульфи, — спросила она, — оно у тебя?

— Да, Хозяйка, — сказал вампир. Он встал и подплыл к ней, вытаскивая конверт из кармана.

Марсилия посмотрела на него, закусила губу, потом сказала, понизив голос: — Дай ей.

Вульфи изменил свой путь, так что он пришел непосредственно к нам. Он протянул мне конверт, который был ничуть не хуже, несмотря на время, что он провел в карман. Он была из плотной бумаги, на вид это было приглашение на свадьбу или выпускной. Он была запечатана Красным воском и от него пахло вампиром и кровью.

— Ты передашь это Стефану, — сказала Марсилия. — Скажи ему, что здесь информация. Не извинения или оправдания.

Я взяла конверт и почувствовала сильное желание смять его и бросить на пол.

— Бернард прав, — сказала я. — Вы использовали Стефана. Ему больно, вы сломали его, чтобы играть в свои детские игры. Вы не достойны его.

Марсилия не обратила на меня внимания.

— Хауптман, — сказала она со спокойной учтивостью, — я благодарю вас за ваше предупреждение о Блэквуде. В обмен на это, я согласна на перемирие. Подписанные документы будут высланы в ваш дом.

Она глубоко вздохнула и повернулась от Адама ко мне:

— Это судебное решение этой ночи, что действие, которое ты совершила против нас …, убийство Андрэ …, не привело к повреждению семьи. То, что у тебя не было намерения двинуться против семьи, было подтверждено твоими показаниями и твоих свидетелей, — она втянула в себя воздух. — Это — мое решение, семье не было принесено вреда, и ты не предатель. Никаких больше действий не будет предпринято против тебя и скрещенные кости будут удалены …, - она мельком взглянула на свое запястье.

— Я могу сделать это сегодня, — с нотками нежности сказал Вульфе.

Она кивнула:

— Удалить до рассвета, — она колебалась, затем сказала тихим голосом, как будто слова были вырваны из ее горла силком. — Это для Стефана. Если бы все зависело от меня, то твоя кровь и кости кормили бы мой сад, ходячая. Постарайся не вынуждать меня больше.

Она повернулась на каблуках и ушла через ту же дверь, что и Бернард.

Вульфи посмотрел на Адама. — Позвольте мне проводить вас до выхода, чтобы по дороге с вами ничего не произошло.

Адам сощурил глаза: — Ты намекаешь, что я не смогу защитить свою стаю?

Вульфи опустил глаза и низко поклонился. — Нет, конечно, нет. Просто предпологаю, что мое присутствие может спасти вас от неприятностей. И спасти нас от беспорядка, который придется убирать позже.

— Хорошо.

Адам шел впереди. Я позволяла другим волкам опережать меня, и старалась приглушить

боль, когда Мери Джо и Ауриэль сознательно избегали меня взглядом. Я не знала, какая причина … или, скорее, какая из причин беспокоила их — койот, который стал добычей вампира, или же причина в том, что Марсилия нацелилась на стаю. Не важно, в любом случае — я ничего не могла поделать.

Уоррен, Сэмюэль, и Даррил подождали, пока уйдут остальные, затем Уоррен улыбнулся мне слегка и пошел вперед. Даррил замешкался, и я посмотрела на него. Я пропускала его, что оставляло меня в конце стаи, для защиты тыла от нападения. Затем он улыбнулся — теплое выражение, я не могла сказать, что когда-либо видела это на его лице, направленное на меня во всяком случае. И он пошел вперед.

— Ах, нет, нет, — сказал Сэмюэль, забавляясь. — Я вне стаи, и поэтому могу быть в конце вместе с тобой.

— Мне не помешало бы хорошенько выспаться ночью, — сказала я ему, когда зашагала в ногу рядом с ним.

— Я думаю, это именно то, что нужно, после общения с вампирами, — Он положил руку на мое плечо. Холодную руку.

Я была так занята, источая страх, что привыкла и к чувству и к запаху. Я не заметила, что Сэмюэль также боялся.

Последний раз, когда он был здесь, Лили сделала из него закуску — а Марсилия поступила еще хуже, отняв его волю, пока он не стал ее.

Мне было страшно. Но я не могла себе представить, что чувствовал оборотень, который жил под контролем волка. Все время.

Я протянула руку и положила ее на его. — Давай-ка убираться отсюда, — сказала я. И на всем пути через комнату, я смутно чувствовала, что два тела все еще лежали на полу, и вампиров, и их зверинцы, которые молча сидели на трибунах, послушные приказу, который я не могла слышать. Они следили, как мы уходим, своими алчными взглядами, и я чувствовала их на спине всю дорогу к двери.

Точно так же, как призрака в ванной в доме Эмбер.

Я была вынужденна сидеть в машине Адама и ждать. Я не знала, была ли это арендованная машина или купленная — какой она и пахла. Пол, Дэррил и Ауриэлль сели на заднее сиденье… Сэмуэль вел свой собственный автомобиль, изящный новый Мерседес вишнево-красного цвета.

Мери Джо, которая сначала направлялась к машине Адама, пока не видела меня, резко изменила направление и села в старый грузовик Уоррена. Алек, семенивший вокруг нее, словно потерявшийся щенок, последовал за ней.

— Я подумала, может Бран из Византии, — сказала я наконец, пытаясь расслабиться в безопасности кожаной обивки, поскольку Адам выехал за ворота.

— Я не уловил всего, — сказал Даррил. Он, должно быть, устал, потому что его голос был глубже, чем обычно, в ушах стоял шум, так что мне пришлось внимательно прислушиваться, чтобы уловить все его слова. — По какой-то причине она должна была убедить Стефана, что он уже не в семье. Затем, когда ее предатели подошли к нему, он должен был отказаться от их предложения, прежде чем он смог свидетельствовать, что они это сделали?

— Вот как это звучит для меня, — сказал Адам. — Только с его свидетельством, и с согласия их создателя, она могла справиться со своими предателями.

— Имеет смысл, — предложил Пол почти застенчиво. — Способ, как работает семья,

если он принадлежит ей — то свидетельствует в ее пользу. Если те двое обманули ее, она не смогла бы их убить, основываясь лишь на собственных словах. Ей нужна была внешняя проверка.

Я задалась вопросом, если я была в их планах. Я задумалась, о Вульфи, о том как подходяще была его помощь, когда я убила Андрэ. Он знал, что я ищу Андрэ — я наткнулась на место его упокоения прежде, чем нашла Андре. Я считала, он скрывал все от Госпожи по своим собственным причинам… но, может быть, он этого не делал. Возможно, Марсилия запланировала это.

У меня заболела голова.

— Возможно мы подозревали не того вампира в попытке захватить семью Марсилии, — сказал Адам.

Я думала о вампире, который создал Бернарда и выдержал это … испытание.

Я не хотела сочувствовать; я хотела ненавидеть Марсилию чисто за то, что она сделала Стефану. Но я была мимолетно знакома со злом и всеми его оттенками, и тот вампир, создатель Бернарда, пробудил все сигналы тревоги, которые у меня были. Не то, чтобы остальные вампиры — не зло… мне бы хотелось сказать кроме Стефана. Но я не могла. Я встретила его зверинец, тех, кого убила Марсилия — и я знала, что для большинства из них, за исключением очень немногих, кто стал вампиром, Стефан был их смертью. Тем не менее, другой вампир ударил довольно сильно по моей «вытащите меня отсюда» шкале койота. Было что-то в его лице…

— Меня радует, что я оборотень, — сказал Дэррел. — Все, о чем мне нужно беспокоиться, так это о том, когда же Уоррен потеряет самообладание и бросит мне вызов.

— У Уоррена прекрасный самоконтроль, — сказал Адам. — Я бы не стал ждать, что он потеряет его за ужином.

— Лучше Уоррен как второй, чем кайот в стае, — сказала резко Ауриэлль.

Атмосфера в автомобиле накалилась.

Голос Адама был мягким: — Ты так думаешь?

— Риэлль, — предостерег Дэррил.

— Я думаю так, — ее голос не терпел никакого возражения. Она была учительницей средней школы, парой Дэррила, который сделал ее … не третьим в стае — им был Уорреном. Но второй с половиной, чуть ниже Даррила. Если бы она была человеком, я не думала, что она заняла бы место намного ниже.

— В отличие от вампиров, волки, как правило, прямолинейны, — пробормотала я, стараясь не чувствовать боль. Отказ, для койота воспитанного волками, не был в новинку. Я провела большую часть своей взрослой жизни в бегах от этого. Я бы не могла подумать, что усталость и боль были рецептом для прозрения, но не тут-то было. Я оставила мою мать и Портленд, прежде чем она успела выгнать меня. Я жила в одиночестве, стояла на двух ногах, потому что не хотела зависеть от кого-либо.

Я смотрела на мое сопротивление Адаму, как на борьбу за выживание, за право контролировать свои действия, вместо того, чтобы потратить жизнь, следуя приказам… потому что я хотела повиноваться. Долг, за который Стефан цеплялся с ужасным упрямством, был жизнью, от которой я отказалась.

Я не хотела видеть, как снова оказываюсь в таком месте, где буду отвергнута. Моя мать отдала меня Брану, когда я была ребенком. Подарок, который он вернул, когда я стала… неудобна. В шестнадцать лет, когда я вернулась к моей матери, которая была замужем за

человеком, которого я никогда не встречала и имела двух дочерей, которые не представляли о моем существовании до тех пор, пока Бран не позвонил маме, чтобы сказать ей о том, что он отправил меня домой. Они все были любящими и добрыми — но мне было тяжело лгать им.

— Мэрси?

— Минутку, — сказала я Адаму, — я нахожусь посреди озарения.

Не удивительно, что я разве что не свернулась у ног Адама, как любой здравомыслящий человек, когда рядом сексуальный, симпатичный, надежный мужчина, и который любит меня. Если Адам отвергнет меня… я почувствовала нарастающее низкое рычание в горле.

Вы слышали ее, — сказал Даррил, забавляясь. — Мы будем ждать ее озарения. У нас есть пророк — подруга нашего Альфы.

Я раздраженно отмахнулась от него. Затем посмотрела на Адама, чьи глаза были направленны туда куда и должны были, на дорогу.

— Ты любишь меня? — спросила я у него, пульс застучал у меня в ушах.

Он с любопытством посмотрел на меня. Он был волком, и заметил изменения в моем пульсе. — Да. Безусловно.

— Тебе повезло, — сказала я ему, — или ты пожалеешь.

Я посмотрела через мое плечо на Ауриэлль, собрав всю силу воли в кулак. Адам мой.

Мой.

И я приму все трудности, которые возникнут в будущем, как он сделал это с моими. Это будет равноценный обмен. Это означало, что он защищал меня от вампиров… и я защищу его от проблем, которые будут мне по силам.

Я уставилась на Ауриэль, столкнула хищника в ее глазах со своим. И только после нескольких минут, она опустила глаза. — Не мириться с этим и бороться с ней, — сказала я ей и, положив голову на плечо Адама, заснула.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Адам остановил машину. Я все так же сидела, погруженная в дремоту, в то время как Дэррил, Ауриэлль и Пол вышли из автомобиля. Мы стояли на месте, вскоре я услышала, как Дэррил завел свой Субару, после чего Адам поехал домой.

— Мэрси?

— Ммм?

— Я хотел бы отвезти тебя к себе домой.

Я села, протерла глаза и вздохнула.

— Как только я окажусь в горизонтальном положении, то сразу потеряю сознание, — ответила я.

— Уже сутки, — я попыталась вспомнить более точно, но слишком устала, — а скорее всего, уже несколько дней, у меня не было нормального ночного сна, — я заметила, что солнце было в зените.

— Все в порядке, — сказал он. — Я просто …

— Да, я тоже. — но все же я слегка вздрогнула. Все было хорошо и не было страха при флирте по телефону, но сейчас все было в реальности. Я не спала, пока мы проезжали оставшийся путь до его дома.

Дом альфы редко пустует — а с в связи с недавними проблемами, Адам держал в доме охрану. Когда мы вошли, нас кивком приветствовал Бен и продолжил спускаться вниз, где были гостевые комнаты.

Адам проводил меня вверх по лестнице, держа руку на моей пояснице. Живот скрутило от нервов, я старалась делать глубокие вдохи и напоминала себе, что это был Адам … и все, что мы собирались сделать — это лечь спать.

В ванной комнате был сделан ремонт. Поставили новую дверь, стены покрасили и задекорировали, все было как прежде. Но на белом ковре в верхней части лестницы все еще были коричневые пятна моей засохшей крови. Я и забыла об этом. Я должна предложить помощь и очистить его ковер? Кровь вообще очищается с белого ковра? И какой глупый человек стелет белый ковер в доме, который часто посещают оборотни?

Воодушевленная негодованием, я зашла в спальню Адама и замерла. Он взглянул на мое лицо и вытащил футболку из ящика и бросил мне.

— Почему бы тебе не воспользоваться ванной, — сказал он. — В верхнем правом ящике, есть запасная зубная щетка.

В ванной я почувствовала себя спокойней. Я, надев футболку, сложила грязную одежду и оставила ее небольшой кучкой на полу. Адам был не намного выше меня, но плечи у него были широкие, а рукава свисали ниже локтей. Я умылась, стараясь не задевать стежки на подбородке, почистила зубы, а потом просто стояла там несколько минут, собирая остатки мужества.

Когда я открыла дверь, Адам зашел в ванную и закрыл дверь, мягко подтолкнув меня в свою комнату, в итоге я оказалась стоящей перед расправленной кроватью с откинутым одеялом.

Не нужно слишком много, чтобы паника вновь захлестнула меня. Я бы дошла до предела, но видимо еще есть немного. И страх перед тем, что не произойдет — Адам никогда не повредит мне, — не хватало, чтобы зарегистрироваться.

Мне пришлось взять себя в руки и залезть в его постель. Как только я оказалась под одеялом, меня скрутило в одной из психологических атак, но вдохнув запах Адама, которым были пропитаны простыни, я почувствовала себя лучше. Мой желудок успокоился. Я несколько раз зевнула, и заснула под звуки электрической бритвы Адама.

Я проснулась в окружении Адама, его запаха, его тепла, его дыхания. Я ждала приступ паники, но он не пришел. Тогда я расслабилась, впитывая его. По свету пробивающемуся сквозь тяжелые жалюзи, я определила, что уже далеко за полдень. Я могла слышать, как люди двигались вокруг дома. Как пульверизаторы, доблестные защитники его лужайки, вели бесконечную борьбу против солнца.

Снаружи вероятно было около семидесяти градусов, но в доме — как и в моем, после переезда Сэмуэля, было довольно холодно, благодаря чему, тепло которое меня окружает сейчас, было приятнее. Оборотни не любят жару.

Адам тоже не спал.

Итак, — сказала я… половину-смущенно, наполовину возбужденно, и, в окружающем положении, наполовину-испуганно, тоже. — Ты готов к пробному испытанию?

— Пробное испытание? — спросил он слегка хриплым от сна голосом. Звук его голоса очень помог, я почувствовала, как смущение отходит, так же как и страх, а вот возбуждение только возросло.

— Ну, да. — Я не могла видеть его лица, но мне и не нужно. Я чувствовала его готовность принять участие в процессе, когда он прижался к моей заднице. — Дело в том, что со мной случались разные вещи, во время этих дурацких приступов паники. Если я задержу дыхание, то можно просто проигнорировать это. В конце концов я снова начну

дышать, или упаду в обморок. Но если меня стошнит… — я позволила ему сделать свои собственные выводы.

— Настрой пропадет полностью, — заметил он, и лицом уткнулся мне в шею, поскольку более полно обвил меня рукой поверх покрывала.

Я постучала по его руке пальцем, и предупредила, в шутку, но лишь наполовину, — Не смейся надо мной.

— Я и не мечтаю об этом. Я слышал рассказы о том, что происходит с людьми, которые над тобой смеются. Позволь, мне нравится мой кофе без соли. Знаешь что, — сказал он, и его голос упал на октаву ниже. — А почему бы нам

не поиграть немного — и не посмотреть, как далеко мы сможем зайти? Я обещаю не — развлечение сражалось с другими вещами в его голосе — тревожиться, если тебя вырвет.

А затем он скользнул по кровати вниз.

Когда я вздрогнула, он остановился и спросил меня об этом. Я поняла, что не могу ничего сказать. Есть вещи, которые вы не рассказываете своим друзьям, все еще пытаясь произвести впечатление. Есть и другие вещи, которые вы не хотите помнить. Паника, стянула живот, горло.

— Шшш, — сказал он. — Шшш. — И поцеловал меня там, где заставил меня стесняться. Это было нежное, заботливое прикосновение — почти бесстрастное, и перешел дальше на что-то менее… испорченное.

Но он был хорошим охотником. Адам не терпелив по своей природе, но его выдержка была на высоте. Он вернулся назад, к самому началу и попробовал еще раз.

Я все равно вздрогнула… но сказала ему немного. И, как волк, он омыл рану в моей душе, перевязав ее с заботой, и перешел к следующей. Он изучал тщательно, нашел другие психические раны-о существовании которых, я и не подозревала-и заменил их на другие вещи… лучшие. И когда страсть начала расти слишком дико, слишком быстро…

— Так, — прошептал он, — тебе щекотно здесь?

Да. Кто бы мог знать это? Я посмотрела на свою внутреннюю часть локтя, как будто никогда не видела ее раньше.

Он засмеялся, подпрыгнул немного, и пренебрежительно шумно фыркнул мне в живот. Мои колени дернулись в рефлексе, и я ударила с локтя по его голове.

— С тобой все в порядке? — Я отстранилась от него и села-все желание смеяться пропало. Поверьте мне, оглушить Адама, учитывая, чем мы занимались в этот момент. Я — глупый, неуклюжий идиот.

Он взглянул на мое лицо, обхватил руками голову и перекатился на спину, застонав от боли.

— Эй, — сказала я. И когда он не остановился, я ткнула его в бок — я тоже знала о некоторых его щекотливых местах.

— Прекрати. Я не ударила тебя так сильно. — Он брал уроки у Сэмюэля.

Он открыл один глаз. — Откуда ты знаешь?

— У тебя крепкая голова, — сообщила я ему. — И если я не повредила локоть при ударе, то и голову повредить тебе не могла.

— Иди сюда, — сказал он, открыв широкие объятия, глаза блестели от смеха… и тепла.

Я заползла на него сверху. Мы оба не надолго закрыли глаза, пока я устраивалась. Он провел руками по моей спине.

— Я люблю это, — сказал он мне, слегка задыхаясь и сверкая желтыми глазами.

— Любишь что? — Я повернула голову и приложила ухо ему на грудь, чтобы слышать стук его сердца.

— Прикасаться к тебе… — он намеренно провел рукой по моей голой заднице. — Ты знаешь, как давно я хотел это сделать?

Он зарылся пальцами в мои волосы. Напряженность, что не оставляла меня все это время, ушла. Я расслабилась и если бы могла, то точно замурлыкала.

— Если бы кто-то посмотрел на нас, то решил бы, что мы спим, — сказала я ему.

— Ты так думаешь? Только если они не слышат мой пульс … и твой.

Он нажал в нужном месте и я застонала.

— Как Медея, — пробормотал он. — Все, что мне нужно сделать, это положить свои руки на тебя. Ты можешь быть в ярости… и затем ты прижимаешься ко мне и становишься ласковой, как сейчас, — он прижал губы к моему уху. — Вот как я узнаю, ты хочешь меня так же, как я хочу тебя. — Его руки плотно прижимали меня, а я знала, что не одна изранена.

— Я не мурлычу, как Медея, — ответила я ему.

— Ты уверена в этом?

И он стал показывать мне, что он имел в виду. Я никогда не достигну мастерства Медеи, но я была близка к этому. К тому времени он взялся за дело, не было никакой комнаты в аду, которая была полна страхом из моей памяти. Не было ничего.

Был только Адам.

В следующий раз, когда я проснулась, на лице была улыбка. В постели я была одна, но это не имело значения, потому что я слышала Адама внизу — он разговаривал с Джесси. Либо они готовили обед — я кинула взгляд в окно — ужин, или кто-то рисковал быть нарезанным на маленькие кусочки.

Скоро я начну беспокоиться. Но сейчас… вампиры не собирались убивать всех, кого я знала. Они даже не собирались убивать меня. Взошло солнце. И вопросы между Адамом и мной были правильными и трудными. В основном. У нас было много о чем поговорить. Например, он хочет, чтобы я переехала? Ночью все было замечательно. Но его дом был не совсем частным; любой из его стаи может быть здесь в любой день.

Мне нравился мой дом, потрепанный, но он был. Мне нравится иметь свою собственную территорию. И … что относительно Сэмуэля? Я нахмурилась. Он был все еще … не цел, и по некоторым причинам все еще проживал в моем доме и помогал мне. Со мной он мог иметь стаю, но при этом не быть Альфой и ответственным за всех. Я не была уверена, что с ним все будет хорошо, если я перееду к Адаму — и я знала, что ничего хорошего не выйдет, если он тоже переедет сюда.

Видите, уже начала беспокоиться.

Я сделала глубокий вдох и расслабилась. Завтра я буду волноваться о Сэмюэле, о Стефане и об Эмбер, призрак которой был наименьшим из ее проблем. Сегодня я собираюсь наслаждаться жизнью. В течение целого дня я собиралась быть счастливой и беззаботной.

Я выскользнула из постели и поняла, что абсолютно голая. Чего и следовало ожидать. Но не было никаких признаков нижнего белья на полу или на кровати. Я была головой и плечами под кроватью, когда Адам сказал от дверного проема, — Я шпион с маленьким глазом, что начинается с буквы " а».

— Я буду шпионить своим маленьким глазом и хлюпать, — угрожала я, но, поскольку кровать скрывала меня, на лице была улыбка. Я не застенчива к своему телу — я выросла

среди вервольфов. Я могу притворяться, чтобы люди не восприняли меня неправильно… но с Адамом это будет самым правильным. Я пошевелилась в сомнении, и он шлепнул меня. — Я чувствую запах того, что ты готовил — что-то с лимоном и цыпленком — и мне хочется есть. Но я не могу найти свое нижнее белье.

— Ты могла бы пойти и без, — он предложил, сидя на кровати справа от меня.

— Ха, — ответила я. — Не в этой жизни. Там Джесси и кто знает, кто еще там. Я не хожу без нижнего белья.

— А кто бы узнал? — спросил он.

— Я же знаю, — сказала я ему, вытаскивая голову из-под кровати, только чтобы увидеть, как на его пальцах болтались мои ярко-голубые трусики.

— Они были под подушкой, — сказал он с невинной улыбкой.

Я схватила их и надела. После я вскочила и пошла в ванную, где была остальная моя одежда. Я оделась, сделала шаг в сторону раковины и тут в голове пронеслись кадры недавних событий.

Я была здесь, недостойная, грязная… запятнанная. Я не могла с ними справиться, не могла смотреть в их лица, потому что все они знали, что…

— Шшш, шшш, — Адам напевал мне на ухо. — Все кончено. Все прошло.

Он прижимал меня к себе, сидя на полу в ванной комнате со мной на коленях, а я дрожала, пока воспоминания не поблекли. Когда я смогла нормально дышать, я села прямо, в попытке сохранить достоинство.

— Прости, — сказала я.

Я думала, что прошлая ночь должна была позаботиться о галлюцинациях, приступах паники — я была здорова, верно? Я протянула руку и схватила полотенце, вытерла им мокрое лицо и обнаружила, что оно просто становилось мокрым.

Я была уверена, что все сейчас вернется к нормальному.

— Это займет больше времени, чем неделя, чтобы преодолеть что-то вроде этого, — Адам сказал мне, как будто он мог читать мои мысли.

— Но я могу помочь, если ты позволишь мне.

Я посмотрела на него, и он провел большим пальцем под глазами. — Ты должна будешь открыться, все же, и впустить стаю.

Он улыбнулся грустной улыбкой. — Ты закрыта довольно жестоко, с тех пор, как ехала назад из Спокана. Если бы я стал предполагать, то сказал бы, что это происходит, когда ты позволяешь Стефану укусить тебя.

Я понятия не имела, о чем он говорит, и я догадалась, что это было заметно.

— Не нарочно? — сказал он.

Почему-то, я соскользнула с колен и стояла, прислонившись к противоположной стене. — Не знаю.

— У тебя был приступ паники по дороге домой, — сказал он мне.

Я кивнула и вспомнила тепло стаи, которое вытащило меня оттуда. Замечательное, потрясающее, и погребенное под остальными событиями последних двух ночей.

Его веки опустились. — Так-то лучше… немного лучше. — Он поднял глаза от пола и сосредоточился на мне, желтые огоньки танцевали в его радужках. Он протянул руку и коснулся меня, у меня под ухом.

Это было легкое прикосновение, едва кожа-к-коже. Это должно было быть случайным.

Он рассмеялся, от этого звука немного закружилась голова. — Как Медея, Мерси, —

сказал он, опуская руку и переводя дух, звуча немного неровно. — Позволь мне попробовать это снова. — Он протянул руку.

Когда я вложила свою руку в его, он закрыл глаза и …, я почувствовала струйку жизни, тепла и здоровья, сочащегося от его руки в меня. Было похоже на объятие в летний день, смех и сладкий мед.

Я проникла через него, скользя во что-то и я просто знала, что это были теплые глубины, которые окружают меня.

Но стая не желала меня. И как только эта мысль пронеслась у меня в голове, связь исчезла — и Адам, отдернул руку, шипя от боли, которая поставила меня на колени. Я неосознанно потянулась, чтобы вновь тронуть его, но затем отдернула руку, чтобы снова не причинить ему боль.

— Адам?

— Упрямая, — сказал он с оценивающим взглядом. — Я получил часть от тебя, все же. Мы не любим тебя, поэтому ты ничего не будешь брать от нас? — Вопрос в его голосе был адресован самому себе, как будто он не был совершенно уверен в своем анализе.

Я снова села на пятки, уловив суть его слов.

— Инстинкты управляют волком… койотом тоже, я полагаю, — сказал он мне, помолчав немного. Он выглядел расслабленным, одно колено поднято вверх, а другое вытянуто чуть в сторону от меня. — Истина без прикрас или манер, и срабатывает логика, у всех своя. Ты не можешь позволить давать стае, не давая взамен, и если мы не хотим твой дар…

Я промолчала. Я не понимала как работает стая, но последние его слова были правдивы. Немного погодя, он сказал: — Это иногда неудобно, быть частью стаи. Когда магия стаи в самом разгаре, как сейчас в полнолуние, все прячутся друг от друга все время, мы поступаем как люди. Мы не можем выбирать, какие вещи держать в тайне. Пол знает, что я все еще сердит на него за нападение на Уоррена, и это заставляет его пресмыкаться, от чего я еще сильнее злюсь, потому что это не угрызения совести за то, что он напал на Уоррен, когда он был ранен, это страх из-за моего гнева.

Я уставилась на него.

— Это не так уж плохо, — сказал он мне, — знать кто они, что важно для них, чем они отличаются. Какие силы каждый из них вносит в стаю.

Он колебался. — Я не знаю, сколько ты получишь. Если я захочу, то в полнолуние в волчьей форме, я могу прочесть каждого, почти всегда — эта часть приходится на долю Альфы. Это позволяет мне использовать определенных людей, чтобы создать стаю. Большинство из стаи получают только части и отрывки, в основном, вещи, которые касаются их или нечто значительное. — Он слегка улыбнулся мне. — Я не знал, что попытка ввести тебя в стаю сработает вообще, ты знаешь? Я не смог бы сделать этого с подругой-человеком, но с тобой всегда неизвестно. — Он пытливо посмотрел на меня. — Ты знала, что Мери Джо пострадала.

Я покачала головой. — Нет. Я знала, что кому-то было больно, но я не знала, что это была Мэри Джо до тех пор, пока я ее не увидела.

— Хорошо, — сказал он, ободренный моим ответом. — Это не должно быть плохо для тебя в таком случае. Если ты нуждаешься в них, или они нуждаются в тебе, стая будет просто как… щит за спиной, тепло в бурю. Наша связь, как пары — когда все уляжется — вероятно, добавит ко всему немного странности.

— Что ты имеешь в виду, «когда все уляжется»? — Спросила я его.

Он пожал плечами. — Трудно объяснить. — Он бросил на меня веселый взгляд. — Когда я учился тому, как быть волком, я спросил у своего учителя, что чувствуешь во время спаривания. Он сказал мне, что для каждой пары по разному — и статус Альфы — добавляет характерных особенностей.

— Так ты не знаешь? — Поскольку это не было ответом — и Адам не уклонялся от вопросов. Он отвечал или говорил вам, что не собирается.

— Сейчас, — сказал он. — Наша связь — он сделал жест рукой, указывая на что-то в небольшом пространстве в ванной, которая лежала между нами — ощущается для меня, как мост, как подвесной мост над Колумбией. У него есть фундамент и кабели, все что должен иметь мост, но он еще не охватывает реку. — Он посмотрел мне в лицо и усмехнулся. — Я знаю, что это звучит глупо, но ты сама спросила. В любом случае, если все, что ты почувствовала, когда Мэри Джо была при смерти это то, что кому-то было больно, значит ты уловила тех немногих, кто не принял тебя, как часть нашей стаи-это моя вина. Ты чувствовала их через меня. Самостоятельно, ты бы даже не знала о них, пока не были бы выполнены определенные условия. Такие вещи, как близость, насколько ты открыта стае, и полнолуние. — Он усмехнулся. — Или насколько сварлива ты с ними.

— Так значит, если я не чувствую их, это не зависит от того, хотят ли они меня?

Он окинул меня спокойным взглядом. — Конечно, это имеет значение, но это не будет тянуть тебя за горло вниз каждую минуту дня. В основном, я надеюсь, ты знаешь тех, кто не хочет койота в стаю. Поскольку Уоррен знает волков, которые ненавидят то, что он больше, чем, что он делает. — Мельком печаль осветила его глаза, за испытания Уоррена, но он продолжал говорить. — Так же, как Дэррил знает волков, которые возмущаются тем, что им отдал приказ чернокожий человек, с хорошим образованием. — Он улыбнулся, совсем чуть-чуть. — Ты не одинока, большинство людей осуждают за что-то. Но ты знаешь, через некоторое время углы стираются. А знаешь, кто ненавидел Дэррила, когда он присоединился к нам, на обратном пути, когда мы были все еще в Нью-Мексико?

Я изогнула бровь в немом вопросе.

— Ауриэлль. Она думала, что он высокомерный сноб.

— Он такой, — заметила я. — Но он также умный, проворный и даже добрый, когда никто не видит.

— Так, — кивнул он. — Никто из нас не совершенен, и в стае мы учимся принимать эти недостатки и делать их лишь небольшой частью тех, кто мы есть. Давай действительно примем тебя в нашу стаю, Мерседес. И волки, которые негодуют, что ты будешь в стае, будут иметь дело с тобой, как и ты будешь иметь дело с теми, кто тебе не нравится по каким-либо причинам.

Я думаю, с исцелением ты справилась самостоятельно, стая может помочь остановить твои приступы тревоги.

— Бен грубиян, — сказала я, рассматривая его.

— Видишь, ты уже знаешь большинство из нас, — сказал Адам. — И Бен обожает тебя Он не знает, как бороться с этим чувством. Он не привык к тому, что… он испытывает симпатию к женщине…

— Иш, — невозмутимо сказала я.

— Давай попробуем еще раз, — предложил он и протянул свою руку.

На этот раз, когда я прикоснулась к нему, все, что я почувствовала, это кожу и мозоли,

ни тепла, ни магии.

Он склонил голову и окинул строгим взглядом:

— Трудно спорить с инстинктом, даже с разумом и логикой, не так ли? Может я постучу?

— Что?

— А что, если я свяжусь с тобой в первую очередь? Возможно, это позволит тебе открываться и стае.

Это казалось достаточно безопасным. Насторожившись, я кивнула … и я чувствовала его, чувствовала, что его дух или что-то другое прикоснулось ко мне. Это не было похоже, на то как я вызывала Стефана. Прикосновение Адама напомнило мне о прикосновении, которое я иногда чувствовала в церкви — но сейчас это был Адам, а не Бог.

И потому, что это был Адам, я впустила его, принимая его в свое тайное сердце. Что-то правильное осело и зазвенело в моей душе. Тогда шлюзы открылись.

Когда я очнулась в следующий раз, то вновь сидела на коленях Адама, но на полу спальни, а не ванной. Некоторые из стаи окружили нас и стояли, взявшись за руки. Моя голова болела так сильно, что боль с похмелья казалась пустяком.

— Мы оказываемся перед необходимостью работать над твоими навыками фильтрования, Мерси, — немного грубо сказал Адам.

Как будто это было сигналом для стаи, они разжали руки и стали нормальными — хотя я не знала, что они были чем-то еще, пока все не закончилось… Что-то остановилось, и моя голова уже болела не так сильно.

Неловко находиться на полу, когда все стояли на ногах, я отодвинулась и попыталась упереться руками, чтобы встать.

— Не так быстро, — пробормотал Самуэль. Он не был одним из круга, я бы его заметила, но он пробился через него ко мне. Он протянул руку и помог подняться на ноги.

— Я сожалею, — сказала я Адаму, зная, что что-то случилось плохое, но я не могла сосредоточиться на том, что это было.

— Не нужно извинятся, Мерси, — голос Сэмуила доносился откуда-то издалека. — Адам достаточно стар, чтобы знать лучше, как принимать тебя в стаю, в то же время, когда налаживается ваша личная связь, как пары. Это напоминает обучение ребенка плаванию в океане. Во время цунами.

Адам не встал, когда это сделала я, и когда я посмотрела на него, лицо его было сероватым с его-то. Он закрыл глаза, темным загаром, и он сидел, как если любое движение было болезненным. — Здесь нет твоей вины, Мэрси. Это я попросил тебя открыться мне.

— Что случилось? — Спросила я у него.

Адам открыл глаза, и они были желтые, такими я их еще никогда не видела.

— Перегрузка, — ответил он.

— Кому-то, наверное, следует позвонить Даррилу и Уоррену и убедиться, что с ними все в порядке. Они вошли без предупреждения и помогли вернуть тебя в твою собственную кожу.

— Я не помню, — сказала я настороженно.

— Хорошо, — сказал Сэмюэль. — К счастью, для нас всех, у мозга есть способ защитить себя.

— Ты перешла от полностью закрытого до полностью открытого состояния, — сказал Адам. — А когда ты открыла себя для меня, стая присоединилась к нашей связи. Прежде чем

я понял, что произошло ты… — Он махнул рукой. — Как бы растворилась через связь стаи.

— Как и Наполеон, пытаясь взять верх над Россией, — сказал Самуил. — Тебя просто не хватит на всех.

Я помнила лишь немногое. Я плавала, тонула в воспоминаниях и мыслях, которые не были моими. Они текли по мне, вокруг меня и через меня … Было холодно и темно; я не могла дышать. Я слышала, как Адам звал меня…

— Ауриэлль ответила, — сообщил из прихожей Бен. — Она сказала, что с Дэррилом все прекрасно. Уоррен не берет трубку, поэтому я позвонил этому парню, его игрушке. Парень проверит и перезвонит.

— Бьюсь об заклад, ты не назвал его игрушкой в лицо, — сказала я.

— Можешь мне поверить, именно так я и сделал, — ответил Бен, в попытке сохранить достоинство. — Ты бы слышала, как он обозвал меня.

У Кайла, парня Уоррена, который работал адвокатом по бракоразводным процессам и был асом своего дела, был язык, который мог быть столь же острым как бритва и как его ум. Я бы поставила деньги на результат любой словесной перестрелки между Кайлом и Беном, и победителем будет явно не Бен.

— Папа, все в порядке? — спросила Джесси. Волки отошли в сторону, почти застенчиво, чтобы дать ей пройти — и я поняла, что они, должно быть, держали ее подальше, пока вопрос по-прежнему вызывал сомнения. Судя глазами Адама, он еле держал волка под контролем, так что держать его человеческую дочь подальше отсюда, была хорошая идея. Но я знала, на что способна Джесси — и я не хотела быть тем, кто удерживает ее в стороне.

Адам поспешно вскочил и почти не полагался на Мэри Джо, — кто бы предложил ей руку, когда он покачнулся.

— Я просто прекрасно, — сказал он своей дочери и быстро обнял ее.

— Джесси позвала Сэмуэля, — сказала Мэри Джо ему. — Мы даже не думали о нем. Он сказал нам, что сделать.

— Джесси бомба, — сказал я с убеждением. Она ответила мне неуверенной улыбкой.

— Трюк, — пояснил Сэмуэль для меня, — чтобы соединиться со стаей и с Адамом — не теряя себя в них. У оборотней это на инстинктивном уровне, а тебе, я предполагаю, придется над этим поработать.

В конце концов, я ужинать пошла домой, мне почти удалось выскользнуть из дома незамеченной собравшимися членами стаи, которые пришли на зов. Мне нужно было побыть в одиночестве. Адам видел, что я ушла, но не попытался меня остановить — он знал, что я вернусь.

В холодильнике была миска тунца, соленые огурцы, и майонез, так что я сделала бутерброд и покормила, тем чем осталось, кошку. Пока она ела, я позвонила на мобильный телефон Кайла.

— Ммм?

Звук был настолько расслабленным, я даже убрала телефон от уха, чтобы убедиться, что именно до Кайла я дозвонилась. На маленьком экране светилось — Кайл Келл.

— Кайл? Я звоню, чтобы узнать, как Уоррен.

— Прости, Мерси, — Кайл смеялся, и я услышала всплеск воды. — Мы в джакузи. Он в прекрасной форме. Как ты? Бен сказал, что у тебя все хорошо.

— Прекрасно. Уоррен?

— Он лежал в прихожей, видимо, направлялся на кухню с пустым стаканом.

— Он не был пустым, когда я нес его, — произнес Уоррен с горячим южным акцентом.

— Ах, — сказал Кайл. — Я не замечал ничего кроме Уоррена. Но он очнулся через несколько минут.

— Холодная вода сделала свое дело, — забавляясь, заметил Уоррен.

— Но она была жестокой и болезненной — в джакузи.

— Скажи ему, что я сожалею, — сказала я Кайлу.

— Ничего жалеть, — заявил Уоррен. — Волшебство стаи иногда может оказаться сложным. Это Адам, Дэррил, и я, милый. Я больше не чувствую, что ты в стае. Проблемы?

— Скорее всего, нет, — сказал я ему. — Сэмуил говорит, что я просто перегорела, как электрическая цепь. Все скоро вернется на свои места.

— Очевидно нет необходимости, чтобы я передал что-либо, — сказал Кайл сухо.

Машина остановилась на дороге — Мерседес, подумала я. Но я не смогла определить кому он принадлежит.

— Вместо этого, обними за меня Уоррена, — попросила я. — И наслаждайтесь джакузи.

Я повесила трубку прежде, чем Кайл мог бы сказать нечто возмутительное мне в ответ и пошла к двери, чтобы посмотреть, кто там идет.

Корбан, муж Эмбер просто шел вверх по ступенькам. Он выглядел смущенным, когда я открыла дверь, прежде чем он постучал. Он выглядел расстроенным, его галстук сбился набок и он явно не брился несколько дней.

— Корбан? — спросила я. Я не могла представить, зачем он был здесь, когда проще было позвонить. — Что случилось?

Он оправился от минутного колебания и перепрыгнул через последнюю ступеньку. Он протянул руку, и я заметила, что он был одет в кожаные водительские перчатки и держит что-то странное. Это все, что я успела заметить перед тем, как он ударил меня тазером.

Тазеры становятся привычным явлением среди полицейских, хотя на самом деле прежде я никогда не видела их. Где-то на YouTube есть видео, снятое на мобильный телефон, показывающее, что произошло со студентом, который нарушил какое-то правило в университетской библиотеке. Его ударили тазером, потом еще раз, потому что он не хотел вставать, когда ему сказали.

Это причинило боль. Это причинило боль как …, как я не знаю что. Я рухнула на землю, и лежала там, как замороженная, в то время как Корбан обыскал меня. Он вывернул мои карманы, кинув сотовый на крыльцо. Он схватил меня за плечи и колени и попытался рывком поднять меня.

Я намного тяжелее, чем кажусь, мышцы прибавляют веса — и он не был оборотнем, просто отчаянным человеком, шепчущим: — Мне так жаль. Прости.

Я бы поверила, что он сожалел, но я не была способна нормально думать из-за тумана от боли в голове. «Я не сержусь, мне даже не больно», это было больше кредо, чем клише для меня.

Люди, которых ударяли тазером были выбиты из строя только на несколько секунд. Даже ребенок в библиотеке был в состоянии наделать шума. Я же была абсолютно беспомощна, и я не знаю почему.

Я пыталась позвать на помощь стаю или Адама. При попытке наладить связь, я потерпела неудачу, но из-за тазера я ничего не чувствовала, кроме боли. Моя голова болела

так сильно, что кажется мои уши должны кровоточить.

Было еще светло, поэтому призыв Стефана не сильно поможет.

Со второй попытки, он поднял меня и понес к машине. С звуковым сигналом открылся багажник и он меня кинул в него. Моя голова несколько раз отскочила от пола. Когда я разберусь со всем, Эмбер рискует стать вдовой.

Царапая кожу, он резко завел мои руки за спину и обмотал их скотчем. Та же участь постигла мои лодыжки. Открыв мой рот, он запихал в него носок, пахнущий кондиционером для белья и немного Эмбер и закрепил его, обмотав эластичным бинтом мою голову.

— Чад, — с дикими глазами он сказал мне. — Он забрал Чада.

Я мельком увидела свежий след укуса на шее перед тем, как он захлопнул багажник.

Глава 11

Должно быть, прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем эффекты смягчились, и я снова пришла в себя. Первый вывод, к которому я пришла, состоял в том, что он ударил меня электрошокером и это было не нормально. Ад не тот образ. Боль и дрожь, я забилась в вибрирующем багажнике и попыталась придумать какой-то план.

Я не могла измениться, но смогу прежде, чем мы достигнем Спокана. А связана я была не достаточно сильно, чтобы сдержать койота. Машина была новой, и я могла видеть лапку, открывающую багажник. Так что я не была в ловушке.

Реализация сделала немало, чтобы остановить панику. Несмотря ни на что, я не должна столкнуться лицом к лицу с Блеквудом. Я расслабилась на полу багажника и попыталась выяснить, почему вампир хотел меня так сильно, что готов погубить своего адвоката, чтобы получить меня. Возможно, он не ценил Корбана — но у меня было ощущение, что их Союз был давним. Он пытается получить контроль над Тройным городом, а также Споканом? Забрать меня и держать в заложниках, чтобы заставить Волков действовать против Марсилии?

Это походило на правду… только если бы похищение состоялось еще вчера. Но войне оборотней и вампиров в Тройном городе наступил конец и поэтому сейчас мое похищение, с целью повлиять на Адама, было глупым решением. А глупый вампир не смог бы держать всех подальше от своего города. Был маленький шанс, что он еще не был в курсе произошедших событий. Если был шанс, что означало, что я не могла отклонить теорию напрямую. К тому же Марсилия лишилась трех сильнейших вампиров. Если он хотел сместить ее, то теперь было самое время, чтобы напасть на нее. Мое похищение не было ударом — это было для удачного бегства, в случае поражения.

Особенно теперь, когда Марсилией было объявлено перемирие с волками. Похищение меня, на сколько я могла судить, не сделает ничего, кроме как отправит Адама к Марсилии с предложением альянса.

Понимаете? Он поступил глупо, похищая меня, если его целью было захватить территорию Марсилии.

Блэквуд не мог быть настолько тупым, и я обнаружила, что, бесспорно, лежа в багажнике Корбана,

я была склонна думать, что мы ошиблись в отношении намерений Блеквуда.

Так чего же он хотел от меня?

Это может быть также просто, как гордость. Он потребовал меня в качестве пищи- возможно, как он требовал любого, кто пришел в дом Эмбер. Затем Стефан пришел и забрал меня у него.

Теории имеют преимущество, соответствуя принципу группы KISS — Keep It Simple Stupid (Не усложняй, тупица).

Это означало, что Блэквуд не имеет ничего общего с призраком Чада. Предположим, это лишь немая удача в том, что я беспечно вошла в его охотничьи угодья, когда приехала к Эмбер искать Духа.

Вампиры высокомерны и территориальны. Это было не только возможно, но и вероятно, что выпив моей крови, он будет полагать, что я принадлежу ему. Если он был в достаточной степени собственником — а его поведение в городе говорит само за себя, что

Блэквуд в высшей мере собственник — было вполне разумно, что он пошлет приспешника, который заберет меня.

Это было изящное, простое решение, и оно не зависило от моего бытия-ничего особенного. Эго, любит говорить Бран, мешает на пути к истине, чаще, чем что-либо другое.

Плохо было то, что это по-прежнему не совсем подходит.

Находясь в одиночестве в багажнике от нечего делать, у меня появилось время, чтобы проанализировать все это. С самого начала первая поездка к Эмбер не давала мне покоя. Поразмыслив, это показалось мне еще более неправильным.

Эмбер, с которой я плескалась на кухне, которая устраивала ужины для клиентов мужа, не станет так необдуманно и неловко сближаться со мной, ради помощи с призраком, потому что она прочитала о моем изнасиловании — изнасиловании почти незнакомки, в действительности, после всех этих лет — в газете.

Я не видела ее уже давно. Но, оглядываясь назад, была неловкость в ее поведении, которая была несвойственна той женщине, которой она была или той, которую она вырастила в себе. Это могла бы объяснить странная ситуация, но я подумала, более вероятно, что ее подослали.

Что оставляло вопрос открытым, почему Блэквуд хотел меня?

Что он мог узнать обо мне прежде, чем потребовал поехать к Эмбер?

Газеты объявили, что я встречаюсь с оборотнем. Эмбер знала, что я вижу призраков. Я глубоко вдохнула — она также знала, что я была воспитана в приемной семье в штате Монтана, пока мне не исполнилось шестнадцать. Это не было тем, что я скрывала — только та ее часть, о моей приемной семье, что они вервольфы, за исключением того времени, когда я была пьяна.

Но среди оборотней, знание о ходячей, койоте-оборотне, которую воспитал Бран, было широко распространено. Поэтому сложно сказать, что он ничего не знал обо мне до тех пор, пока не появилась газетная статья. Мне говорили, что Эмбер посмотрела на газету и сказала, — Боже — я знаю ее. Интересно, не сможет ли она быть нам полезна, в избавлении от призрака. Она говорила, что может видеть призраков.

Блэквуд сказал себе, — Хм. Девушка, у которой парень Альфа Тройного Города. Девушка близкая к миру призраков. — И будучи значительно старше меня, он мог знать больше о ходячих, чем я.

Так он сложил два и два и получил — Эй, интересно, а не может ли она быть, той ходячей, которую вырастил Бран несколько лет назад. — Таким образом, он мог спросить Эмбер, не была ли я из штата Монтаны. И она рассказала ему, что я воспитывалась там в приемной семье.

Может быть, он хотел что-то от ходячих. Тут я вспомнила неприятный момент, когда Стефан рассказывал мне о Господине Милана, который " подсел " на кровь оборотней. Но Стефан взял мою кровь и не казался взволнованным. В любом случае, полагаю, Блеквуд хотел ходячую и поэтому послал Эмбер найти меня и уговорить приехать в Спокан.

Мне не нравился он так же, как теория ПОЦЕЛУЯ. Но это было главным образом потому что это означало, что он не оставит охоту на меня просто, потому что я сбежала из этого автомобиля. Это означало, что он просто продолжит приезжать, пока не получил то, что хочет — или не будет убит.

Это соответствует тому, что мне известно. Ходячие — редкость. Если и есть другие ходячие в округе, то я никогда их не встречала. Так что если он выяснил, кем я была, и он

хотел одного такого, то было бы логично, чтобы он пришел за мной. Так, что же он хочет от ходячего?

Покалывание в руках и ногах, постепенно рассеялось, и осталась только боль от зажимов позади. Подошло время побега… и тогда я действительно задумалась о том, что сказал Корбан, — У него Чад.

Корбан похитил меня, потому что Блэквуд забрал Чада. Я подумала, что Блэквуд будет делать, если Корбан вернется, а я сбегу от него.

Может быть, он просто отправит его снова. Но я вспомнила, равнодушие Марсилии, когда она приказала убить человека Эстель… когда она убила всех людей Стефана. Ей было больно, что он все еще сердит на нее после того, как он понял, что она сделала. Может быть, она вообще не понимала привязанности Стефана к своему народу… потому, что люди были пищей.

Может быть, Блэквуд просто убьет Чада.

Я не могла рисковать.

Внезапно острый страх ощутил себя как дома в моих внутренностях, потому что я действительно была в ловушке. Я не мог сбежать, не тогда, когда это может означать, что Чад умрет.

Пересохло в горле, я пыталась разобраться в доступных мне средствах. Конечно же есть волшебный посох. Его не было поблизости в данный момент, но в конечном итоге он придет ко мне. Малый народ считает его могущественным артефактом — если бы только вампиры боялись овец.

Я не смогла найти стаю или Адама. Сэмюэль сказал, что связь восстановится. Он так и не назвал мне срок — а я не стремилась повторить опыт, так что я не спросила. Адам сказал, что расстояние делает связь слабой.

Я вспомнила, что Сэмюэль один раз добежал до Техаса, чтобы защититься от отца… и это сработало. Но Спокан был намного ближе к Тройному Городу, чем Техас к Монтане. Так может быть, если я остановлю Блеквуда на достаточно долгое время, то смогу вызвать стаю, чтобы вновь спасти меня.

После наступления темноты, а это будет вскоре после наступления темноты, будет и Стефан. Я могу позвать его, и он придет, как уже это делал, когда Марсилия попросила меня об этом, но я должна сделать это прежде, чем Блеквуд заставит меня обменяться с ним кровью снова. Я предположила, что то, что уничтожило власть Блеквуда, сработает и в обратном порядке.

И, как с вызовом стаи, я призвала бы его только, чтобы умереть. Если бы он считал, что способен противостоять Блеквуду — чего он не мог — мне ничего не оставалось, кроме как, принять его мнение.

Он знал больше о Блэквуде, чем я.

Если я уйду, то оставлю мальчика, которого я люблю, в руках монстра. Если я останусь… я отдам себя в руки монстра. Монстра.

Возможно, он не намеревался убить меня. Я могла легко заставить себя в это поверить. Сложнее было отклонить его уже продемонстрированное желание сделать меня своей марионеткой.

Я всегда могу уйти. Я наклонилась и сказала себе, что это потому, что я не хочу, сталкиваться с Блэквудом, пока я связана и беспомощна. Как койот я ерзая избавилась от пут и кляпа, затем двинулась обратно, оделась и стала перебирать защелку на замке багажника.

Итак, я ехала в багажнике автомобиля Корбана весь путь до Спокана. Когда машина замедлилась, оставляя гладкое рычание автомагистрали между штатами для остановки и перехода на движение по городу, я поправила свою одежду. Мои пальцы коснулись посоха… серебра и дерева, он был спрятан под моей щекой. Я погладил его, потому что он заставил меня почувствовать себя лучше.

— Ты лучше спрячься, моя прелесть, — пробормотала я с поддельным пиратским акцентом. — Или тебя поместят в его комнату сокровищ и ты никогда не увидишь дневного света.

Что-то под ухом звенело, колесо машины угодило в ямку, меня подбросило и я выпустила из рук посох. Я надеялась, что он выслушал меня и исчез. От него мало помощи при борьбе с вампиром, и я не хочу, чтобы этот посох пострадал, пока он находится у меня.

— Теперь ты говоришь с неодушевленными предметами, — сказала я вслух. — Полагая, что они будут тебя слушать. Опомнись, Мерси.

Автомобиль, замедлил ход, затем остановился. Я услышала звон цепи и металла по тротуару, после чего машина медленно двинулась вперед. Казалось, ворота Блеквуда были немного более шикарными, чем у Марсилии. Разве вампиры беспокоятся о таких вещах?

Я свернулась, скрестила ноги и наклонилась, пока подбородок не оперся на пятки. Когда Корбан открыл багажник, я просто села. Это должно было выглядеть так, будто я делала это все время. Я надеялась, что это должно отвлечь его внимание от содержимого багажника, чтобы он не заметил посох. Если он все еще был там.

— Чад у Блеквуда? — спросила я его.

Он открыл рот, но не произнес ни звука.

— Послушай, — сказала я, выскакивая из багажника с меньшим изяществом, чем планировала. Проклятый электрошокер или парализатор или что бы это ни было. — У нас не так много времени. Мне нужно знать, какова ситуация. Ты сказал, что Чад у него. Что именно он сказал тебе сделать? Он сказал тебе, зачем я нужна ему?

— Чад у него, — сказал Корбан. Он закрыл глаза, и лицо его вспыхнуло красным — как у штангиста после больших усилий. Его голос прозвучал медленно. — Я должен забрать тебя, когда ты одна. Когда не будет никого вокруг. Ни твоего соседа по комнате.

Ни твоего парня. Он скажет мне когда. И я верну тебя обратно. Мой сын будет жить.

— Для чего я нужна ему? — спросила я, все еще поглощенная тем, что Блеквуд знал, когда я оставалась одна. Я не могла поверить, что кто-то мог следить за мной — даже если я не обнаружила их, были еще Адам и Сэмюэль.

Он покачал головой. — Не знаю. — Он потянулся и схватил меня за запястье. — Я должен доставить тебя сейчас.

— Прекрасно, — сказала я, и мой пульс подскочил. Даже сейчас, подумала я, окидывая беглым взглядом ворота и каменные стены, не менее десяти футов в высоту. Даже сейчас я могла сорваться и убежать. Но там был Чад.

— Мерси, — сказал он, неестественным голосом. — И еще одно. Он хотел, чтобы я рассказал тебе о Чаде. Так ты придешь.

Просто, потому что вы знаете, что это ловушка, не означает, что вы не можете остаться, если приманка достаточно хороша. С рваным вздохом, я решила, что один глухой мальчик с мужеством, достаточным, чтобы предстать лицом к лицу с призраком, должен вдохновить меня на десятую часть своего мужества.

Мой курс был проложен, я стала рассматривать географическую ловушку Блеквуда.

Было темно, но я вижу в темноте.

Дом Блэквуда был меньше, чем у Адама, меньше даже, чем у Эмбер, хотя он был тщательно обработан камнями теплых оттенков. Территория охватывала возможно пять или шесть акров того, что когда-то было садом роз. Но прошло несколько лет, с тех пор как садовник касался их.

У него должен быть еще один дом, подумала я. Который бы соответствовал величию, с профессиональным обслуживанием сада и лужайки, сохраняющим его красоту. Там он принимал бы своих деловых гостей.

Это место, с заброшенным и переросшим садом, было его домом. Что же это говорило мне о нем?

Кроме того, что он предпочитал качество большим размерам, и уединенную жизнь красоте или порядку.

Стены, окружающие территорию, были старше самого дома, изготовлены из тесаных камней и выложены руками, без использования раствора. Ворота из кованого железа и богато украшены. Его дом был не таким и маленьким — он лишь с виду выглядел низкорослым. Несомненно, дом, был перестроен и громаден, и больше подходил для этой собственности, вот только не вампиру.

Корбан остановился перед дверью. — Беги, если можешь, — сказал он. — Это не правильно… не твоя проблема.

— Блеквуд сделал это моей проблемой, — сказала я ему. Я обошла его и толкнула дверь.

— Эй, милый, я дома, — объявила я своим лучшим голосом кинозвезд пятидесятых. Кайл, я чувствовала, одобрил бы голос, но не гардероб. В этой рубашке я ходила уже день-полтора, джинсы… я не могла вспомнить, сколько я уже носила эти джинсы. Не намного дольше, чем рубашку. В прихожей было пусто. Но не долго.

— Мерседес Томпсон, моя дорогая, — сказал вампир. — Добро пожаловать в мой дом, наконец. — Он взглянул на Корбана. — Ты услужил. Отдохни, мой дорогой гость.

Корбан колебался. — Чад?

Вампир смотрел на меня так, словно я была чем-то, что восхитило его… возможно, ему нужно что-то поесть. Корбан прервал его, и это заставило вспышку раздражения, промелькнуть по его лицу. — Разве ты не завершил миссию, которую я тебе дал? Какой вред может быть нанесен мальчику, если это так? Теперь иди отдыхать.

Я позволила всем мыслям о Корбане медленно уплыть от меня. Его судьба, судьба его сына … судьба Эмбер находилась вне моего контроля в данный момент. Я могла позволить себе сконцентрироваться лишь на здесь и сейчас.

Это было уловкой Брана, обучающего нас на нашей первой охоте. Не волноваться о том, что было или что будет — только сейчас. Не то, чтобы мог почувствовать человек, убив кролика, который никогда не делал ему ничего плохого. Что он убил его зубами и когтями, и съел его сырым, с наслаждением … В том числе и его человеческая сторона, предпочла бы не знать, что внутри у него мягкий и пушистый банни.

Так что я забыла о Банни, о том, какие результаты может принести этот вечер, и сосредоточилась на здесь и сейчас. Я сдержала панику, которая хотела остановить мое дыхание и мысль — здесь и сейчас.

Вампир бросил свой деловой костюм. Как и большинство вампиров, которые мне встречались, ему было более комфортно в одежде других эпох. Оборотни учатся идти в ногу со временем, поэтому они не падки на искушение жизни в прошлом.

Я могу разместить женскую моду последних ста лет, в пределах около десяти лет, и перед этим до самого близкого столетия. С мужской одеждой не так, особенно, когда это — не формальная одежда. Мушка кнопки на его хлопчатобумажных штанах сказала мне, что они появились прежде, чем застежки-молнии стали использоваться достаточно часто. Рубашка на нем была темно-коричневая с воротом, как у туники, который позволяет перетянуть ее через голову, поэтому на ней не было никаких кнопок.

Знайте свою добычу, говорил нам Бран. Наблюдайте.

— Джеймс Блэквуд, — сказала я. — Ты знаешь, когда Корбан познакомил нас, я не могла поверить своим ушам.

Он улыбнулся, довольный. — Я боюсь тебя. — Но затем он нахмурился. — Сейчас ты не испугалась.

Кролик, я крепко задумалась. И сделала ошибку, встретив его взгляд, как я поступила и с зайчиком давным давно — и так же с Ауриэль в последнюю ночь. Но ни Ауриэль, ни Банни не были вампиром.

Я

проснулась укрытая одеялом в двуспальной кровати, и как ни старалась, не могла увидеть дальше того момента, когда он посмотрел мне в глаза. Комната была главным образом темной, без намека на окна. Единственный свет шел от ночника, подключенного к розетке рядом с дверью. Я отбросила покрывало и увидела, что он снял с меня трусики. Вздрогнув, я упала на колени… вспоминая… вспоминая другие вещи.

— Тим мертв, — сказала я, и звук перешел в рычание, достойное Адама. И как только я услышала его — знала это факт, я поняла, что от меня не пахнет сексом, как это было с Эмбер. Однако, я почувствовала запах крови. Я протянула руку к шее и нашла первый след от укуса, второй, и третий, всего на сантиметр левее второго.

След Стефана зажил.

Я задрожала от облегчения, это было немногим хуже, чем трястись от гнева, это позволяло хоть немного скрыть страх. Зато облегчение и гнев, не позволили панике поглотить меня.

Дверь была заперта, и он ничего мне не оставил, чтобы выдолбить ее. Выключатель светильника работал, но он не показал мне ничего, что я не видела. Пластмассовое мусорное ведро, в котором были только мои джинсы и футболка. Был четвертак и письмо для Стефана в карманах моих штанов, но он взял пару винтов, которые я вывернула, пытаясь установить сцепление женщине на остановке для отдыха, на пути к дому Эмбер.

На кровати была стопка поролоновых матрацев, которые не приведут ни к чему, что я могла бы превратить в оружие или инструмент. — Его добыча никогда не убегает, — прошептал голос у моего уха.

Я застыла, в том месте, где опустилась на колени возле кровати. Со мной в комнате никого не было.

— Я должен знать, — это… он сказал. — Я наблюдал за ними, попробуй.

Я медленно обернулась, но не увидела ничего… но запах крови усилился.

— Это не ты был в доме мальчика? — спросила я.

— Бедный мальчик, — сказал голос с сожалением, но теперь он звучал более прочно. — Бедный мальчик, в желтой машине. Я бы хотел желтый автомобиль…

Призраки — странные вещи. Уловками, я могла бы получить всю информацию, не спугнув его, спросив что-то, что противоречило бы его пониманию мира. Этот казался

довольно осведомленным для призрака.

— Ты следуешь приказам Блеквуда? — Спросила я.

Я видела его. Всего миг. Молодой человек старше шестнадцати, но не достигший двадцати, в красной фланелевой рубашке и холщовых брюках на кнопке.

— Я не единственный, кто должен делать, как он говорит, — сказал голос, будто привидение, просто смотрело на меня, не двигая губами.

И он ушел, прежде чем я успела спросить его, где были Чад и Корбан… или здесь ли Эмбер. Я должна была спросить Корбана. Все, что сообщил мне мой нос это то, что вентиляционная система, у него была своя превосходная система вентиляции и кондиционирования, с дозированным фильтром, слегка смазанным маслом корицы. Я подумала о том, было ли это сделано на мой счет, или он просто любит корицу.

Вещи в комнате-пластиковый контейнер и кровать, подушка и постельное белье, были совершенно новые. Такими были и краски ковра.

Я натянула рубашку и брюки, сожалея о бюстгальтере на косточках, который он забрал. Возможно, мне удалось бы найти что-то с косточками. Я взломала свою долю замков в дверях автомобилей и несколько замков в домах на своем пути. По поводу обуви я не стала бы сильно возражать.

Кто-то предварительно постучал в дверь. Я не слышала шагов. Может быть, это был призрак.

Скрипнул замок, и дверь открылась. Эмбер открыла дверь, и сказала: — Глупо, Мерси. Почему ты заперлась? — ее голос был подобен свету, как и ее улыбка, но что-то дикое скрывалось в ее глазах.

Что-то очень близкое к волку.

Вампир? — Спросила я себя. Я встретилась с одним из зверинца Стефана, который уже стоял на пороге обращения. Или, может быть, это была просто часть Эмбер, которая знала, что происходит.

— Я этого не делала, — я ответила ей. — Это Блэквуд.

Она пахнула странно, но корица препятствовала мне точно определить запах.

— Глупый, — она повторила. — Почему он сделал бы это?

Ее волосы выглядели так, будто она не расчесывала их с прошлого раза, когда я видела ее, и ее полосатая рубашка была застегнута не на все пуговицы.

— Я не знаю, — ответила ей.

Но она уже сменила тему. — У меня готов обед. Ты должна присоединиться к нам за обедом.

— К нам?

Она рассмеялась, но не было никакой улыбки в ее глазах, просто пойманное в ловушку животное, с растущим разочарованием: — Корбан, Чад и Джим, конечно же.

Она повернулась, чтобы идти впереди, и я заметила, что она сильно хромала.

— Тебе больно? — я спросила ее.

— Нет, почему ты спрашиваешь?

— Не бери в голову, — сказала я осторожно, потому что заметила кое-что еще. — Не беспокойся об этом.

Она не дышала.

Здесь и сейчас, я сама себе советовала. Ни страха, ни ярости. Просто наблюдение: знай своего врага. Гниль. Вот чем пахло: это первый намек на то, что бифштекс был в

холодильнике слишком долго.

Она была мертва и двигалась, но она не призрак. Слово, которое возникло у меня было зомби.

Вампиры, Стефан говорил мне когда-то, имеют разные таланты. Он и Марсилия могут исчезнуть и появиться где захотят. Были вампиры, которые могли перемещать предметы, не касаясь их.

У этого была власть над мертвыми. Призраки, которые повиновались ему. Никто не убежит, он сказал мне. Даже после смерти.

Я последовала за Эмбер вверх по длинной лестнице на первый этаж дома. Мы пришли в довольно большую комнату, которая была одновременно и столовой, и кухней, и гостиной. Комнату освещал дневной свет … было утро, возможно десять часов или около этого. Но это был обед, который был накрыт на стол. Жареный поросенок, мой нос запоздало сказал мне — лежал, блестяще украшенный жареной морковью и картофелем. На столе так же были кувшин воды со льдом, бутылка вина и нарезной домашний свежевыпеченный хлеб.

Стол был достаточно большим, на восемь персон, но там было только пять стульев. Корбан и Чад сидели напротив друг друга. Остальные три кресла были явно из одного и того же набора, но один, тот что рядом с Корбаном и Чадом и стоял во главе стола, был с мягкой спинкой и подлокотниками.

Я села рядом с Чадом.

— Но, Мерси, это — мое место, — возразила Эмбер.

Я посмотрела на заплаканное лицо мальчика и пустое Корбана … Он, по крайней мере, еще дышал. — Эй, ты знаешь, я люблю детей, — сказала я ей. — Ты итак с ним все время.

Блэквуд еще не пришел. — Джим не знает Амслен? — спросила я Эмбер.

Ее лицо потемнело. — Я не могу ответить ни на какие вопросы о Джиме. Тебе придется спросить у него. — Она моргнула пару раз, потом улыбнулась кому-то позади меня.

— Нет, не знаю, — сказал Блэквуд.

— Ты не говоришь на языке жестов? — Я посмотрела через плечо, не давая, кстати, Чаду увидеть мои губы. — Я тоже. Это была одна из тех вещей, которым я всегда хотела научиться.

— Воистину. — Кажется, я забавляла его.

Он сел в кресло и жестом указал Эмбер занять другое.

— Она умерла, — сказала я ему. — Ты сломал ее.

Он замер. — Она служит мне все равно.

— Она? Больше походит на марионетку. Держу пари, что с ней мертвой больше взаимодействия и проблем, чем с живой.

Бедная Эмбер. Но я не могу позволить ему увидеть мое горе. Сосредоточится на комнате и выжить.

— Так почему ты держишь ее рядом, когда она не работает?

Не давая ему времени ответить, я склонила голову и тихим голосом начала читать молитву… и обратилась за помощью и мудростью, на то время пока я была у него. Я не получила ответа, но у меня было чувство, что кто-то меня слушает и я надеялась, что это не просто призрак.

Вампир смотрел на меня, когда я закончила.

— Дурные манеры, я знаю, — сказала я, взяв ломтик хлеба и масло. Пахло вкусно, поэтому я положила и Чаду в тарелку и показала знаком, что все хорошо. — Но Чад не

может молиться вслух для остальных. Эмбер мертва, а Корбан… — я склонила голову, чтобы посмотреть на отца Чада, который так и не сдвинулся пор как я вошла в комнату, за исключением, того как поднимается и опускается его грудь. — Корбан не в той форме, чтобы молиться, а ты-вампир. Бог не собирается слушать все, что ты хочешь сказать.

Я взяла второй кусок хлеба и намазала его маслом.

Неожиданно, вампир откинул голову и рассмеялся, его клыки … острые и заостренные. Я старалась не думать о них в моей шее.

Оказалось совсем не так жутко, как Эмбер смеется вместе с ним. Холодная рука коснулась моей шеи, лишь на мгновенье и кто-то прошептал мне в ухо: «Осторожнее». Я ненавидела, когда призраки подкрадывались ко мне со спины.

Чад схватил меня за колено, его глаза были раскрыты в ужасе. Он видел призрака? Я покачала ему головой, в то время как Блэквуд вытер свои сухие глаза салфеткой.

— Ты всегда была кем-то вроде безобразницы, не так ли? — сказал Блэквуд. — Скажи мне, неужели Таг и не обнаружил, кто именно украл все его шнурки?

Его слова скользнули в меня, как нож, и я сделала все от меня зависящее, чтобы не реагировать.

Таг был волком из стаи Брана. Он никогда бы не оставил Монтану, и только он и я знали об инциденте со шнурками. Он нашел меня, скрывающуюся от гнева Брана — я не помню, что я сделала — и когда я не пошла самостоятельно, он снял свои шнурки и сделал ошейник и поводок из них для койота — меня. Потом он протащил меня через дом Брана, чтобы проучить.

Он знал, кто украл его шнурки все в порядке. И пока я не уехала в Портленд, я дарила ему шнурки на каждый праздник — и он смеялся.

Невозможно, чтобы кто-то из волков Брана шпионил в пользу вампиров.

Я спрятала свои мысли пару раз забив рот хлебом. Когда я смогла сглотнуть то, сказала, — Превосходный хлеб, Эмбер. Ты сама его сделала? — Ничего, что я могла сказать о шнурках, не принесло бы пользы. Так что я сменила тему к еде. С Эмбер можно было всегда рассчитывать на разговор о правильном питании. Смерть не изменит.

— Да, — сказала она мне. — Все из цельного зерна. Джим взял меня за своего повара и домработницу. Если только я не разрушу это за него. — Да, бедный Джим. Амбер вынудила его убить ее — значит, он не получит нового повара.

— Тише, — сказал Блэквуд.

Я повернула свою голову и посмотрела на Блэквуда. — Да, сказал я. — Но это не будет длится долго. Даже человеческий нос через несколько дней учует запах гниющей плоти. Это не то, что ты хочешь в поваре. Это не то, что нужно от повара. — я откусила кусок хлеба.

— Итак, сколько времени ты наблюдал за мной? — спросила я.

— Я уже отчаялся когда-нибудь найти другого ходячего, — сказал он мне. — Представь мою радость, когда я услышал, кого Маррок взял под свое крыло.

— Да, отлично, — сказала я. — Для тебя было бы плохо. если бы я осталась с ним.

Призраки, подумала я. Он использовал призраков, чтобы следить за мной.

— Я не волнуюсь по поводу оборотней, — сказал Блэквуд. — Корбан или Эмбер говорили тебе, каков мой бизнес?

— Нет. Твое имя никогда не соскальзывало с их губ, как только ты ушел. — Это была правда, но я видела, что его рот напрягся. Ему это не понравилось. Не любил, когда его домашние животные не оказывали ему внимание. Это был первый признак слабости,

который я видела. Я не уверена, будет это полезно или нет. Но я запоминала все, что удавалось узнать.

Знай своего врага.

— Я имею дело с боеприпасами … специальными, — сказал он, глядя на меня прищуренными глазами. — Большинство из них совершенно секретные материалы правительства. Я, например, очень успешно разрабатываю различные боеприпасы, предназначенные для убийства оборотней. У меня, между прочим, есть серебряная версия старого Черного Когтя. Серебро — паршивый металл для патронов; оно не расширяется. Вместо этого, быстро распространяется, единственное, что раскрывается, как цветок.

Он развел руки и стал похож на морскую звезду.

— И потом, есть такие очень интересные дротики с транквилизатором дизайна Джерри Уоллеса. Теперь это стало сюрпризом. Я бы никогда не подумал использовать ДМСО как систему доставки серебра — или пистолет с транквилизатором, как систему доставки. Но в свое время его отец был ветеринаром. Поэтому средства могут оказаться полезными.

— Ты знал Джерри Уоллеса? — спросила я, потому что ничего не могла поделать. Я откусила, как будто мой живот не был стиснут, так он не подумает, что ответ имеет слишком большое значение.

— Сначала он приехал ко мне, — сказал Блэквуд. — Но меня не устроило, сделать так, как он просил… Маррок был немного крупнее, чем цель, которой я хотел заниматься. — Он виновато улыбнулся. — Я, по сути, ленивое существо, как говорил мой создатель. Я послал Джерри в путь с идеей разработки супер-оружия против оборотней в некоторой замысловатой схеме, обреченной на неудачу, и заставил забыть, что он был у меня вообще. Представь мое удивление, когда мальчик действительно придумал что-то интересное. — Он мягко улыбнулся мне.

— Ты должен быть бдителен — Бран близко, — сказала я ему. Я схватила кувшин с водой и вылила ее. — Он более проницателен, что позволяет той всеведущей штуке, лучше работать на него. Если бы ты рассказывал нам все, что знаешь, они не задавались бы вопросом о вещах, которых ты им не говоришь. Бран… — я пожала плечами. — Ты просто знай, что он знает, о чем ты думаешь.

— Эмбер, — сказал вампир. — Убедись, чтобы твой муж и мальчик, который не является его сыном съели свой обед, поняла?

— Конечно.

Чад положил холодную руку на мое колено и сжал.

— Ты говоришь так, будто это открытие.

Выдохнув, я продолжила: — Ты также должен работать над своими словесными боеприпасами. Корбан всегда знал, что Чад не его биологический сын. А для него это не имеет значения. Чад — его сын.

Ножка бокала, который держал вампир, сломалась. Он тщательно сложил осколки на пустую тарелку. — Ты не достаточно боишься меня, — сказал он, очень тщательно произнося каждое слово. — Возможно, пора проинструктировать тебя.

— Прекрасно, — ответила я. — Спасибо за еду, Эмбер. Позаботься о себе, Корбане и Чаде.

Я встала и подняла вопросительно бровь.

Он думал, что это была глупость, что я не боялась его. Но если ты дрожишь в страхе в стае оборотней, вот это действительно глупо. Если ты боишься долгое время, то даже у волка

с хорошим контролем начнутся проблемы. Скажем так, я очень хорошо научилась скрывать свой страх.

Злить Блэквуда было глупо. Если бы он убил меня в первый раз, ну, по крайней мере, это была бы быстрая смерть. Но чем дольше он позволял этому продолжаться, тем больше я понимала, что он нуждается во мне. Я не могла себе представить для чего, но я была ему нужна живой.

Мое несчастье он воспринимал, как вызов. Мне стало интересно, что он подумал, что пугал меня больше, чем Эмбер, прежде чем я поймала себя на том, что с трудом держусь за мысль. Не было никакого будущего, просто вампир, и я стою у стола.

— Идем, — сказал он и пошел вниз по лестнице.

— Как ты можешь жить при свете дня? — спросила я его. — Я никогда не слышала, о вампире, который мог ходить в течение дня.

— Ты — то, что ты ешь, — сказал он неясно. — Мой создатель так говорила. Человек, что такое человек. Она не позволяла мне питаться от пьяниц или людей, которые употребляли табак. — Он засмеялся, я не позволяю себе думать о нем, так зловещее. — Эмбер напоминает мне немного ее …, что касается питания. Ни одна из них не была неправа. Но мой создатель не осознавало все последствия того, что она говорила. — Он засмеялся снова. — Пока я не поглотил ее.

Дверь в комнату, в которой я проснулась, была открыта. Он остановился и выключил свет, когда мы проходили мимо.

— Ненужно тратить впустую электричество.

И тогда он открыл еще одну дверь, в гораздо большую комнату. Комнату с клетками. Здесь витал запах канализации, болезни и смерти. Большинство клеток были пусты. Но в одной клетке был человек, голый, свернувшийся на полу.

— Ты видишь, Мерседес, — сказал он. — Ты не первое редкое существо, которое будет моим гостем. Это — оукмен. Он у меня уже … Сколько времени ты принадлежишь мне, Доннел Гринлеаф?

Фейри пошевелился и поднял лицо от пола. У него должно было быть крупное телосложение. Оукмены, я помнила из старой книги, которую я заимствовала, не были высоки, не выше четырех футов, но они были крепкими «как хороший дубовый стол». У этого были только кожа да кости.

Сухим голосом, как в разгар лета в Тройном Городе, он сказал, — Четыре десятка лет и дюжина и один. Два сезона и восемнадцать дней.

— Оукмен, — сказал Блэквуд, с нотками самодовольства, — названы в честь дубов, питаются только солнечным светом.

Ты — то, что ты ешь.

— Я никогда не пытался выяснить, возможно ли жить при свете дня, — сказал он. — Но он спасает меня от возгорания, не так ли, Доннел Гринлеаф?

— Мне выпала честь нести на себе это бремя, — сказал фейри, безнадежным голосом, смотря в пол.

— Так что получается, ты похитил меня, чтобы научится перевоплощаться в койота? — недоверчиво уточнила я.

Вампир улыбнулся и проводил меня к довольно большой клетке, с кроватью. Там также стояло ведро, из которого исходил запах канализации. Пахло все это Корбаном, Чадом и Эмбер.

— Я могу оставлять тебя в живых, долгое время, — сказал вампир. Он схватил меня сзади за шею и толкнул в сторону клетки, в то время как он стоял позади меня. — Может быть, даже дольше твоей естественной жизни. Что?

Нет умных комментариев?

Он не видел смутную фигуру, что стояла передо мной с прижатым ко рту пальцем. Она выглядела так, будто ей было от семидесяти до ста лет, когда она умерла, а при жизни будто была женой Санты, она была вся округлена и сладка.

Блэквуд не видел ее, даже при том, что он использовал другого призрака в качестве мальчика-посыльного. Я задалась вопросом, что это означало. Она также пахнула кровью.

Он посадил меня в клетке, соседней с той, где он держал Чада и Корбана. Ему, по-видимому, не нужно ограничивать Эмбер.

— Это могло бы быть гораздо более приятным для тебя, — сказал он.

Женщина и ее успокаивающий палец ушли, таким образом, я дала своему языку волю: — Скажи что с Эмбер.

Он улыбнулся, показывая клыки. — Она любила его. Я дам тебе последний шанс. Будь прилежной и я позволю тебе жить в другой комнате.

Возможно, я могла бы выйти через крышу другой комнаты. Но так или иначе, я так не думаю. Клетка в доме Маррока выглядит так же, как и все остальные спальни. За гипсокартоном находятся решетки.

Я прислонилась к противоположной стороне моей клетки, к той, которая соприкасалась с бетонной наружной стеной. — Скажи мне, почему те не можешь просто командовать мне? Заставить меня сотрудничать?

Как Корбана.

Он пожал плечами. — Ты в этом разберешься. — Он запер дверь на ключ и использовать тот же ключ, чтобы открыть дверь в клетке оукмена.

Фейри хныкал, когда его тянули из клетки. — Я не могу питаться от тебя каждый день, Мерси.

После недолгой паузы Блэквуд продолжил. — Нет, если я хочу держать тебя долгое время. Последний ходячий умер пятьдесят лет назад — но я держал его в течении шестидесяти трех лет. Я забочусь о том, что является моим.

Да, я уверена, Эмбер согласится с этим. Блэквуд опустился на колени на пол перед окменом, свернувшегося в позе эмбриона. Фейри смотрел на меня большими черными глазами. Он не боролся, когда Блэквуд — со взглядом, предназначенным для меня — схватил его за ногу и укусил в артерию чуть ниже паха.

— Дуб сказал, — сказал фейри на валлийском с английским акцентом, — Мерси освободит меня в сезон сбора Урожая.

Я уставилась на него, и он улыбнулся, прежде чем вампир сделал ему больно и он закрыл глаза, чтобы терпеть. Если бы Блэквуд понимал валлийский, то он сделал бы что-нибудь похуже. Откуда оукмен знал, что я понимаю его, я не знаю.

Есть два способа, чтобы освободить заключенных — побег, первый. У меня было чувство, что оукмен искал второй. Когда он закончил, оукмен был едва живой, а Блэквуд выглядел на десятки лет моложе. Вампиры, как предполагалось, не могли так делать — но я не знала вампиров, которые питались от фейри. Он поднял оукмена без видимого усилия и перекинул его через плечо.

— Давай, вынесем тебя на солнце, ненадолго, — Блэквуд казался довольным.

Дверь в комнату за ним закрылась, и дрожащий женский голос сказал: — Это потому, что ты слишком много для него прямо сейчас, дорогая. Он действительно пытался сделать тебя своим рабом … но твоя связь с волками и другим вампиром, и как тебе это удалось, умная девочка — заблокировали его. Но это не навсегда.

В конце концов, он будет обмениваться с тобой достаточным количеством крови, чтобы ты стала его, но это только в течении нескольких месяцев.

Призрак миссис Клаус стоял в клетке спиной ко мне, смотря на дверь, которая закрылась за Блэквудом.

— Что он хочет от меня? — я спросила у нее.

Она обернулась и улыбнулась мне. — Почему, мне, дорогая.

У нее были клыки.

— Ты-вампир, — сказала я.

— Я была, — она согласилась. — Это не обычная вещь, я признаю. Хотя тот молодой человек, которого ты встретила ранее, является им также. Мы привязаны к Джеймсу. Оба его. Джон был единственным обращенным вампиром Джеймса — и я стыжусь признаться, что Джеймс — моя ошибка.

— Твоя ошибка?

— Он всегда был так добр, так внимателен. Приятный молодой человек, — думала я. Затем, однажды вечером, один из моих детей показал мне, что Джеймс захватил в плен murdhuacha — одну из народа мерроу, дорогая. — Это слабый акцент кокни или ирландский, подумала я, но настолько слабый, я не могла быть уверена.

— Хорошо, — сказала она с раздражением. — Мы просто не делаем этого, дорогая. Во-первых, Другие — не люди, чтобы играть с ними. Во-вторых, все, с кем мы обмениваемся кровью, могут стать вампирами. Когда они из волшебного народа, результаты могут быть отталкивающими. — Она покачала головой. — Хорошо, когда я бросила его… — Она посмотрела вниз, на себя, с сожалением. — Он убил меня. Я стояла у него перед глазами, следуя за ним из дома всю дорогу сюда — что было не самой умной из моих идей. Когда он взял другого человека, того, кто был похож на тебя — ну, тут он меня и увидал. И оказалось, что у него по-прежнему было применение для этой старой женщины.

Я понятия не имела, почему она говорила мне так много, если только она не была одинока. Мне было почти жаль ее.

Затем она облизнула губы и сказала: — Я могла бы тебе помочь.

Вампиры-это зло. В голове звучал голос Маррока, говорящего мне эти слова.

Я подняла бровь.

— Если ты накормишь меня, то я скажу тебе, что делать, — она улыбнулась, обнажив клыки. — Капля или две, любимая. Я призрак — мне не нужно много.

Глава 12

— Я могла бы просто взять ее, пока ты спишь, дорогая, — сказал призрак. — Я всего лишь пытаюсь сделать это Даром. Если ты отдашь ее, как Дар, я могу тебе помочь. — С виду она была похожа на женщину, которую вы бы наняли, присматривать за детьми, подумала я. Нежная и любящая, немного самодовольная.

— Нет, — проворчала я. И почувствовала, словно что-то толкнуло меня слегка. Что-то я сделала.

Ее глаза расширились, и она отступила. — Конечно, нет, дорогуша. Конечно, нет, если ты не хочешь, чтобы я.

Она пыталась скрыть это. Но я сделала что-то. Я чувствовала это однажды, в ванной комнате дома Эмбер, когда сказала Духу оставить Чада в покое. Магия. Это была не магия, которую использует Малый народ, или ведьмы, но это было волшебство. Я чувствовала его запах.

— Скажи мне, — сказала я, стараясь, оставить за словами некий импульс, подражая власти, которую Адам носил ближе, чем любую из своих элегантных рубашек. — Как Блеквуд смог так часто посещать дом Эмбер? Это была ты?

Губы ее сжались от расстройства, а глаза загорелись, как у вампира, которым она была. Но она ответила мне.

— Нет, это был мальчик, маленький эксперимент Джеймса.

За пределами клетки, и вне досягаемости, стоял стол, на котором были сложены картонные коробки. Груда пятигаллонных ведер — шесть или восемь из них — стояли на одном углу. Они упали с грохотом и покатились к водостоку в центре комнаты.

— Вот кто ты, — крикнула она злобным тоном, который звучал неправильно исходя от этого бабушкиного лица. — Он сделал тебя вампиром и играл с тобой, пока ему не стало скучно. Затем он убил тебя, и продолжал играть до тех пор, пока твое тело не сгнило.

Так же Блэквуд поступил и с Эмбер, он пытался превратить ее в вампира прежде, чем он превратил ее в зомби. Здесь и сейчас, я напомнила себе. Не тратить энергию на то, что не возможно изменить прямо сейчас.

Ведра перестали вращаться и вся комната погрузилась в тишину — за исключением моего собственного дыхания.

Она встряхнулась, оживившись. — Никогда не влюбляйся, — сказала она мне. — Это сделает тебя слабой.

Я не могла понять, о ком она говорила, о себе иои мертвом мальчике, или даже о Блэквуде. Но меня больше всего интересовало другое. Если бы я только смогла заставить ее ответить на мои вопросы.

— Скажи мне, — сказала я, — почему именно меня хочет Блэквуд.

— Ты груба, моя дорогая. Неужели, старый волк не научил тебя хорошим манерам?

— Скажи мне, — повторила я, — как Блэквуд, хочет меня использовать.

Она зашипела, показывая клыки.

Я встретилась с ней взглядом, доминируя над ней, как будто она была волк. — Скажи мне.

Она отвела взгляд, выпрямилась и одернула юбку, как будто нервничала, а не сердитесь, но я знала лучше.

— Он-это то, что он ест, — сказала она наконец, когда я не отступила. — Он же тебе говорил. Я никогда не слышала об этом прежде — откуда мне было знать, что он делает? Я думала, он кормился от него из-за вкуса. Но он поглощал его власть, когда пил его кровь. Так же, он сделает и с тобой. Таким образом, он сможет использовать меня, как он хочет.

И она ушла.

Я смотрела ей вслед. Блэквуд хотел бы кормиться от меня, и он хотел бы получить… что? Я резко втянула в себя воздух. Нет. Возможность делать то, что только я умела — управлять призраками.

Если бы она слонялась поблизости, я бы спросила ее, еще с десяток вопросов. Но здесь она была не единственным призраком.

— Эй, — мягко позвала я. — Она ушла. Ты можешь выйти.

Он пахнет немного иначе, чем она, хотя в основном от них обоих исходит запах несвежей крови. Это была тонкая грань, но я смогла различить ее, когда попробовала. Его аромат едва ощущался, поскольку я расспрашивала старуху, но присутствовал, так что я знала, что он не ушел.

Он был в доме Эмбер. Он тот, кто чуть не убил Чада.

Он постепенно появлялся, сидя на открытом цементном полу спиной ко мне. Он был более твердым сейчас, и я видела, что его рубашка была сшита вручную, хотя и не очень качественно. Он был не из этого века или даже двадцатого, вероятно, где-то из восемнадцатого века.

Он потянул ведро, лежащее в стороне от кучи и катил его через пол, далеко от нас обоих, пока она не ударилась о пустую клетку оукмена. Он бросил на меня быстрый, угрюмый взгляд через плечо. Затем уставившись на оставшиеся ведра, он просил: — Ты собираешься заставить меня говорить разные вещи?

— Это было грубо, — призналась я, на самом деле не ответив. Если он знал что-то, что поможет мне вытащить Чада, Корбана, и меня отсюда в целости и сохранности, я сделаю все, что для этого потребуется. — Хотя, я не против грубить тем, кто хочет причинить мне боль. Ты не знаешь, почему она хочет крови?

— С кровью, дается свобода, она сможет убить человека прикосновением, — сказал он. — Это не сработает, если она украдет ее, правда, она может сделать это на зло. — Он махнул рукой и ящик упал на бок, рассыпав упаковку арахиса по столу. Пять или шесть из них поднялись вверх, как миниатюрный торнадо. Он потерял интерес, и они упали на землю.

— От ее прикосновения? — спросила я.

— Смертный, ведьма, Другой, или вампир: она может убить любого из них. Они называли ее Старуха Смерть, когда она была жива. — Он снова посмотрел на меня. Я не смогла прочитать выражение его лица. — Когда она была вампиром, я имею в виду. Даже другие вампиры боялись ее. Вот как он понял, что может сделать.

— Блэквуд?

Призрак стремглав пробежал вокруг и встал передо мной, его рука проходила сквозь ведро, с которым он просто играл. — Он рассказал мне. Однажды, сразу после того, как пришла его очередь пить от нее — она была Госпожой его семьи — он убил вампира своим прикосновением. — Меньшие вампиры питались от Господина или Госпожи, управлявшими семьей, и питались, посредством обмена кровью. Когда они становились более сильными, то теряли необходимость питаться от того, кто управлял семьей. — Он сказал, что был зол и прикоснулся к той женщине, а она просто рассыпались в прах. Точно так же, как могла

сделать его Госпожа. Но пару дней спустя, он уже не мог этого сделать. Его очередь кормиться от нее должна была прийти только через несколько недель, так что он нанял Другую — кровную проститутку — я забыл, к какому виду она принадлежала — и выпил ее досуха. Власть Других оставалась с ним дольше. Он экспериментировал и выяснил, что, чем дольше он позволял им жить, в то время, как питался, тем дольше он мог использовать то, что он получал от них.

Он еще способен на это? — Спросила я напряженно. — Убить прикосновением? — Неудивительно, что никто не оспаривал его территории.

Он покачал головой. — Нет. И она мертва, поэтому он не может больше перенять ее дар. Она все еще может убить человека, если он кормит ее кровью. Но он не может использовать ее сейчас так, как он привык, до того, как умер старый индеец. Не то, чтобы она возражает против убийства, но ей не нравится делать то, что он хочет. Особенно в точности, чего он хочет, и не более того. Он использует ее для бизнеса, а бизнес — он облизал губы, как будто стараясь вспомнить точные слова, которые использовал Блеквуд — бизнес лучше всего проводить с точностью. — Он улыбнулся, его глаза распахнулись широко и невинно. Они были голубыми. — Она предпочитает кровопролитие, но она не стоит выше, чтобы изменять основание убийства и указывать Джеймсу как убивать. Она сделала это однажды, прежде, чем он понял, что все еще не управлял ею. Он был очень недоволен.

— У Блеквуда был ходячий, — сказала я, сопоставив все вместе. — И он кормился от него, и поэтому мог контролировать ее — женщину, которая только что была здесь.

— Ее зовут Екатерина. Я Джон. — Мальчик посмотрел на ведро, и оно переместилось. — Он был хорошим, Карсон Двенадцать Ложек. Он говорил со мной иногда и рассказывал мне истории. Он сказал мне, что я не должен был отдавать себя Джеймсу, что я не должен быть игрушкой Джеймса. Что я должен позволить себе уйти к Великому Духу. И что он мог бы помочь мне однажды.

Он улыбнулся мне, и на этот раз я поймала намек на злобу. — Он был плохим индейцем. Когда он был мальчиком, не намного старше меня, он убил человека, чтобы взять его коня и кошелек. Это лишило его способности делать то, что он должен был уметь делать. Он не мог сказать мне, что делать.

Злоба освободила меня от отвлекающей жалости, которую я чувствовала. И сразу увидела, что я пропустила в первый раз, когда смотрела ему в глаза. И я знала причину, почему этот призрак отличался от всех, которых я видела раньше.

Призраки являются остатками людей, которые умерли, они то что осталось от души. Они, в основном, сборники воспоминаний, имеющие подобную форму. Если они могут взаимодействовать, реагировать на внешние раздражители, то они, как правило, являются фрагментами людей, которыми они были, навязчивые фрагменты: как призраки собак, которые охраняют старые могилы своих хозяев, или призрак, я однажды видела, который искал своего щенка.

Сразу же после того, как они умирают, иногда, они отличаются. Я видел призраков пару раз на похоронах, или в доме кого-то, кто только что скончался. Иногда недавно умершие, следят за живыми, словно хотят убедиться, что все у них хорошо. Они более, чем остатки людей, которыми они были — я вижу разницу. Я всегда думала, это их души.

Именно это я видела в мертвых глазах Эмбер. Мой желудок сжался. Когда ты умираешь, это должно быть избавлением. Но это не было справедливым, не было правильным, что Блэквуд, так или иначе, обнаружил способ владеть ими и после смерти.

— Разве Блеквуд сказал тебе убить Чада? — спросила я.

Его кулаки сжались. — У него есть все. Все. Книги и игрушки. — его голос поднялся на октаву выше, когда он говорил. — У него есть желтый автомобиль. Посмотри на меня. Посмотри на меня! — Он уже был на ногах. Он смотрел на меня дикими глазами, но, когда заговорил снова, то прошептал. — У него есть все, а я мертв. Мертвый. Мертвый. — Он внезапно исчез, но разбросал ведра. Одно из них взлетело, ударив о прутья моей клетки, и разлетелось на куски жестким оранжевым пластиком. Осколок ударил меня и порезал руку.

Я не уверена, было ли это " да " или " нет».

Оставшись одна, я села на кровать и прислонилась к холодной бетонной стене. Призрак Джон знал больше о ходячих, чем я. Я задалась вопросом, говорил ли он правду: был моральный кодекс, которому я должна была следовать, чтобы сохранить свои способности — которые теперь, как оказалось, включают в себя некую способность контролировать призраков. Хотя, с моим безразличным успехом, я подозревала, что это было нечто, что ты должен практиковать, чтобы разобраться.

Я пыталась разобраться в том, как этот талант может помочь мне безопасно освободить заключенных. Я была погружена в размышления, когда услышала, как люди спускались по лестнице: посетители.

Я встала, чтобы поприветствовать их.

Посетителями были товарищи по несчастью. И зомби.

Эмбэр без умолку болтала Чаду о игре в софтбол потому как она вела Корбана, по-прежнему, очевидно, что он под властью вампира, Чад шел сам, потому что у него не было выбора, он ничего не мог сделать. У него был синяк на щеке, которого не было, когда я оставила его в столовой.

— Теперь вы хорошенько выспитесь, — сказала она им. — Джим тоже отправится в постель, как только запрет Другого снова туда, откуда его забрал. Мы хотим, чтобы вы отдохнули перед тем, как придет пора вставать и действовать. — Она держала дверь открытой, будто это было нечто иное, нежели клетка — неужели она думала, что это номер в гостинице? Наблюдение за зомби походило на просмотр тех лент, где они брали отрывки от того, что кто-то сказал на самом деле и собирали их вместе, заставляя звучать так, словно они говорили о чем то совсем другом. Звуковые фрагменты того, что сказала Эмбер вышли изо рта мертвой женщины с минимальным отношением к тому, что она делала.

Корбан споткнулся и остановился на середине клетки. Чад пробежал мимо маминого ожившего трупа и остановился с широко открытыми глазами и дрожа почти возле кровати. Ему было только десять, не важно каким смелым он при этом был.

Если он выживет, ему понадобится лечение в течении многих лет. При условии что он сможет найти психиатра, который поверит ему.

Твоя мать была кем? Выпей Торазин … Или какой там новейший препарат на выбор для душевнобольных.

— Ой, — сказала Эмбер маниакально радостно. — Я почти забыла. — Она оглянулась вокруг и грустно встряхнула головой.

— Это ты сделала, Мерси? Чар всегда говорил, что вы оба подходили друг другу, поскольку вы оба были неряхами в глубине души. — Разговаривая она подобрала ведра хотя и не потрудилась убрать сломанное и сложила большинство из них, туда где они должны стоять. Она взяла одно и поставила внутри клетки Чада и Корбана перед тем как переместила использованное в угол. — Я просто возьму это и почищу его, хорошо?»

Она закрыла двери.

— Эмбер, — позвала я, вкладывая силу в мой голос. — Дай мне ключ. — Она была мертва, не так ли? Должна ли она слушаться и меня тоже?

Она помедлила. Я видела это. Потом она подарила мне яркую улыбку.

— Непослушная, Мерси. Непослушная. Ты будешь наказана за это, когда я расскажу Джиму.

Она взяла ведро и насвистывая закрыла дверь. Я могла слышать ее свист пока она поднималась по лестнице. Мне нужно больше практики или возможно существует какая-то хитрость.

Я склонила голову и, обхватив себя руками и отвернув голову от Чада, стала ждать когда Блэквуд приведет оукмена назад. Я проигнорировала Чада, когда он загремел клеткой в попытке привлечь мое внимание.

Я не хотела, чтобы когда Блэквуд вернется, он застал меня держащей Чада за руку или разговаривающей с ним либо чем-то подобным.

Я не думаю, что был малейший шанс, что Блэквуд позволит Чаду жить после всего, что он видел. Но я не намерена давать вампиру другие основания причинить ему боль. И если я уменьшу свою бдительность, то мне будет трудно держать страх под контролем.

Через некоторое время, оукмен спотыкаясь вошел в двери перед Блэквудом. Он выглядел не на много лучше чем тогда когда Блэквуд закончил с ним. Фэй казался высотой в четыре фута, хотя он был бы выше, если бы стоял прямо. Его руки и ноги были неравномерно пропорциональны: короткие ноги и руки слишком длинные. Его шея была слишком короткой для его головы с широким лбом и сильной челюстью.

Он без борьбы прошел прямо в свою обитель, как будто он уже много раз боролся и потерпел поражение.

Блэквуд запер его внутри. Потом, глядя на меня, вампир подбросил свой ключ в воздух и схватил его прежде чем он ударился о землю.

— Я не буду больше посылать Эмбер вниз с ключем.

Я ничего не сказала и он расмеялся.

— Дуйся сколько хочешь, Мерси. Это ничего не изменит.

Дуться? Я посмотрела в сторону. Я покажу ему как дуться.

Он направился к двери.

Я проглотила свой гнев и не позволила ему задушить меня.

— Так, как ты это сделал?

Неопределенные вопросы труднее игнорировать, чем конкретные. Они стимулируют любопытство и заставляют вашу жертву отвечать, даже если бы она не говорила с вами при других обстоятельствах.

— Сделать что? — спросил он.

— Катерина и Джон, — ответила я. — Они ведь не обычные привидения.

Он довольно улыбнулся, как я заметила.

— Я хотел бы утверждать что обладаю своего рода сверхъестественными силами, — сказал он мне, потом рассмеялся, так как показался себе таким забавным. Он вытер слезы мнимой радости. — Но на самом деле это их выбор. Екатерина решила как-то отомстить мне за себя. Она обвиняет меня в завершение царствования ее террора. Джон … Джон любит меня. Он никогда не оставит меня.

— Говорил ли ты ему убить Чада? — ппрохладно спросила я, как если бы ответ был

обыкновенной любознательностью.

— О, так вот в чем вопрос. — Он пожал плечами. — Вот почему мне нужна ты. Он разрушает мою игру. Если бы он сделал, как я сказал ему, ты бы пришла сюда и пожертвовала собой, чтобы я пощадил твоих друзей. Он заставил их бежать. Мне потребовалось полдня, чтобы найти их. Они не хотели идти со мной и … Ну, ты видела мою бедную Эмбер.

Я не хочу знать. Не хотела задавать следующий вопрос. Но мне нужно было знать, что он сделал с Эмбер. — Что же ты съел, что позволило тебе делать зомби?

— О-о, она не зомби, — сказал он мне. — Я видел зомби, которым было по три века, и они выглядели столь же свежими, как дневный труп. Они передавались в их семьях, как сокровища. Я боюсь, что мне придется избавиться от тела Эмбер через неделю или около того, если я поставлю ее в морозильную камеру. Но ведьмы нуждаются в знании так же как и во власти — и причиняют больше неприятностей в содержании, чем того стоят. Нет. Это — что-то, что я узнал от Карсона — Я доверил Екатерине и Джону рассказать тебе о Касоне. Интересно, что из за одного убийства он был не в состоянии пользоваться своими силами, когда у меня — в чем тебе придется мне довериться, когда я говорю, что гораздо хуже, чем простой убийца и вор — не было никаких проблем, используя то, что я взял от него. Возможно, его болезнь была психосоматическая, как ты считаешь?

— Ты рассказал мне, как удерживаешь Кэтрин и Джона, — сказала я. — Как ты держишь Эмбер?

Он улыбнулся Чаду, который стоял так далеко от своего отца, как только мог. Он выглядел хрупким и испуганным. — Она осталась, чтобы защитить своего сына. — Он снова посмотрел на меня. — Еще вопросы?

— Не сейчас.

— Прекрасно. О, и я прослежу, чтобы Джон в ближайшее время не возвращался, чтобы посетить тебя. И Екатерину, я думаю, лучше держать подальше, — он мягко закрыл дверь за собой. Лестница скрипела под его ногами, когда он поднимался.

Когда он ушел, я спросила: — Оукман, ты знаешь, когда заходит солнце?

Фейри, еще раз растянулся на цементном полу своей клетки, повернул голову ко мне. — Да.

— Ты мне скажешь?

Наступила долгая пауза. — Я скажу тебе.

Корван сделал несколько шагов вперед и немного покачнулся, быстро заморгав. Блэквуд освободил его.

Он сделал глубокий, судорожный вдох, затем повернулся лицом к Чаду и стал показывать знаки.

— Я не знаю, сколько Чад поймет из того, что происходит … слишком много. Слишком много. Но невежество может убить его.

Мне потребовались секунды, чтобы осознать, что он разговаривает со мной — все его тело было сосредоточено на сыне. Когда он закончил, Чад — который все еще держал достаточно большую дистанцию между ними — стал подходить ближе.

Наблюдая за руками своего сына, Корбан спросил меня, — Как много ты знаешь о вампирах? Есть ли у нас шанс выбраться отсюда?

— Мерси освободит меня в сезон Урожая, — сказал оукмен хрипло. В Англии он проходит как раз в это время.

— Я сделаю это, если смогу, — сказала я ему. — Но я не знаю точно произойдет ли это.

— Дуб сказал мне, — произнес он так, словно это нечто бесспорное, как свершившийся факт. — Это было не ужасно старое дерево, но оно было рассержено на вампира, так что потянулось самостоятельно. Я надеюсь, что оно не … причинило-себе-серьезного-вреда. — Его слова упали друг на друга и потеряли согласные. Он отвернулся от меня и устало вздохнул.

— Действительно ли дубы настолько заслуживают доверия? — спросила я.

— Раньше, — ответил он. — Однажды.

Он больше ничего не сказал, тогда я сообщила Корбану важную информацию, которую я знала о монстре, что держал нас. — Ты можешь убить вампира деревянным колом в сердце или отрезав голову. Святая вода тебе не помощник, если только у тебя есть плавательный бассейн и священник, который освятил воду в нем. Солнечный свет и огонь могут убить. Мне сказали, что будет лучше, если объединить несколько методов.

— Как насчет чеснока?

Я покачала головой. — Нет. Хотя вампир, которого я знаю, сказал мне, что, выбирая между жертвами, которая пахнет чесноком, и которая — нет, большинство из них выберет ту, что не пахнет. Не то чтобы у нас был доступ к чесноку или деревянным кольям.

— Я знаю о солнечном свете, кто не знает? Но не похоже чтобы он приносил вред Блэквуду.

Я кивнула в сторону оукмена. — По-видимому, он способен красть некоторые способности тех, от кого питается. — Ни за что не буду говорить об обмене кровью в присутствии Чада. — Оукмены, такие как вот этот джентльмен, питаются солнечным светом — таким образом, Блеквуд получил иммунитет к солнцу.

— И кровь, — сказал оукмена. — В прежние времена мы платили кровавую дань, чтобы сохранить деревья в гармонии.

Он вздохнул. — Давая мне свою кровь, он держит меня в живых, когда холодное железо клетки, напротив, убивает меня.

Девяносто три года он был узником Блэквуда. Мысль охлаждала любой оптимизм, который еще пережил поездку из Тройного Города. Хотя, оукмен не был в паре с оборотнем- или связан узами крови с вампиром.

— Ты когда-нибудь убивала таких? — спросил оукмен.

Я кивнула. — Одного с помощью, а другой, был затруднен в движении, поскольку это было днем, и он спал.

Я не думаю, что это был ответ, на который он рассчитывал.

— Ясно. Как думаешь, ты сможешь убить этого?

Я обернулась, многозначительно глядя на решетку. — Мне кажется, я никогда не буду хороша в этом. Ни кола, ни бассейна святой воды, ни огня. — И теперь, когда я произнесла это, я заметила, что здесь довольно мало того, что можно поджечь. Постельные принадлежности Чада, наша одежда … и так оно и было.

— Ты можешь опустить меня как что-то такое, от чего не будет никакой пользы, — сказал Корбан, с горечью. — Я не смог даже заставить себя отказаться от похищения.

— Тот тазер, был одной из разработок Блеквуда?

— Не Тазер — Тазер это фирменный знак. Блэквуд продает свой парализатор… определенным правительственным агентствам, которые хотят допросить заключенных, не нанося никакого видимого вреда. Это намного жарче, чем что-либо из того, что делает тазер.

Не законный для гражданского рынка, но.. — Казалось, он гордился им — гордый и сглаженный, будто представляя продукт на продажу в конференц-зале. Он остановился сам, и просто сказал, — Я сожалею.

— Здесь нет твоей вины, — сказала я ему. Я посмотрела на Чада, который, казалось, был основательно напуган. — Эй, почему бы тебе не перевести для меня минуту.

— Хорошо. — Корбан посмотрел на сына. — Позволь мне сказать ему, что я делаю. — Он пошевелил руками, потом сказал: — Иди.

— Блэквуд вампир, — объяснила я Чаду. — Это означает, что твой отец ничего не может сделать, но он следует приказам Блэквуда — это часть того, что умеет вампир. Я немного защищена, по причине того, что я вижу призраков и могу поговорить с ними. Это единственная причина, почему он не сделал то же самое со мной… пока. Ты будешь знать, когда твой отец под контролем. Блэквуду не нравится твой папа, говорящий с тобой жестами — он не может прочитать жесты. Таким образом, если твой отец не показывает знаки, то тебе необходимо смотреть в оба. Твой отец борется к контролем, ты можешь видеть это по его плечам.

Я замолчала, потому что Чад начал быстро размахивать руками, его пальцы, преувеличивали все движения… Его эквивалент крика, предположила я.

Корбан не перевел, что сказал Чад, но сам ответил ему, показывая жесты очень медленно, чтобы Чад понял все правильно и произнес свои слова вслух, когда он ответил. — Конечно, я твой отец. Я держал тебя в своих объятиях, в день, когда ты родился и сидел ночами в больнице, когда ты едва не умер на следующий день. Ты мой. Я заработал право быть твоим папой. Блэквуд хочет, чтобы ты был одинок и испуган. Он — хулиган и питается страданием так же как и кровью. Не дай ему победить.

Сперва нижняя челюсть Чада дернулась, но прежде, чем я увидела слезы, его лицо скрылось от Корбана.

Эмбер выбрала не самое подходящее время, чтобы зайти.

— Жарко наверху, — объявила она. — Я буду спать здесь с тобой.

— У тебя есть ключ? — спросила я. Не то, чтобы я ожидала, что Блэквуд забудет. Главным образом я просто хотела удержать ее внимание на себе и позволить Чаду, который не заметил ее, продлить этот момент с отцом.

Она рассмеялась. — Нет, глупая. Джим очень недоволен тобой. А я не собираюсь помогать тебе бежать. Я просто буду здесь спать. Это будет довольно удобно. Как кемпинг.

— Подойди сюда, — сказал я. Я не знала, как это работает. Я ничего не знала.

Но она подошла. Я не знала, была ли она вынуждена это сделать или же просто выполнила мою просьбу.

— Что тебе нужно? — Она остановилась в пределах легкой досягаемости руки.

Я высунула руку через решетку и протянула руку. Она смотрела на нее, всего мгновение, и взяла ее.

— Эмбер, — сказала я торжественно, глядя ей в глаза. — Чад будет в безопасности. Я тебе обещаю.

Она кивнула со всей серьезностью. — Я буду заботиться о нем.

— Нет, — я сглотнула, а затем вложила власть в мой голос. — Ты мертва, Эмбер. — Выражение ее лица не изменилось. Я сузила глаза, это была моя лучшая имитация Адама. — Верь мне.

Сначала ее лицо озарилось той ужасной фальшивой улыбкой, и она начала что-то

говорить. Она посмотрела на мою руку, потом на Корбана и Чада, который еще не заметил ее присутствие.

— Ты мертва, — вновь сказала я.

Она рухнула, где стояла. Это не было изящно или нежно. Ее голова ударилась о пол с глухим звуком.

— Он может ее снова призвать? — быстро спросил Корбан.

Я опустилась на колени и закрыла глаза. — Нет, — ответила ему с большей уверенностью, чем сама ощущала. Кто знал, что Блэквуд мог сделать?

Но ее муж должен был полагать, что для нее все кончено. Во всяком случае, это не Эмбер ходила вокруг ее тела. Эмбер ушла.

— Спасибо тебе, — поблагодарил он меня, со слезами на глазах. Он вытер лицо и постучал Чаду по плечу.

— Эй, парень, — сказал он, и отошел так, чтобы Чад смог увидеть тело Эмбер. Они долго говорили тогда. Корбан притворялся крепким, и позволил своему сыну поверить в сверхчеловеческие качества своего отца, по крайней мере еще на один день.

Мы спали, мы все, как можно дальше от тела Эмбер, как только могли. Они придвинули кровать вплотную к моей камере и вдвоем легли спать на нее, а я улеглась на полу рядом с ними. Чад дотянулся до меня, не смотря на решетку, и держал руку на моем плече. Пол в камере можно было, с тем же успехом, выложить гвоздями, и я все равно спала бы.

— Мерси?

Голос был незнакомым, но таким же был и цемент под моей щекой. Я подняла голову и сразу же пожалела об этом. Все болело.

— Мерси, темно, и Блэквуд скоро будет здесь.

Я села и посмотрела через всю комнату на оукмена. — Добрый вечер.

Я не произносила его имя. Некоторые фейри двояко относились к именам, и способ, которым Блэквуд злоупотребил им, заставил меня думать, что оукмен был одним из тех. Я не могла поблагодарить его, и я искала способ выразить благодарность за исполнение моей просьбы, но я так и не нашла.

— Я собираюсь попробовать кое-что, — сказала я наконец. Я закрыла глаза и призвала Стефана. Когда я почувствовала, что сделала это так хорошо, как только могла, я открыла глаза и потерла ноющую шею.

— Что ты пытаешься сделать? — спросил Корбан.

— Я не могу сказать тебе, — ответила я. — Мне очень жаль. Но Блэквуд не должен знать — и я не уверена, что это сработало. — И я действительно так думала. Я никогда не была в состоянии чувствовать Стефана как, я чувствовала Адама. Если Блэквуду не удалось взять меня … пока …, то это должно означать, что Стефан мог все еще услышать меня. Я надеялась на это.

Я попыталась почувствовать Адама. Но я ничего не чувствовала: ни его, ни стаю. Это было, вероятно, очень хорошо. Блэквуд сказал, что он был готов к оборотням, и я верила ему.

Блэквуд не пришел. Мы все старались не замечать Эмбер, и я была благодарна за прохладу подвала. Призраки не появлялись.

Мы говорили о вампирах, я рассказывала им в общих чертах что знала, только опуская имена.

Стефан тоже не пришел.

После того, как часы скуки и несколько минут смущения, когда кто-то должен был

использовать ведра, прошли, я наконец попыталась снова уснуть. Я считала овец. Много овец.

Где-то в середине следующего дня я пожалела, что не съела то, что подготовила Эмбер. Но я больше хотела пить, чем что-либо еще. Волшебный посох появился однажды, но я сказала ему уйти, и оставаться в безопасности, говоря тихо, чтобы никто не заметил. Когда я оглянулась, посмотрев на угол, он снова исчез.

Чад учил меня и оукмена, как ругаться на Амслене и работал с нами, до тех пор, пока наша орфография на пальцах не стала довольно хорошей. Это оставило боль в моих руках, но держало его занятым.

Мы узнали, что Блэквуд снова обратил на нас внимание, когда Корбан остановился на середине предложения. Через несколько минут он повернул голову, и Блэквуд открыл дверь.

Вампир посмотрел на меня без интереса. — И где ты думаешь, я найду вам другого повара? — Он убрал тело и вернулся через несколько часов с яблоками, апельсинами и бутилированной водой — небрежно бросая их через решетку.

Его руки пахли Эмбер, гнилью, и землей. Я предположила, что он похоронил ее где-то.

Он забрал Корбана. Когда отец Чада вернулся, то был не уверен и слаб, и появился еще один след укуса на его шее.

— Мой друг лучше, чем ты, — сказала я сопливым голоском, поскольку Блеквуд остановился перед открытой дверью клетки, чтобы посмотреть на Чада. — Он не оставляет огромных синяков.

Вампир захлопнул дверь, запер ее и спрятал ключ в карман брюк. — Всякий раз, когда ты открываешь рот, — сказал он, — Удивляюсь, что Маррок не скрутил твою шею несколько лет назад. — Он слегка улыбнулся.

Прекрасно. Так как ты причина моего голода, ты же можешь и утолить его.

Причиной его голода… когда я отослала Эмбер из ее мертвого тела, это, должно быть, причинило ему боль. Хорошо. Теперь все, что мне оставалось сделать — это заставить его сделать гораздо больше зомби или как там он их называет. Тогда я могла бы уничтожить и их. Тогда я смогла бы ослабить его достаточно, чтобы мы победили. Конечно, самые близкие доступные люди, чтобы стать зомби, были мы.

Он открыл дверь моей клетки, и мне стало трудно думать о настоящем, не паниковать. Я боролась с ним. Не думаю, что он ожидал.

Годы каратэ отточили мои рефлексы, и я была быстрее, чем мог бы быть человек. Но я была слаба — яблоко в день может поддерживать жизнь, но это не лучшая диета для оптимальной работоспособности. Через некоторое время, это было слишком быстро для моего эго, чтобы быть счастливой, ему удалось схватить меня.

На этот раз он не стер мне память о укусе в шею. Было очень больно, это было либо наказание за причиненные неудобства, либо за укус Стефана, который почти испортил его план — я знаю недостаточно, чтобы сказать точно.

Когда он попытался накормить меня своей кровью, я отбивалась как могла и, наконец, он схватил меня за челюсть и заставил меня взглядом.

Я проснулась в дальнем углу клетки, а Блэквуд исчез. Чад начал шуметь, пытаясь привлечь мое внимание. Я поднялась на карачки. Когда совершенно ясно стало понятно, что я не в состоянии двинуться дальше, я села, оставив попытки встать.

Это заставило его слегка улыбнуться. Корбан сидел в середине их клетки, смотря на отметку в цементе.

— Ну, оукмен, — сказала я, устало. — Там дневной свет или тьма?

Прежде чем он ответил мне, я увидела Стефана в моей клетке. Я тупо моргнула, смотря на него. Я протянула руку и слегка коснулась его руки, чтобы убедиться, что он настоящий.

Он похлопал меня по руке и бросил короткий взгляд вверх, как будто он мог видеть сквозь потолок на этаж выше.

— Он знает, что я здесь. Мерси -

— Ты должен забрать Чада, — сказала я ему тут же.

— Чада? Стефан проследил за моим взглядом и напрягся. Он начал качать головой.

— Блэквуд убил его мать — но оставил ее зомби, чтобы делать его работу по дому, пока я не убил ее по-настоящему. — сказала я ему. — Чада нужно забрать в безопасное место.

Он уставился на мальчика, который смотрел куда-то назад. — Если я заберу его, то не смогу вернуться в течение нескольких ночей. Я буду без сознания, а никто не знает, где ты находишься, кроме меня и Марсилии. — Он произнес ее имя так, будто по-прежнему не был доволен ей. — А она не пошевелит и пальцем, чтобы помочь тебе.

— Я смогу пережить пару ночей, — сказала я с убеждением.

Стефан сжал руки. — Если я сделаю это, — сказал он отчаянно, — если я сделаю это, и ты выживешь — ты простишь меня за других.

— Да, — сказала я. — Забери отсюда Чада.

Он исчез, затем появился вновь, стоя рядом с Чадом. Он начал использовать язык жестов, чтобы сказать что-то — но мы оба слышали, как Блэквуд мчался вниз по лестнице.

— К Адаму или Сэмюэлю, — сказала я поспешно.

— Да, — сказал мне Стефан. — Останься в живых.

Он подождал, пока я кивну, потом исчез вместе с Чадом.

Блеквуд был более не доволен присутствием Стефана в его доме, чем исчезновением Чада. Он разглагольствовал и бредил, и если бы он ударил меня снова, я волновалась, что была бы не в состоянии сдержать обещание данное Стефану.

Видимо, он пришел к тому же выводу. Он стоял, глядя на меня. — Есть способы не допустить других вампиров в мой дом. Но они уже на грани, и я рассчитываю, что твой друг Корбан не переживет мою жажду. — Он наклонился вперед. — Ах, теперь ты напугана. Хорошо. — Он вдохнул, как винный дегустатор — вино, особенно прекрасного года изготовления.

Он ушел.

Я свернулась калачиком на полу и обняла мои страдания вместе с волшебным посохом. Оукман пошевелился.

— Мерси, что это там у тебя?

Я подняла одну руку и махнул ею слабо в воздухе, таким образом, он увидел его. Это не причинило той боли, которую я думала, мне принесет это движение.

После недолгой паузы, оукмен сказал, почтительно, — Как это оказалось здесь?

— Это не моя вина, — ответила я ему. Мне потребовалось время, чтобы сесть… и я поняла, что Блэквуд гораздо лучше контролировал себя, чем казалось, потому что ничего не было сломано. Не было части моего дела, где не было бы синяка, но все было цело.

— Что ты имеешь в виду? — спросил оукмен.

— Я пыталась вернуть его, — объяснила я, — но он продолжает появляться. Я сказала ему, что это не подходящее место для него, и он оставил меня на некоторое время, а потом вернулся.

— С вашего позволения, — сказал он формально, — Можно посмотреть?

— Конечно, — сказала я, и попыталась бросить ему посох. Я должна была быть в состоянии сделать это. Расстояние между нашими клетками было менее десяти футов, но … синяки сделали это более трудным, чем обычно.

Он приземлился на пол, на полпути между нами. Но, когда я посмотрела на него в смятении, он откатился назад ко мне, не останавливаясь, пока не коснулся прутьев клетки.

В третий раз я бросила его, и оукмен поймал его на лету.

— Ах, Луг, ты сделал такую прекрасную вещь, — он напевал, лаская посох. Он прижался к нему щекой. — Он следует за тобой, потому что он должен тебе служить, Мерси. — Он улыбнулся, пробуждая линии и морщины в темном дереве, изменился цвета его лица и блеск в глазах от черного до фиолетового. — И потому, что он любит тебе.

Я начала что-то говорить ему, но всплеск магии перебил меня.

Улыбка оукмена иссякла. — Магия брауни, — сказал он мне. — Он хочет заблокировать дом от других вампиров. Брауни принадлежала ему до меня, и она нашла свое освобождение только весной этого года. Так что он до сих пор пользуется ее властью почти в полную силу. — Он посмотрел на Корбана. — Волшебство, которое он творит, оставит его голодным.

Была одна вещь, которую я могла сделать — и это означало, отказ от своего слова Стефану. Но я не могла позволить Блэквуду убить Корбана, не попытавшись его защитить.

Я сняла одежду и изменилась. Пруты в моей клетке были установлены близко друг к другу. Но, я надеялась, не слишком близко.

Койоты узкие в ширину. Очень узкие. Если я смогу просунуть голову, то и все остальное пролезет. Я стояла на другой стороне моей клетки, я встряхнулась, распрямляя мех, и смотрела как открывалась дверь.

Блэквуд не смотрел на меня, он смотрел на Корбана. Так что у меня появилась возможность нанести удар первой.

Скорость — это все что у меня есть. Я так же быстра, как и большинство оборотней и, я успела убедится, большинства вампиров, тоже.

Я должна была быть ослаблена и немного медленна из-за повреждений нанесенных Блэквудом, из-за отсутствия реальной пищи и потому, что я кормила вампира. Кроме того, обмен кровью с вампиром может иметь и другие последствия. Я и забыла это. Это сделало меня сильнее.

Я пожелала, яростно, весить двести фунтов вместо своих тридцати.

Желала длиннее клыки и острее когти, ведь все, что я могла сделать, это поверхностные повреждения, он исцелит их почти сразу, как я нанесу их.

Он схватил меня обеими руками и бросил в цементную стену. Казалось, что я летела в замедленном темпе. Было время, чтобы крутануться и упасть на ноги, а не на спину, как он и ожидал. Приземлившись, я увидела, что он ринулся в атаку.

На этот раз, правда, у меня не было элемента неожиданности. Если бы я бежал от него, он не смог бы меня поймать. Но с близкого расстояния, преимущество в повышенной скорости проиграло недостатком моего размера. Я лишь задела, воткнув мои клыки в плечо, но я хотела убить, а это было просто невозможно, койот, неважно насколько он быстр или силен, не может убить вампира.

Я уклонилась назад, стараясь спрятаться … а он упал лицом вниз на цементный пол. А в спине Блэквуда, словно знамя победы, был воткнут посох.

— Я был когда-то справедливым копьеносцем, — сказал оукмен. — Луг был лучше. Ничто, что он создал, не могло не стать копьем при необходимости.

Тяжело дыша, я посмотрела на него. потом вниз на Блэквуда. Он пошевелился.

Я снова стала человеком, потому что только так я могла справиться с дверью. Затем я побежала на кухню, где, надеюсь, будет нож, достаточно большой, чтобы пройти через кости.

В деревянном блоке, стоящего около раковины, находился нож для мяса и французский разделочный нож… Я схватила в каждую руку по ножу и побежала вниз по лестнице.

Дверь была заперта, ручка не поворачивалась. — Впусти меня! — приказала я, не узнавая собственный голос.

— Нет. Нет, — сказал голос Джона. — Ты не можешь убить его. Я буду в одиночестве.

Но дверь отворилась, и это было все, о чем я заботилась.

Я не видел Джона, но Екатерина стояла на коленях рядом с Блэквудом. Она бросила взгляд на меня, но она уделяла больше внимания умирающему (я искренне надеялась) вампиру.

— Позволь мне выпить, дорогой, — она напевала ему. — Позволь мне выпить, и я позабочусь о ней для тебя.

Он смотрел на меня, когда пытался вытащить руку из-под себя. — Пей, — сказал он и улыбнулся мне.

Со злорадным триумфом она склонила голову.

Она все еще пила, когда нож для мяса пронесся со свистом через ее призрачную голову и начал отрезать шею Блэквуда. Топор был бы лучше, но с его силой, которая все еще текла в моих руках, ножом прекрасно справлялся с работой. Второй разрез отрезал ему голову окончательно.

Его голова коснулась моих пальцев ног, и я продвинула ее дальше. С ножами в обеих руках, у меня не было возможности ощущать себя победителем, или почувствовать тошноту, из-за того, что я сделала. Не рядом с солидной Екатериной, которая улыбалась своей бабушкиной улыбкой, стоя, лишь, в шести футах от меня.

Она улыбнулась, ее рот был красным от крови Блэквуда. — Умри, — сказала она, протянув руку.

В прошлом году Сенсей уделил шесть месяцев на форму сай. Ножи были не так хорошо сбалансированы для боя, но они работали. Это была работа мясника и мне это удалось только отчаянно цепляясь за здесь и сейчас. Этажи, стены, и я все было пропитано в крови. А Кэтрин все не умирала …, или скорее она уже была мертва. Ножи держали ее от меня, но ни одна из ран, казалось, не навредила ей.

— Брось мне посох, — попросил мягко оукмен.

Я бросила французский нож и схватила посох свободной рукой. Он выскользнул из спины Блэквуда, словно не хотел быть там. На мгновение я подумала, что его конец был острым, но мое внимание было сосредоточено на Екатерине, и я не могла удостовериться в этом.

Я бросила его оукмену и отвела Екатерину от клетки Корбана. Он упал в обморок, когда я отрезала голову Блэквуда, мало чем отличающемся от зомби Эмбер. Я надеялась, что он не был мертв — не было ничего, что я могла делать с этим, если так оно и было.

Краем глаза я видела, что оукмен облизал языком покрытый кровью посох по крайней мере восемь дюймов длиной. — Мертвая кровь является лучшей, — сказал он мне. И затем

он бросил посох во внешнюю стену и произнес слово …

Взрыв сбил меня с ног и я упала на труп Блэквуда. Что-то ударило меня в затылок.

Я смотрела на солнечный свет, освещающий мои руки. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять: что бы ни ударило меня, должно быть, это вырубило меня. Под моей рукой была толстая куча пепла, и я дернулась прочь. Под пеплом был ключ. Это был ключ открывающий клетки. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы положить руку обратно в то, что было Блэквудом и забрать его. У меня болело все от главы до пят, но ушибы, которые вампир нанес мне после того, как исчез Чад, почти исчезли. И другие исчезали, как я заметила.

Я не хотела думать об этом слишком много.

Оукмен протянул руку между прутами, но он не был в состоянии коснуться солнечного света, проникающего в подвал из отверстия, которое он взорвал в стене моей тростью. Его глаза были закрыты.

Я открыла клетку, но он не пошевелился. Мне пришлось тащить его на улицу. Я не обратила внимания, даже если он не дышал. Или я очень старалась этого не делать. Он жив, еще жив, подумала я. Фейри очень трудно убить.

— Мерси, — это был Корбан.

Я сию же секунду уставилась на него, пытаясь сообразить, что делать дальше.

— Не могла бы ты открыть мою дверь? — его голос был мягким и нежным. Вроде голоса, которым говорят с умалишенными.

Я посмотрела на себя и поняла, что я абсолютно голая и покрыта кровью с головы до ног. Нож был все еще в моей левой руке. Моя рука так сжимала него, что мне стоило многих усилий, чтобы уронить его на пол.

Ключ также открыл дверь в клетку Корбана.

— Чад с некоторыми моими друзьями, — сказала я ему. Мой голос звучал немного невнятно, и я признала, что находилась в шоке. Реализация помогла мне немного, и мой голос стал ясным, когда я продолжила: — Эти друзья способны защитить мальчика от буйного вампира.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Ты была без сознания долгое время. Как себя чувствуешь?

Я ответила ему усталой улыбкой. — У меня болит голова.

— Тебе нужно помыться.

Он повел меня вверх по лестнице. Я не думала, что должна была захватить свою одежду, пока не оказалась одна в огромной золото-черной ванной. Я включила душ.

— Джон, — сказала я. Я не потрудилась искать его, потому что чувствовала его. — Ты никогда не будешь вредить никому снова. — Я чувствовал толчок волшебства, которое сказало мне, что это было, я могла управлять призраками.

И я добавила: — И выйди из этой комнаты. — для большей уверенности.

Я соскребла с себя всю грязь и завернулась в полотенце, достаточно большое для трех меня. Когда я вышла, Корбан ходил в холле перед ванной комнатой.

— Кому ты сообщишь о всем произошедшем? — спросил он. — Все очень плохо. Блэквуд отсутствует; Эмбер — мертва и, наверное, похоронена во дворе. Я юрист, и если бы я был моим собственным клиентом, я бы посоветовал себе, чтобы избежать судебного разбирательства, признать себя виновным, и сократить тем самым срок, который мне грозит.

Он боялся.

Мне наконец пришло в голову, что мы выжили. Блэквуд и призрак его милой бабушки вампира исчезли. Или, по крайней мере, я надеялась, что она исчезла. Второй кучки пепла в подвале не было.

— Ты заметил другого вампира? — Я спросила его.

Он ответил мне с пустым взглядом: — Другой вампир?

— Не бери в голову, — сказала я. — Я думаю, что солнечный свет убил ее.

Я встала и нашла телефон на маленьком столике в углу гостиной. По памяти набрала номер мобильного Адама.

— Эй, — сказал я. Голос звучал, будто я курила всю ночь напролет.

— Мерси? — и я осознала, что нахожусь в безопасности.

Я села на пол и повторила: — Эй.

— Чад сказал нам, где вы находитесь, — сказал он мне. — Мы находимся примерно в двадцати минутах езды.

— Чад сказал тебе? — Стефан бы до сих пор без сознания, это я знала. Это просто и в голову не приходило, что Чад мог бы сказать им, где мы были. Глупая я. Все, что для этого нужно, это листок бумаги.

— Чад все в порядке? — быстро спросил Корбан.

— В порядке, — заверила я. — И он ведет кавалерию сюда.

— Похоже, что мы там не нужны, — сказал Адам.

Я нужна ему.

— Блэквуд мертв, — сказала я Адаму.

— Я так и подумал, так как ты позвонила мне, — ответил Адам.

— Если бы не оукмен, может, все закончилось плохо, — сказал я ему. — И я думаю, что оукмен мертв.

— Честь ему, тогда, — послышался голос Сэмюэля. — Умереть, убив одного из прислужников зла — это не плохо, Мерси. Чад спрашивает, как его отец.

Я вытерла лицо и собралась с мыслями. — Скажите Чаду, что с ним все в порядке. Мы оба прекрасно. — Я смотрела, как синяки исчезают с моей ноги. — Не мог бы ты… не мог бы ты остановиться у магазина и купить желтый игрушечный автомобиль для меня? Возьми его с собой, когда зайдешь в дом?

Наступила недолгая пауза. — Желтый игрушечный автомобиль? — спросил Адам.

— Правильно. — Я вспомнила кое-что еще. — Адам, Корбан боится, что полиция будет думать, что он убил, Эмбер и, вероятно, Блэквуда, хотя трупа не будет.

— Верь мне, — сказал Адам. — Мы обо всем договоримся.

— Хорошо, — ответила я. — Спасибо.

И немного подумав добавила: — вампиры потребуют смерти Чада и Корбана, они слишком много знают.

— Ты, Стефан и стая- единственные, кто знает это, — заметил Адам. — Стая не вмешается, а Стефан не будет предавать их.

— Эй, — сказала я ему, прижав трубку к лицу, пока не почувствовала боль. — Я люблю тебя.

— Я скоро буду.

Я оставила Корбана, сидящим в гостиной и неохотно пошла вниз по лестнице. Я не хочу знать наверняка, что оукмен был мертв. Я не хочу, противостоять Кэтрин, если она по-прежнему была там… и я подумала, что она убила бы меня, если бы могла. Но я также не

хочу быть голой, когда придет Адам.

Оукмен исчез. Я решила, что это хорошо. Фейри, насколько я знала, — превращаются в пыль и пепел развивается по ветру, когда они умирали. Так что, если его здесь не было, это означало, что он умер.

— Спасибо, — прошептала я, слова благодарности, так как он не мог меня услышать. Потом я надела свою одежду и побежала вверх по лестнице, чтобы ждать спасителей вместе с Корбаном.

Когда пришел Адам, я спросила у него о машинке. Это была модель VW-жук в масштабе 1:16. Он смотрел, как я вытащила ее из пакета и последовал за мной вниз по лестнице. Я поставила ее на кровать в маленькой комнате, где впервые проснулась.

— Это тебе, — прошептала я.

Никто не ответил мне.

— Ты собираешься мне сказать, что здесь было? — Адам спросил, как только мы вернулись наверх.

— Когда-нибудь, — улыбнулась ему. — Тогда. когда мы сядем вокруг костра и будем рассказывать страшные истории, я хочу напугать тебя. — Он улыбнулся, и его рука обняла меня за плечи. — Поехали домой.

Я закрыла рукой Агнца на ожерелье, которое нашлось на столе, рядом с телефоном, как будто кто-то оставил его для меня.

Глава 13

В следующую субботу мы покрасили гараж. Верный своему слову, Вульфи снял скрещенные кости. Меньшее, из того, что он мог бы сделать, это перекрасить дверь, но он сумел удалить кости и не тронуть граффити, которые ее покрывали. Думаю, он сделал это по моей вине.

Сестры Габриэля голосовали за розовый как новый цвет и были очень разочарованы, когда я настояла на белом. Но, я сказала им, что они могли окрасить в розовый дверь.

Это же гараж. Как это может ему повредить?

— Это — гараж, — сказала я Адаму, который скептически смотрел на ярко-розовую дверь. — Как это может ему повредить?

Он засмеялся и покачал головой. — Это заставляет меня щуриться, даже в темноте, Мерси. Эй, я знаю, что подарить тебе на следующий день рождения, — сказал он. — Набор инструментов, розовый или фиолетовый. А может и леопардовый.

— Ты спутал меня с моей матерью, — сказала я с достоинством. — Дверь окрашена дешевой краской — ни одна уважающая компания, не выпускает краску такой безвкусной цветовой палитрой. Дай ей пару недель, и она превратится в оранжево-розовый цвет. Тогда я могу нанять их снова, чтобы покрасить в коричневый или зеленый цвет.

— Полиция обыскала дом Блеквуда, — сказал мне Адам. — Они не нашли никаких признаков Блэквуда или Эмбер. Официально, они считают, Эмбер, возможно, сбежала с Блеквудом. — Он вздохнул. — Я знаю, что бросать тень на Эмбер несправедливо, но это была лучшая история, которую мы смогли придумать и при этом оставить ее мужа на свободе.

— Люди, для кого это имеет значение, знают — сказала я ему. — У Эмбер не было ближайших родственников, о которых она заботилась. Через несколько месяцев я предварительно запланировала поездку в город Меса, штат Аризона, где жила Чар. Я скажу ей, Чар, потому что она была единственным другом Эмбер, о котором она позаботилась бы. — Никто не попадет в беду от этого, не так ли?

— Люди, для кого это имеет значение, знают — ответил он с легкой улыбкой. Неофициально Блэквуд напугал до чертиков очень много людей, которые рады видеть его пропавшим. Никто не станет содействовать ему.

— Хорошо. — Я коснулась ярко белой стены рядом с дверью. Я надеялась, что это не отпугнет клиентов. Люди забавны. Мои клиенты смотрят на мой захудалый с виду гараж и знают, что экономят деньги, я не вкладываюсь в «подтяжку лица».

Кузина Тима Кортни заплатила за всю краску и труд взамен за снятие моих обвинений с нее. Я полагаю, что ей причинили достаточно боли.

— Я слышал, вы с Зи решили что-то о гараже.

Я кивнула. — Я должна расплатиться с ним немедленно — он так сказал, и он фейри, так что я действительно должна это сделать. Он собирается одолжить мне денег, чтобы сделать это на той же процентной ставке, как и у первоначального кредита.

Он усмехнулся и открыл розовую дверь, чтобы я могла пройти внутрь. — Так ты не хочешь платить ему такую же сумму, как и прежде?

— Дядюшка Майк это придумал, тем самым осчастливив Зи. — Позабавив, больше подходит. У всех Других странное чувство юмора.

Стефан сидел на стуле у кассы. Он провел две ночи, сидя в подвале у Адама, затем исчез, не сказав ни слова Адаму или мне.

«Эй, Стефан,» сказал я.

«Я пришел, чтобы сказать тебе, что мы больше не связанны,» сказал он мне сухо. «Блэквуд сломал ее.

— Когда? — Спросила я. — У него не было времени. Ты ответил на мой призыв — и это было не за долго до того, как

умер Блэквуд.

Я думаю, что это случилось когда он кормился тобой снова. — сказал Стефан. — Потому что, когда Адам позвонил мне и сказал, что ты пропала, я не смог найти тебя.

— Тогда как тебе удалось меня найти? — Спросила я.

— Марсилия.

Я смотрела на его лицо, но я не могла прочитать, чего ему стоило, попросить ее о помощи. Или что она потребовала взамен.

— Ты не сказал мне это, — возмутился Адам. — Я бы пошел с тобой.

Вампир угрюмо улыбнулся. — Тогда она бы ничего не сказала мне.

— Она знала, где жил Блэквуд? — спросил Адам.

— Это то, на что я надеялся. — Стефан взял ручку и играл с ней. Должно быть, я использовала ее последней, потому что пальцы испачкались в жирном черном масле. — Но нет. Она знала, что у Мерси было сообщение для меня с кровью и сургучной печатью. Ее кровью. Она могла отслеживать сообщение. А так как оно было в пределах Спокана, мы оба были уверены, что письмо все еще у Мерси.

Это напомнило мне. Я вытащила мятое письмо из своего заднего кармана. Онс избежало стирку с моими джинсами — но только потому, что у Сэмуэля была привычка проверять карманы прежде, чем кинуть в стиральную машинку.

Что-то насчет гаек и болтов побывавших в сушилке и раздражающе шумевших — я думала, что это было направлено на меня, но я, возможно, была параноиком.

Стефан взял письмо так, словно я протянула ему бутылку нитроглицерина. Он распечатал его и прочел. Закончив, он сжал его в руке и уставился на прилавок.

— Она говорит, — он сказал нам тихим, сдержанным голосом, — что мои люди находятся в безопасности. Вульфи и она забрали их, и убедили меня, что они умерли так, что я в это поверил. Это было необходимо, чтобы я считал, что они были мертвы, что Марсилия больше не хотела, чтобы я был в семье. Она держит их в безопасном месте. — Он сделал паузу. — Она хочет, чтобы я вернулся домой.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Адам.

Я была уверена, что знаю. Но я надеялась, что он заставит ее адски потрудиться для этого. Пусть она и не убила его людей, но она причинила им боль — Стефан чувствовал это.

— Я собираюсь рассмотреть этот вопрос в дальнейшем, — сказал он. Но он разгладил записку и прочитал ее еще раз.

— Эй, Стефан, — сказала я.

Он посмотрел наверх.

— Ты очень потрясающий, ты знаешь? Я ценю все что ты сделал для меня.

Он улыбнулся, тщательно сложив письмо. — Да, ты сама потрясающая. Если ты когда-либо снова захочешь стать кому-нибудь обедом …, - он выскочил из офиса, не попрощавшись.

— Лучше собери свою сумочку, — сказал Адам. — Мы же не хотим опоздать.

Адам брал меня в Ричленд, где местная труппа оперетты ставила Пиратов Пензанса. Гильберт и Салливан, пираты и никаких вампиров, пообещал он мне.

Это была великолепная постановка. Я смеялся, пока не охрипла и вышла, напевая, заключительную песенку. — Да, — сказала я ему. — Я думаю, что парень, сыгравший Короля пиратов, был удивительным.

Он застыл на месте.

— Что? — спросила я, нахмурившись, но не стирая широкую улыбку с лица.

— Я не говорил, что мне понравился Король пиратов, — сказал он мне.

— Ох, — Я закрыл глаза — и он был там. Теплое, острое присутствие прямо на грани моего восприятия.

Когда я открыла глаза, он стоял прямо передо мной. — Круто, — сказала я. — Ты вернулся.

Он неторопливо поцеловал меня. Когда поцелуй прервался, я была более чем готова отправиться домой. Быстро.

— Ты заставляешь меня смеяться, — сказал он серьезно.

Я вернулась домой, чтобы выспаться. Сэмуэль работал до раннего утра и я хотела быть дома, когда он вернется.

Я остановилась, прежде чем войти, поскольку что-то изменилось. Я сделала глубокий вдох, но не почувствовала запаха вампиров, скрывающихся у моей двери. Но там возле моего окна спальни был дуб.

Его не было там, когда я уезжала этим утром, чтобы пойти покрасить. Но не тут-то было, со стволом около двух дюймов в окружности и ветвями, которые были на несколько футов выше моего трейлера. Не было никаких признаков недавно перекопанной земли, только дерево. Его листья начали менять цвет к осени.

— Не за что, — сказала я. Когда пошла обратно в дом, то споткнулась о посох.

— Эй. Ты вернулся!

Я оставила его на своей кровати, приняла душ, и он все еще был там, когда я вышла. Я надела одну из фланелевых рубашек Адама, потому что осенние ночи были довольно холодны, а мой сосед никак не хотел повышать температуру. И потому, что она пахла, как Адам.

Когда раздался звонок в дверь, я натянула шорты и оставила посох там, где он был.

Марсилия стояла на крыльце. На ней были невысокие джинсы и черный свитер с глубоким вырезом.

— Мое письмо было открыто сегодня вечером, — сказала она мне.

Я сложила руки на груди и не пригласил ее. — Это верно, я отдала его Стефану.

— Она постучала ногой. — Он читал?

— Ты все-таки не убивала его людей, — сказала я ей скучающим голосом. — Ты просто обидела их и разорвала его связь с ними, поэтому он решил, что они умерли.

Ты не одобряешь? — Она подняла бровь. — Любой другой Господин убил бы их — это гораздо легче. Если бы он был самостоятельнее, он бы знал, что мы сделали. — Она улыбнулась мне. — О-о, я вижу. ты беспокоилась о его овцах. Лучше пострадать немного и остаться в живых — разве тебе не говорили?

— Почему ты здесь? — я спросила ее.

Ее лицо потемнело, и я решила, что она может не ответить. — Потому что письмо было

прочитано, и Стефан не пришел.

— Ты пытала его, — сказала я горячо. — Ты чуть не заставила его сделать то, что он никогда не стал бы делать добровольно.

— Мне жаль, что он не убил тебя, — сказала она искренне. — За исключением того, что это причинило бы ему боль. Я знаю Стефана. Я знаю его контроль. Ты никогда не была в опасности.

— Он не верит этому, — сказала я ей. — Теперь ты бросаешь ему кость. ' Посмотри Стефан, мы не убивали твоих людей. Мы пытали тебя, причиняли боль, изгнали — но все это было из добрых побуждений. Мы хотели смерти Андре, и пусть ты мучился виной несколько месяцев, поскольку это служило нашей цели.' И ты задаешься вопросом почему он не возвращается к тебе.

— Он понимает, — сказала она.

— Это так. — Руки Стефана опустились на мои плечи, и он потянул меня на несколько дюймов назад от порога двери. — Я понимаю почему и как.

Она посмотрела на него … и на мгновение я смогла увидеть, сколько лет, как она устала. — Для блага семьи, — сказала она ему.

Он опустил подбородок к макушке моей головы. — Я знаю. — Он обнял меня, чуть выше груди, и притянул меня к себе. — Я вернусь. Но не прямо сейчас. — Он вздохнул в мои волосы. — Завтра. Я заберу у тебя своих людей. — И он ушел.

Марсилия посмотрела на меня. — Он солдат, — сказала она мне. — Он знает, как жертвовать собой ради благой цели. Это то, что делают солдаты. Это не пытки он не может простить мне. И ни обмана о своих людях. А того, что я подвергла тебя опасности, вот почему он злится. — Затем она сказала очень спокойно, — Если бы я могла убить тебя, я бы это сделала.

И она исчезла, точно так же, как Стефан.

— И тебе того же, — сказала я в пространство, где она только что стояла.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net